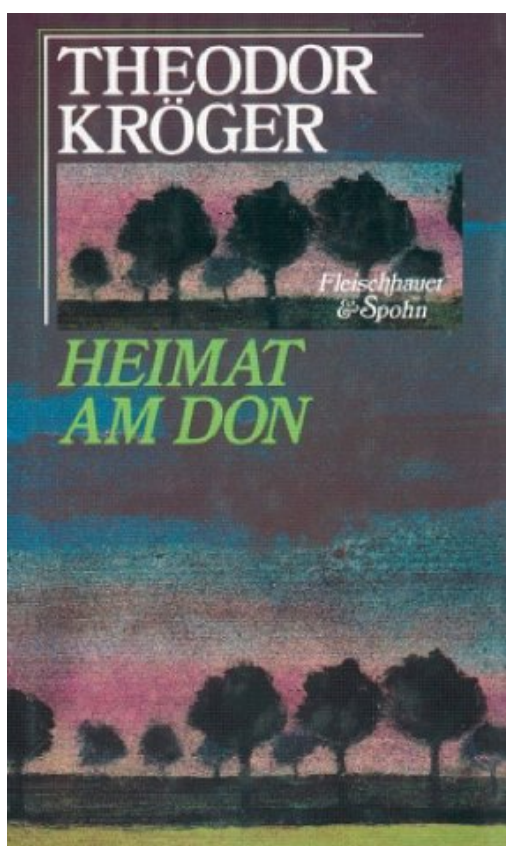

Теодор Крёгер

РОДИНА НА ДОНУ

Издательство Вельтбильд Ферлаг, Аугсбург, 1995.

Оригинал: Theodor Kröger, Heimat am Don, первое издание: Propyläen Verlag, Берлин, 1937 год. Книга переиздавалась в 1955, 1981 и в 1995 годах.

О книге: Действие романа популярного немецкого автора Теодора Крёгера (настоящая фамилия Бернхард Альтшвагер, 05.12.1891 – 24.10.1958) «Родина на Дону» происходит в России во время Первой мировой войны и после большевистского переворота. Любовная история разворачивается на фоне событий Гражданской войны на юге России, на Украине, на Дону и отчаянной последней борьбы Белой армии в Крыму. Вышедший впервые в 1937 году тиражом более 300 000 экземпляров этот роман был настоящим бестселлером национал-социалистического периода.

Живущий в России немец барон Иоганн Рапп, поместье которого было сожжено во время Октябрьской революции, присоединяется к освободительной борьбе донских казаков. Алекса, которую Рапп сначала считал пропавшей без вести, становится медсестрой у казаков, чтобы быть ближе к своему любимому.

Неподвижный, как огромная колода, далеко вытянув вперед обе руки, твердо сжимая поводья в кулаках, бородатый кучер ведет экипаж по улицам Санкт-Петербурга.

- Ну, пошла! – время от времени кричит он громко, и пока пешеходы уступают дорогу бегущему рысью черному жеребцу с длинным развевающимся хвостом, полицейские вытягиваются по стойке «смирно». Они знают, кому принадлежит карета. Вороной конь выбивает искры из грубых камней мостовой. Благородно сгибается его шея под широкой упряжной дугой.

Откинувшись назад на подушки экипажа, Иоганн Рапп наслаждается вечерней поездкой по этому самому прекрасному городу севера, блеск и великолепие которого он не видел уже так долго. Воздух терпкий и горький от близкого моря. Рапп делает глубокий вздох, и его молодое, загорелое лицо довольно улыбается, пока его глаза, полные воодушевления, воспринимают знакомые с детства отличительные признаки Санкт-Петербурга.

Исаакиевский собор, самая монументальная и самая великолепная церковь метрополии, лежит теперь перед его взором. Александровский сад... Здесь в солнечные дни звучат веселые детские голоса...

К западу от Адмиралтейства на украшенной цветами площади Святого Петра поднимается знаменитый памятник Петру Великому на коне. Почти прямо у его ног протекает Нева, на которой этот царь в 1703 году заложил фундамент этого города. Какие гигантские усилия потребовались, чтобы построить эту метрополию – русскую Венецию – посреди болот!

Адмиралтейство... Его фасад тянется на полкилометра и окружен рядами колонн. По обе стороны въезда три женские фигуры держат земной шар. Над этими воротами поднимается башня Адмиралтейства, а над ней тонкий, позолоченный шпиль высотой почти сто метров, на верхушке которого укреплены корона и корабль в качестве флюгера.

Барон Рапп поворачивает взгляд направо к Дворцовой площади. Там широкой дугой простирается колоссальный фасад здания Генерального штаба с его 800 окнами. Посреди площади возвышается могучая Александровская колонна, с высотой в тридцать метров самый большой монолит современности.

Дворцовый сад... окруженный тяжелой кованой железной решеткой, на которой блистает царский двуглавый орел...

Коричневато-красный Зимний дворец... в его «Бриллиантовом кабинете» хранятся все царские регалии, среди них знаменитый скипетр с бриллиантом «Орлов» весом 185 каратов, самым большим в мире...

- Ну, пошла! – снова кричит бородатый кучер и разгоняет мысли молодого барона Раппа.

Его взгляд быстро скользит вдоль старого Эрмитажа, моста над Зимним каналом, дворца великого князя Николая Михайловича, маленькой Суворовской площади с бронзовой статуей знаменитого полководца... и вот копыта жеребца уже гремят по мостовой Троицкого моста.

- Ну, пошла! – снова можно слышать веселый голос кучера. Все люди кажутся радостными в этот июньский вечер 1914 года. Да даже у облаков над темным, вытянутым контуром мрачной Петропавловской крепости видны нежные красные края.

Всего лишь несколько дней назад Рапп скакал на коне по бесконечным полям отцовского имения на Украине, теперь карета полковника Волкова везла его на праздник. Он знал, что фрак шел ему так же хорошо, как куртка для верховой езды. То, что у сегодняшнего приглашения была, собственно, коммерческая подоплека, ему не мешало. Среди элегантных женщин и богатой роскоши этой северной столицы определенно не станут слишком долго беседовать о делах.

За мостом карета снова спешила вдоль широкого проспекта, затем она остановилась перед большим домом с празднично освещенными окнами. Звуки оркестра доносились до улицы. У забора стояли несколько темных фигур, они внимательно слушали музыку и рассматривали подъезжающие экипажи. Никто не говорил ни слова.

Рапп выпрыгнул из кареты, сунул в руку кучеру серебряную монету, затем он поспешил вверх по наружной лестнице и вошел в вестибюль дома Волковых.

Сверкающий свет окружил его, шум множества голосов и смех радостных людей звучали ему навстречу. Пока слуга принимал у него шляпу и пальто, Рапп наблюдал за дамой, которая стояла перед трюмо. Она уже была не молода, но когда она улыбалась в отражении своему мужу, который стоял за нею, это была улыбка любящей, счастливой женщины. Уже седой офицер кивнул ей, затем он откашлялся, наморщил лоб и энергично подкрутил свои усы.

В этот момент появился сын хозяев дома, молодой поручик Александр Волков, и приветствовал гостей. Беззаботно, любезно он схватил Раппа за обе руки и

озорно рассмеялся: – Ваня, наконец-то ты снова в нашем прекрасном, старом Петербурге! Пойдем, я хочу представить тебя! И, повернувшись к паре: – Мой друг, барон Рапп, землевладелец на Украине... Полковник Кошкин и его супруга.

Полковник любезно поздоровался.

- Ваше имя, барон Рапп, мне знакомо. Год назад во время маневров мы размещались в одном из ваших образцовых поместий. Были прекрасные дни, когда у нас всего было вдоволь.

- Мы оба тоже как раз тогда познакомились, – сказал Александр. – У нас было задание очистить территорию вокруг поместья Фредерсдорф от врагов, и мы потерпели сокрушительное поражение от полковника Кошкина. Его кавалерия обратила нас в бегство.

Полковник громко рассмеялся. – Я это хорошо помню, дорогой Саша. Об этих днях я тогда писал моей жене письма со всеми подробностями.

Жена полковника кивнула ему. Он взял ее руку.

- Кстати, я прошу простить моего отца за небольшое опоздание, – вставил Александр. – Он попросил позвонить сюда и сообщить, что задерживается. Чрезвычайное заседание в военном министерстве.

Полковник Кошкин насторожился. – Сейчас – летом? Когда мы все готовимся уйти в отпуск, и хотим здесь проститься?

Он задумчиво покачал головой. Взгляд жены застыл на его лице. На короткое мгновение тень скользнула над маленькой группой. И этот странный взгляд женщины, в котором пугали предчувствия и опасения, Рапп запомнил навсегда.

Все же, Александр уже провел их в парадный зал. Рапп шел через окружившую его толпу. Он здоровался с друзьями-офицерами, с их женами, сестрами и матерями. Тут и там, проходя мимо, он отвечал на оклик, на поддразнивание, на любопытный взгляд, целовал руку или позволял себя представить.

Стройный офицер в форме Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка протанцевал мимо него со своей невестой, Иван Хоненко, лучший его друг с детства, и татарская княжна Фахрутдинова.

- Мы танцуем уже с тех пор, как мы пришли сюда! – крикнула ему девушка. Рапп засмеялся и кивнул им.

Несколько в стороне, на маленьком диване, сидела супруга полковника Волкова. На ней было широкое, мягко спадающее платье, и ее большие синие глаза с длинными ресницами придавали тонкому лицу немного странное мечтательное выражение. Она была одной из тех нежных женщин, которые жили лишь за добросовестно оберегаемой оградой, и которых могло бы только ранить любое соприкосновение с безобразием внешнего мира. Рапп взял руку, которую она протянула ему, почти осторожно, как что-то очень благородное, нежное и хрупкое.

В этот момент медленно поднялся мужчина, сидевший сбоку от нее, высокий, полный, со светлыми глазами под кустистыми бровями. Лицо его было покрасневшее, волосы были настолько светлыми, что казались почти белыми.

- Господин коммерции советник Хаберманн... Барон Рапп, – представила их друг другу хозяйка дома.

Рапп поклонился. И так, это был как раз тот человек, ради которого он в основном и должен был прийти сегодня сюда.

- Я должен передать вам привет и приглашение от моего отца, господин коммерции советник, – вежливо сказал он.

- Спасибо. Если время мне позволит, я охотно воспользуюсь этим приглашением. Впрочем, может быть, все можно будет обсудить и в Петербурге.

Он снова повернулся к Татьяне Волковой, которая беспокойно осматривалась по сторонам.

- Я не понимаю, – сказала она, – почему мой муж сегодня вернется со службы так поздно. Это сильно тревожит меня ...

Рапп прошел дальше.

Прислонившись к двери, одиноко стоял казачий офицер. Он задумчиво смотрел на людей вокруг себя. Рапп остановился рядом с ним, но тот этого так и не заметил.

Пестрые мундиры рядом с элегантными и шуршащими бальными туалетами танцевали мимо, иногда виден был одинокий тусклый черный фрак, тут и там блестящие украшения, ордена, сапоги из лакированной кожи.

Рапп толкнул тихого зрителя. – Ты тут снова рисуешь, Дорошенко?

Офицер засмеялся. – Ты же знаешь, я в мыслях всегда рисую. Я больше гожусь для этого, чем для солдатского ремесла.

- Где твоя невеста?

- Оксана еще в Ницце. Мы поженимся осенью. Взгляни-ка на эту девушку.

- Где?

Дорошенко указал направление головой. – Вон там, рядом с Ольгой Волковой. Я уже все время смотрю на нее. У нее оригинальное лицо.

Рапп взглянул. Девушка, которая стояла рядом с дочерью хозяев дома, беседовала с каким-то прапорщиком. Она была одета необычно скромно.

- Посмотри на ее волосы, – сказал Дорошенко, – они белокурые, и эти карие глаза. Одна из семи красавиц! Полный, детский рот и упрямство умного лба, как это можно объединить?

Рапп еще раз посмотрел на нее. – Она, должно быть, очень молода, – сказал он. – А кто она?

- Я предлагаю, чтобы мы познакомились с ними.

Они приблизились к группе. – Ольга Александровна, представьте нам, пожалуйста, эту незнакомку, – со смехом попросил Дорошенко.

Ольга слегка приподняла руку. – Барон Иоганн Рапп – мы здесь зовем его Ваней – и Петро Дорошенко, в первую очередь художник, а потом уже ротмистр. Незнакомка – это не только ваша соседка справа, Ваня, но еще и ваша землячка – Алекса Хаберманн.

Рапп поклонился. – Весьма согласен, – ответил он по-немецки.

Он увидел, как искра негодования промелькнула надо лбом девушки.

Это была дочь того высокого белокурого мужчины? Она понравилась ему. Но прежде чем он смог сказать ей еще хотя бы одно слово, его прервал громкий гул голосов. Все прислушались.

- Дорогие гости, я очень прошу меня простить! – прогремел по залам звучный голос.

- Наконец-то приехал отец! – воскликнула Ольга и поспешила навстречу ему. Также другие гости толпились вокруг стройного седого полковника в служебном мундире. Рапп видел, как он за руку поздоровался со всеми присутствующими, склонился к своей жене и поцеловал ее в лоб. – Прости, дорогая, я никак не мог приехать раньше.

Потом он пожал руку Хаберманну и поздоровался с Ольгой. Лицо его выглядело усталым и измученным от работы, но он заставил себя дружелюбно улыбнуться.

- Я предлагаю, господа, чтобы мы теперь отдали должное кулинарным наслаждениям. Я прошу вас простить меня за мой служебный мундир.

Полковник Кошкин остановил его. – Что случилось, Константин? Чрезвычайное заседание – теперь, летом?

Волков огляделся по сторонам, радостные лица смотрели на него, лишь немногие внимательно слушали с любопытством. Он на мгновение поднял руку.

- Господа, – громко произнес он, – я могу вкратце сообщить вам, что случилось. Для опасений нет никаких причин, хотя причина моего опоздания отнюдь не радостна. Сегодня в половине одиннадцатого утра в Сараево было совершено покушение на эрцгерцога Франца Фердинанда, австрийского престолонаследника, и на его супругу. Их высочества умерли от ран. Более детальными подробностями мы пока еще не располагаем.

На мгновение воцарилась парализующая тишина. Затем последовало множество вопросов, сначала тихо, затем все громче и возбужденнее. Волков снова поднял руку. Он стоял посреди помещения, большой и выделяющийся. Хотя на нем был только служебный мундир без орденов, все же, он был человеком из непосредственного окружения царя. Власть его положения и значение его слов были известны каждому. – Дорогие гости – Сербия далеко... России не касается этот трагический инцидент. Больше я ничего не могу сказать.

Столовая сверкала в живом свете множества свечей. Раппу казалось, как будто бы он нырнул в море света, когда он вел Алексу на ее место. Желтоватые, розы без запаха украшали длинный стол, огни отражались в бокалах, серебре и в глазах людей, каждое лицо теряло свое повседневное выражение, казалось особенно прекрасным и полным таинственного обаяния.

Глаза девушки рядом с ним пылали как темный янтарь. Свет нежно подчеркивал ее ясный лоб и мягкую округлость щек. Ее светлые волосы мягко сверкали.

- Вы сердитесь на меня, – спросил Рапп, за то, что я сказал «весьма согласен»?

- Нет.

- Из-за чего же вы тогда выглядите такой серьезной?

- Я ничего не могу поделать со своим лицом, – сказала она холодно.

Они нашли свои места за столом. – Но мне оно нравится, – ответил он, когда они сели.

Теперь она казалась действительно сердитой. Рапп внимательно рассматривал ее со стороны.

- Вы не переносите шуток?

Она не ответила.

- Какая молчаливая у меня соседка справа!

- Не я это устроила.

Она все больше нравилась ему – вероятно, как раз ее замкнутость, серьезность этого молодого лица пленили его так сильно.

- Расскажите мне немного, что там в Берлине, – попросил он. – Я изучал там сельское хозяйство, и иногда у меня возникает настоящее жгучее желание однажды во второй половине дня прогуляться по Унтер-ден-Линден.

Он ждал ответа.

Девушка мечтательно глядела вперед. – Было уже очень тепло, – сказала она, – когда мы уезжали. Всюду можно было видеть светлую одежду, и в городе царил оживленная жизнь и движение. Вероятно, мне это только так показалось...

Рапп внимательно слушал этот тихий, приятный голос, он едва ли слышал, что именно она говорила, но уже само звучание немецких слов придавало их беседе тихую доверительность. Он уже давно не слышал свой родной язык, также в отцовском имении говорили в основном по-русски. Девушка неуверенно смотрела на него со стороны, говорила дальше, маленькими запинаящимися фразами, как будто воспоминания появлялись в ней и тонули. Затем она смущенно замолчала. Но также и Рапп некоторое время ничего не мог ответить. Он безмолвно смотрел вдоль стола, на многие лица, которые светились в теплом мер-

цании свечей, он слышал смех и болтовню, звон бокалов, тихое дребезжание столовых приборов. Он наблюдал, как коммерции советник Хаберманн со сдержанным нежным движением прикрыл мягким оренбургским платком плечи хозяйки дома, и как ее робкий взгляд встретил лицо ее мужа. Раппу показалось, как будто бы Татьяну Волкову и Хаберманна связывало что-то невысказанное.

Голос Алексы вспугнул его: – А вы уже давно живете в России?

- Я здесь родился, – ответил он, – в нашем имении Фредерсдорф на Украине. Мой отец унаследовал это поместье после смерти наших родственников, которые эмигрировали в Россию еще во времена Екатерины Великой, и у которых не было прямых наследников...

- И что привело вас теперь в Петербург?

- Дела, – ответил он лаконично и снова посмотрел через стол на большого белокурого мужчину с холодными глазами. Хаберманн ел молча, но, казалось, он внимательно следил за всеми разговорами вблизи него.

Рапп немного рассказал о своем имении.

- А вы знаете, что я сносно говорю по-русски? – внезапно спросила Алекса, и Рапп посмотрел на нее с удивлением.

- Я выучила этот язык, когда Ольга Волкова изучала медицину в Берлине.

- Ах, так это вы та немецкая подруга, которая была вместе с Ольгой в университете и бросила учебу прежде времени?

- Да, – ответила она и немного покраснела.

- Почему вы это сделали?

- Я не смогла вынести анатомический театр.

- И теперь вы вообще ничего не делаете? – серьезно спросил он.

В первый момент она хотела было резко возразить, но на нее уже немного подействовало очарование его быстрой, решительной манеры, так что она только смущенно пожала плечами. При этом нежная краснота снова появилась на ее щеках.

Татьяна Волкова дала знак к окончанию трапезы.

Маленькими группами, поодиночке и парами, гости покидали столовую.

Тут и там еще рьяно обсуждалось убийство в Сараево, в то время как Волков рассказывал, по-видимому намеренно, чтобы не вызвать мрачное настроение, о последнем параде перед царем.

Рапп оставался рядом с Алексой. Все другие представлялись ему одной большой семьей. Среди них были некоторые, которых он мог назвать друзьями. И поэтому ему показалось, что он чувствует, что эта белокурая девушка была здесь одинокой.

Несколько позже Рапп танцевал с Алексой под звуки вальса. Ее жесткость уступила место почти детской открытости. Теперь ее юный рот улыбался все чаще, и карие глаза сияли на радостном лице.

Затем он попросил о танце Ольгу Волкову. В ней он всегда видел больше хорошего товарища, чем женщину. Вероятно, это влекла за собой ее профессия. Она была врачом и полностью отдавалась своей профессии. Она привыкла действовать более самостоятельно, чем другие девушки ее круга.

Нравится ли ему его землячка?

- Хороша, исключительно хороша.

- Она еще сама точно не знает, что ей делать, с тех пор как она бросила учебу, – объяснила Ольга своим спокойным, ясным голосом. – Мало людей, которые могли бы дать ей в этом деле совет. Она жаловалась мне, насколько незначительна, бессмысленна ее жизнь, и как одинока она в Берлине. Ее родители развелись, когда ей было десять лет. Матери у нее нет, а Хаберманн заботится только о своих коммерческих делах. Я рассказываю вам все это, так как я думаю, что это интересует вас, Ваня.

Ее серые глаза внимательно рассматривали его. Рапп кивнул.

- Она с трудом сходится с людьми; эти северные немцы более жесткие и часто более резкие, чем мы, русские. Тот, кто хочет завоевать Алексу, должен будет дать ее жизни смысл, не только удовольствие и богатство.

Рапп охотно узнал бы еще больше об Алексе, но танец заканчивался. Ольга села рядом со своей подругой. Обе девушки тихо беседовали, в то время как Рапп стоял, наблюдая за ними. Однажды полковник Волков бросил вопросительный и озабоченный взгляд на маленькую группу, Ольга кивнула ему, улыбающаяся и довольная. Ее брат Саша шептал нежные слова на ухо своей невесте, полной,

веселой блондинке в платье с глубоким декольте, и девушка радостно покраснела.

На маленьком диване, окруженная несколькими офицерами, сидела княжна Фахрутдинова. Ее тонкие, белые руки, на которых блестели драгоценные камни, лежали на коленях, и она почти безучастно выслушивала многочисленные комплименты, которыми осыпали ее со всех сторон. Она робко улыбалась. Недалеко от нее Иван Хоненко беседовал с товарищем по полку. Она взглянула на него, это ему предназначалась ее улыбка.

Танец, вино и праздничная атмосфера разогнали все тени и задумчивое выражение на лицах, никто не думал больше о сообщении, которое принес полковник Волков.

Танец становился свободнее, беседа более расслабленной.

Ольга обратила внимание Алексы и Раппа на супругов Кошкиных, которых он поприветствовал уже по прибытии. Полковник как раз просил свою жену о танце.

- Она была очень бедной, простой девушкой, рассказывала Ольга. – Ее красивые голубые глаза очень подействовали на него. И это стало самым счастливым браком, который я знаю. Он тоже был просто бедный маленький офицер, но воодушевленный железной волей и честолюбием. Для него кроме службы существует только эта женщина. И она переезжала с ним из одного гарнизона в другой, они определенно должны были переносить большую нужду. Она не хотела иметь детей, так как она не могла разделить с кем-то еще свою любовь. Теперь он полковник, и это только благодаря своему упорству и способностям, почитаемый и уважаемый, и они все еще любят друг друга так же сильно, как в первый день.

Теперь оркестр начал играть мазурку, и снова Рапп танцевал с Алексой.

- Вы еще надолго останетесь в Петербурге? – спросил он тихо, и она ответила так же тихо: – Я этого не знаю. Это зависит от сделок моего отца.

- Значит, вероятно, от меня, – заметил он. Она удивленно посмотрела на него.

- Он ничего не рассказывал вам о том, что он хочет вести важные переговоры с моим отцом?

- Мой отец никогда не говорит со мной о своих делах, – ответила она холодно, и робко посмотрела туда, где коммерции советник сидел за столом с супругами Волковыми.

Ольга Волкова с Дорошенко протанцевала мимо них. Теперь также лицо молодого врача было более расслабленным, она улыбнулась обоим.

- Вы все еще не ответили мне, – сказал внезапно Рапп, и когда Алекса вопросительно посмотрела на него, он добавил: – мне очень хотелось бы знать, работаете ли вы теперь как-то или просто беспечно живете одним днем.

- Я как раз это и делала до сегодняшнего дня, – произнесла она импульсивно. – Но кем бы я могла работать?

- Вы должны принять решение, – настойчиво ответил он. – Почему вы этого не делаете? Ведь это же зависит только от вас.

- Пожалуйста, давайте прекратим танцевать. Тогда мы сможем лучше поговорить.

Он провел ее в небольшой салон, куда шум людей проникал лишь приглушенно.

- Я неоднократно пыталась поговорить об этом с моим отцом, – начала она, пока Рапп внимательно ее рассматривал. – У него для меня всегда наготове только сострадательная улыбка, когда я прошу позволить мне работать в его фирме. Я думаю, что его единственное честолюбие – удачно выдать меня замуж.

Он незаметно улыбнулся, когда ее лицо приобрело кроваво-красный цвет. Но она смело заставила себя говорить дальше. – Нужно ли быть бедным, чтобы работать? Вы же работали, ваши отцы работали, и в ваших глазах я определенно всего лишь богатая, избалованная девушка.

Осторожно, мягко, чтобы не пугать ее, он взял ее за руку. Она хотела было убрать руку, но потом позволила этому произойти. Боязливо, как порицаемый ребенок, она смотрела на него. Он, кажется, задумался, потом он тихо спросил: – Чем бы вы хотели заниматься?

- Всем, что мне позволят делать! – воскликнула она быстро, и он с радостью почувствовал нажатие ее руки.

Тогда он подтянул эту руку к своим губам, долго смотрел ей в глаза, и у его голоса снова был тот старый безрассудно нахрапистый тон, который рассердил ее

сначала. – Я найду вам работу! Но это будет уже зависеть от вас, сможете ли вы справиться с ней.

Ранним утром следующего дня немецкий грузовой пароход «Адлер II» бросил якорь в гавани Санкт-Петербурга. Экипаж приступил к работе, пришвартовал его, и уже скоро на набережную был переброшен трап.

Рапп быстро поднялся по выветрившемуся деревянному трапу на судно, за ним последовали таможенники и молодой, несколько бледный мужчина.

- Вы, кажется, в этом году выучили даже ведьм! – с такими словами встретил его невысокий коренастый капитан. Его хитрые глаза улыбались Раппу, когда он подавал ему руку.

- Добрый день, капитан Йенсен! Вот так немного поколдовал. Он сделал жест пальцами, прищурив при этом глаза.

- Да я уже знаю. Поэтому господа таможенники сегодня так пунктуальны. В последний раз нам пришлось ждать их бесконечно. За это время мы успели выпить большую бутылку рома. Нас вообще не хотели выпускать на берег.

Йенсен понизил голос и покосился на чиновников, которым старший помощник капитана предъявлял корабельные документы. – Какие новости? Здесь говорят о войне?

Рапп энергично покачал головой. – Вздор! Никто об этом и не думает.

Йенсен с сомнением посмотрел на него. – Если, однако, Россия и Сербия...

- Но, капитан! – засмеялся Рапп и похлопал капитана по плечу, – что, вы уже так рано утром заглянули в бутылку с ромом? Сербия далеко, Россия недостаточно вооружена, офицеры уходят в летние отпуска. Мы в состоянии самого глубокого мира.

Йенсен покачал седой головой. – Следовало бы быть поосторожнее. Вы и ваш отец – с вашими большими поместьями там внизу на юге – и теперь снова новые машины для осеннего урожая... Если бы только все пошло хорошо!

- Если небо рухнет на землю, то и все воробьи умрут. Пойдем, не надо заставлять таможенников ждать.

Они приступили к работе.

Началась разгрузка.

На серо-голубом небе горело солнце, прохладный ветер поднимал маленькие волны на реке Неве, баркасы стремительно носились туда-сюда между стоящими на якоре судами из всех стран мира. Иногда раздавался низкий и протяжный гудок парохода.

Рапп помогал на кране, торопил людей, смеялся с ними. Это была не первая поставка сельскохозяйственных машин, которую он принимал здесь для отцовских поместий. Чиновники и экипаж судна знали молодого барона, который не боялся и сам работать руками.

- Эй, эй, Иван! – кричал он. – Давай, хватай здесь! Но, господин фон Мюллер, подержите на минутку вашими чистыми руками мой пиджак... Только не потеряйте при этом накладных!

Фон Мюллера, ученика из их поместья, который сопровождал Раппа сюда в Петербург, неделикатно отодвинули в сторону, Рапп уперся под ящик и скомандовал: – Раз, два, взяли... еще взяли! Поднимайте... поднимайте! Еще раз! Взять... взяли! Так! Вот так ящик! Черт, ну и тяжеленный! Его голос был хриплым от усилий.

Хилый, нежный фон Мюллер стоял потерянно и старался скрыться из поля зрения Раппа. Он был уже несколько лет в этой стране, но не в его манере было шутить с этими крепкими, грубоватыми, тупыми рабочими и крестьянами, и до сих пор у молодого барона была припасена лишь добродушная насмешка для него. Он всегда упускал правильное мгновение самому схватиться за ящик вместе с другими, и ему приходилось только смотреть, как с бранью другой делал то, что никогда не удавалось ему.

Проходил час за часом, пустые железнодорожные вагоны подъезжали и заполнялись один за другим.

Капитан Йенсен прислонился к поручням и жевал мундштук своей любимой трубки. Так он снова удачно привел свой «Адлер II» в Петербург, таможенные формальности были закончены, теперь он был сам себе господин и мог делать все, что он сам хотел. Много лет он ходил по Балтике, знал ее вдоль и поперек, он знал также ее окольные пути и особенные возможности, которые были при плохой видимости, во время тумана. Он думал о том, что можно было бы сделать, например, во время войны, какие сделки, какой риск и какая прибыль могли бы быть связаны с этим. Такими были собственные мысли капитана Йен-

сена. Что-то уже носилось в воздухе, нужно было только почуять это своевременно... и тогда хватать...

На набережной появился высокий элегантный господин в сопровождении двух молодых дам. – Привет! – закричал он вверх в сторону корабля. – Не навернули ли барон Рапп?

Йенсен кивнул, и когда посетители поднимались по трапу, он только указал большим пальцем за собой и продолжил жевать свою трубку. На набережной выстроился новый ряд грузовых вагонов.

Вдруг тяжелая рука легла на его плечо. Он медленно повернул голову, сплюнул. Господин, который как раз прибыл на корабль, стоял за ним.

- Старик Хаберманн, – тихо сказал Йенсен.

- Да, так меня зовут. Вы капитан Йенсен?

- Да, это как раз я и есть.

- Откуда вы меня знаете?

- В «Ростокской газете» недавно была опубликована ваша фотография. «Наш выдающийся земляк, известный импортер Хаберманн, празднует свой пятидесятый день рождения».

- У вас хорошая память на лица, капитан Йенсен.

Хаберманн испытующе посмотрел в хитрые серые глаза.

Йенсен улыбнулся, Хаберманн встал рядом с ним у поручней; это выглядело так, как будто оба мужчины с интересом рассматривают грузовые вагоны с работающими людьми.

- Я пришел из-за вас, – произнес Хаберманн приглушенным голосом. – Вы знаете, что вся моя коммерция ориентирована на Россию, балтийские провинции и Финляндию. У меня есть несколько судов, которые ходят по Балтийскому морю.

- Да, я, пожалуй, знаю это, – ответил Йенсен и снова сплюнул.

- Я недоволен одним из своих капитанов и ищу ему замену. Человека, который безусловно честен, и кое-что понимает в коммерции. Нет ли у вас такого желания?

Он пристально посмотрел на Йенсена. – Поймите, для меня очень важна честность моих капитанов.

Йенсен взглянул на него, потом почесал свою маленькую бородку и ухмыльнулся.

- Ведь вы же знаете Балтийское море вдоль и поперек, – добавил Хаберманн. – Не так ли?

Выражение лица Йенсена не изменилось. Хаберманн сунул ему в руку конверт. – Здесь мой берлинский адрес. Но мы можем встретиться и в Ростокке или в Гамбурге, если вы считаете это целесообразным и более удобным. Подумайте об этом.

- Ладно, – сказал Йенсен и невозмутимо засунул конверт в карман.

- Я рад, что вы согласитесь, приезжайте поскорее, дело срочное.

Наконец, Алекса и Ольга между тем нашли Раппа. Хаберманн сначала не был готов брать девушек с собой в гавань, но Алекса, поддержанная Ольгой, настояла на этом с упрямством, которое было совсем новым для нее. Тогда Хаберманн внезапно спросил: – Не интересуется ли тебя молодой барон?

И когда Алекса покраснела и не нашла ответа, он неожиданно уступил. Так они все же приехали в порт на экипаже Волковых.

Алекса стояла рядом с краном и слышала подбадривающий голос Раппа. Вчера на балу между ними стояло стесняющее светское принуждение, он был одним среди большого количества хорошо одетых и воспитанных господ, любезный, несколько насмешливый, даже если и более вызывающий доверие, чем другие, благодаря общему с ней языку и убедительной серьезности, с которой он слушал ее рассказы. Здесь же он, кажется, был полностью в своей стихии. В шуме грохочущих машин, кричащих людей, под этим прозрачным ясным небом она видела и слышала только одного его.

Кран поднимал своей огромной рукой ящик за ящиком из трюма судна, высокой дугой переносил их на набережную, мотор гремел и выпускал из себя облака пара. Потом груз медленно опускался в грузовой вагон, сильные руки хватили его, звучала команда, железные пальцы раскрывались, снова ящик стоял на своем месте. С широко расставленными «лапами» кран с захватным устройством поворачивался назад и снова опускался в трюм корабля.

Ученик фон Мюллер подошел к Раппу. – Остался последний ящик.

Рапп на мгновение взглянул на него. – Поэтому вы спокойно можете еще раз снять ваш пиджак, даже если дамы смотрят. Пойдем, это самая тяжелая штука.

И он побежал впереди него, вниз по трапу к вагону. Молодой человек робко следовал за ним. Алекса видела, как оба стояли внизу между рабочими, она слышала грохотание крана, видела, как тяжелый груз несколько секунд парит над ее головой и медленно опускается.

Внезапно ее сердце замерло. Резкий треск разорвал воздух, треск древесины и сразу после этого глухой хруст и грохот, пронзительный крик. Люди сбежались в кучу.

Раппа больше нельзя было видеть.

- Произошло несчастье! – закричала Ольга и бросилась вперед. Полная страха Алекса последовала за ней и, нетвердо шагая, спустилась по трапу вниз.

Боже мой, я люблю его, чувствовала она, и ее сердце ощущало болезненные спазмы. Она протиснулась сквозь толпу мужчин.

Там на земле лежал один человек – нет, это был не он. Рапп склонился над лежащим – бледное как смерть лицо – но это был маленький Мюллер. Ольга уже стояла на коленях рядом с ним.

- Поднимите и отнесите его в каюту, – скомандовала она. Рапп наклонился, засунул свои руки под затылок и бедро потерявшего сознание паренька, высоко поднял его и отнес на корабль. Ольга шла за ним. Они исчезли в каюте капитана. Медленно, с дрожащими коленями, следовала за ними Алекса. Она видела перед собой только эту широкую, сильную спину, уверенный тяжелый шаг, с которым Рапп нес раненого, и она должна была цепляться за поручни. Так она нашла своего отца. Запинаясь, она рассказала ему, что произошло.

- Могло бы быть хуже, – пробормотал Хаберманн и разок легко погладил руку дочери. – Толковый парень, этот барон Рапп. Не так ли?

Ольга и Рапп вскоре вернулись, оба были бледны. На его лице была серьезность, которую Алекса еще не знала в нем.

- Пальцы ноги придется ампутировать, – сообщила Ольга. – Все раздавлено. Мальчик на всю жизнь останется инвалидом. Он всегда будет хромать.

Рапп пристально посмотрел на нее. – Это действительно так, Ольга Александровна? На всю жизнь?

Ольга кивнула. – Да, Ваня! Но об этом еще нельзя ему говорить.

Алекса тихо застонала. – Как можешь ты так спокойно это говорить, Ольга.

Она рассматривала лицо Раппа, она вновь видела, как страшный груз парил над его головой, слышала треск и грохот, ужасный крик. Но он смотрел мимо нее. Он кусал себе губы.

- Я вызвала по телефону машину скорой помощи, господина фон Мюллера отвезут в нашу клинику, я буду сопровождать его, – сказала Ольга, и ее голос подействовал успокаивающе на всех.

Хаберманн нарушил молчание и подошел к Раппу. – Теперь вы будете не в настроении, чтобы говорить о наших делах, господин барон. Могу ли я увидеть вас сегодня вечером? И где?

- Сегодня вечером? – Рапп убрал со лба всколоченные волосы и рассеянным взглядом посмотрел на коммерции советника.

- Я сторонник быстрых решений, – объяснил Хаберманн.

- Хорошо. Мы могли бы встретиться в отеле «Астория», где я остановился?

- Согласен. Мы могли бы вместе поужинать. Моя дочь может сопровождать меня. Тогда будет уютнее. Мы еще едва ли знакомы.

Перед трапом остановилась машина скорой помощи. Раненого Мюллера осторожно снесли вниз. Ольга села в машину вместе с ним. Также Хаберманн и Алекса попрощались.

- До вечера, – тихо произнесла Алекса.

Рапп долго смотрел вслед машине. Его лицо все еще было бледным. Старый Йенсен наблюдал за ним довольно долго, потом подошел к нему. – Вы не должны упрекать себя, господин барон. Здесь нет вашей вины! Это точно так же могло бы случиться и с вами. Пойдем, откроем бутылочку.

Это устраивало Раппа. Вероятно, так легче можно было бы забыть белое лицо, эту кровавую, раздавленную ногу, которую он помогал вытащить из ботинка. И широко раскрытые от ужаса глаза Алексы, которые при этом так пристально смотрели на него.

Они сидели в каюте, но Раппу хватило первого стакана. Он смотрел на гавань через бортовой иллюминатор и молча курил свою трубку. Он медленно успокаивался. Он радовался встрече с девушкой, звуку ее голоса, полному, детскому рту, который мог просить так страстно...

Спокойно, лениво текла снаружи вода, иногда перед иллюминатором возникал корпус какого-нибудь корабля, сирена далекого парохода глухо звучала над гаванью. Йенсен равномерно пил один стакан за другим. Рапп едва слышал, как тот бормотал.

- Почитай мне что-нибудь, говорю я своей жене. Но что же мне тебе почитать, говорит моя жена. Ну, моя дорогая, говорю я, что-то, что доставит мне удовольствие. И моя жена листает свой календарь, но она плохо видит, чтобы читать, а очки она не может найти. И вот, она листает, и тут она видит черные и красные строчки какого-то двухцветного текста, и читает: «Черный и белый, и черный и белый, и немного красного между ними, все время немного красного». И тогда я говорю моей старухе: «Ох, матушка, говорю я, что за чудесные утешающие слова».

Рапп провел рукой себе по лбу. Что там говорил старик: «Черный и белый, и немного красного между ними?» Он осмотрелся, но Йенсен уже заснул за столом.

На полу каюты, рядом с диваном, еще сохло темное пятно – кровь маленького Мюллера.

Они сидели втроем за столом в зале отеля, Алекса с ее отцом и Иоганн Рапп. Трапеза прошла почти молча. Потом, когда мужчины закурили сигары, Хаберманн нагнулся вперед. Теперь его кустистые брови были нахмурены, весь он, кажется, был одним сгустком энергии. – Я хотел бы высказаться кратко, барон Рапп, – сказал он. – Мы потеряли достаточно времени. Я должен сделать вам предложение.

Рапп наклонился вперед, теперь он тоже был в напряжении, он знал, что речь могла идти только о чем-то важном, раз уж такой человек как Хаберманн пригласил его сюда из Украины и уже сутки безрезультатно бегал за ним.

- Мы, немцы, – начал Хаберманн и еще раз глубоко затянулся своей сигарой, – не любим много говорить. Я тоже не любитель пустых вежливостей. Коммерсанту всегда нужно знать, что можно предложить другой стороне, и чего можно потребовать от нее.

- Согласен.

- Я стремлюсь к полной централизации импорта продуктов в Германию. Мне нужно место в южной России, вероятно, там, где находятся ваши поместья, чтобы из этого места самым быстрым путем привозить к нам все продукты как можно более свежими. В дальнейшем мне понадобятся несколько человек, которые взяли бы на себя ответственность за это и устраняли бы возникающие трудности. Где можно было бы создать такой центр? У вас есть представление?

- Там должен был бы находиться железнодорожный узел или водный путь.

- Это само собой разумеется. Но где?

- Я этого не знаю. Я никогда этим не интересовался.

- Гм... В дальнейшем у меня есть намерение заинтересовать какого-нибудь крупного землевладельца этим проектом так, чтобы он создал, скажем так, головную организацию над несколькими другими меньшими землевладельцами и занял бы должность управляющего или, лучше сказать, директорскую должность.

Алекса рассматривала попеременно обоих мужчин, опытного, бесцеремонного дельца, который полагал, что сможет купить все своими деньгами, также людей – и молодое, смелое лицо Раппа, на котором снова и снова мелькала легкая улыбка. Он, кажется, уже давно догадывался, чего ее отец хотел от него. Он уже докурил свою сигару, тщательно набил табаком свою трубку, и его взгляд снова и снова скользил к ней.

- И что вы думаете об этом? – она услышала внезапно деловой голос ее отца. – Я хочу услышать ваше мнение, мнение специалиста.

- Блестящая идея, которую вполне можно осуществить, – ответил Рапп и выпустил большое облако табачного дыма.

Звучал ли только поэтому его голос так странно? Не крылась ли в нем маленькая насмешка?

- Интересует ли это дело и эта организация, барон Рапп, вас лично? – спросил Хаберманн неожиданно.

Рапп откинулся далеко назад в кресло, его лицо было открыто и беспристрастно. – Честно признаюсь: нет. У меня нет особого интереса к вашему предложению.

Хаберманн бросил на него любопытствующий взгляд из-под густых бровей. – Мы могли бы определенно договориться о деталях, об уступках, об участии в прибыли, дивидендах в конце года...

- Нет. Рапп покачал головой.

Хаберманн продолжил говорить еще более рьяно.

- У меня есть собственные пароходы, и Имперская железная дорога готова, со своей стороны, предоставить в мое распоряжение нужные мне вагоны, что чрезвычайно облегчило бы сбыт. Я пойду даже дальше: у меня есть намерение через несколько дней сделать вам и вашему отцу конкретные и обязательные для меня предложения.

Насколько незнакомой была глубокая складка между бровями Алексы, как сильно она сжала свой молодой рот. Ее карие глаза казались почти черными. Напрасно Рапп искал ее взгляд, она неподвижно смотрела перед собой. Не стыдилась ли она назойливости своего отца?

- Почему вы так отрицательно настроены? Ведь мы же можем обсудить мои предложения..., он услышал голос Хаберманна, который показался ему звучащим как будто издали. Он с трудом сдержал себя, спокойно посмотрел на коммерции советника.

- Я говорю здесь по поручению моего отца. Наши поместья больше, чем вся провинция Бранденбург, и они принадлежат к числу образцовых хозяйств России. У нас нет ни копейки долгов. Это накладывает на нас определенные обязательства. Кроме того, у нас есть огромные территории, где выращиваются всемирно известные черкесские коровы и несколько сотен лошадей.

- Что вы хотите этим сказать? – Хаберманн нетерпеливо прервал его.

- То, что этого богатства нам вполне достаточно!

Ответ прозвучал определенно и почти как резкий удар. Хаберманн убрал бокал в сторону и молчал.

Рапп повернулся к Алексе. – Мы беседуем здесь все время и полностью забыли о вас. Могу ли я заказать вам к вину «Petits fours»? С хрустящей сырной корочкой? У них великолепный вкус. Соглашайтесь!

- Пожалуйста – я ем это с очень большим удовольствием, – сказала она, и их взгляды снова встретились. Ее лицо было юным и веселым, без всякой фальши, и таким близким.

Ничто не ускользнуло от Хаберманна. – Век живи, век учись, – осторожно заметил он. В его глазах внезапно появилась добродушная улыбка, он потянулся к бокалу. – Давайте выпьем! Пей, Алекса, это хорошее вино!

Он наполнил бокалы. – Во время этой короткой беседы с вами я узнал кое-что, возможности чего я никогда не хотел допускать раньше: нужно искать также компаньонов, не только партнеров. За ваше здоровье, барон Рапп!

- Я, естественно, не могу сделать абсолютно окончательную оценку ваших планов, – быстро ответил Рапп. – Я также не уполномочен сказать окончательное «да» или «нет». Я делаю вам предложение: поговорите сами с моим отцом. Приезжайте к нам на Украину. Вероятно, все же можно будет найти путь к взаимопониманию.

- Хорошо, барон Рапп, я приеду, больше того – мы приедем.

- Алекса! Алекса!

В комнате было еще сумрачно, она закрыла окна занавесками и не догадывалась, который час. Полностью заспанная, она зажгла свет. Ольга стояла, уже одетая, нагнувшись над нею.

- Что?

- Телефон! Рапп хочет непременно поговорить с тобой.

Алекса последовала за Ольгой через комнаты. Окна были открыты, горничная с метлой прошла мимо них. В зале тихо возился слуга.

Она подняла телефонную трубку, она все еще не совсем проснулась, и голос у нее был чужой, совсем слабый голос. – Да? – спросила она.

- Я должен увидеть вас сегодня, – сразу сказал Рапп. Он говорил очень спокойно и ясно.

- Что-то случилось?

- Я уезжаю сегодня вечером.

- Ах! – произнесла она испуганно.

- Когда я могу увидеть вас?

- Да – прямо сейчас – конечно, – быстро ответила она. – Я могла бы сразу поехать в город. Где вы сейчас?

- Давайте встретимся перед Исаакиевским собором, в половине двенадцатого, – засмеялся он. – Я могу освободиться только через три часа. Согласны?

- Хорошо, в половине двенадцатого!

Она повесила трубку и повернулась. Ольга стояла за нею, полная надежды. – Ты действительно слишком торопишься. Пойдем, мы потом поедem вместе.

Только когда она три часа спустя сидела в экипаже рядом с Ольгой, Алекса почувствовала неуверенность. Подруга внимательно наблюдала за нею. – Ты выглядишь как маленькая боязливая девочка, – сказала она. – Для тебя хорошо, что решение принято. Все, что ясно, так или иначе, лучше, чем ожидание. Но, все же, ты любишь его?

Алекса только кивнула, она была уже почти готова расплакаться. Ольга обняла ее за плечи. – Никогда не нужно бояться решения, Алекса. Нужно быть мужественной!

Алекса гладила руки, которые облегчали горе и боли многих людей и умели так твердо держаться за жизнь.

- Ты знаешь, что Рапп любит тебя, – тихо говорила Ольга. – Его чувства ясные, простые и прямые. Теперь, еще до своего отъезда, он хотел бы поговорить с тобой. Он поступает правильно.

Часы, которые были укреплены на поясе за спиной толстого кучера, показывали, что половина двенадцатого уже прошла. Коляска спешила вдоль ряда дворцов. Затем она остановилась.

На ступенях массивного Исаакиевского собора Рапп уже ждал и приветствовал их. – Я заберу тебя позже, – быстро произнесла Ольга. – Удачи!

И уже экипаж двинулся дальше. Алекса стояла перед Раппом; верующие поднимались мимо них по ступеням вверх к собору.

Он повел девушку через Александровский сад. Деревья пахли свежей смолой, серо-голубое северное небо нависло над городом, и солнце сверкало на бесчисленных куполах и крестах церквей.

Они говорили мало.

С набережной Невы к ним доносился прохладный речной воздух. Река была втиснута в мощные гранитные стены. Маленькие, переполненные людьми пароходы носились туда-сюда. Иногда гремел глубокий бас огромного буксира, который выпускал в небо густые облака дыма и с трудом тянул за собой тяжелые баржи.

Оба чувствовали, что единственного слова, взгляда, соприкосновения будет достаточно, чтобы раскрыть то, что они чувствовали. Вероятно, впервые в его жизни Рапп чувствовал в себе неуверенность.

- Я заберу господина фон Мюллера домой, – начал он, чтобы не молчать дольше. – За ним в имении будут ухаживать так же, как здесь. В клинике он не очень хорошо себя чувствует.

- Да, это будет лучше для него.

- Лето – он хорошо отдохнет.

Они снова замолчали.

Внезапно из небольшой башни Петропавловской крепости вылетело белое облако; громкий взрыв выстрела прокатился над городом.

Девушка вздрогнула. – Зачем стреляли?

- Это точно полдень. По этому выстрелу все петербуржцы могут ежедневно сверять свои часы.

Он взял ее руку, которая еще слегка дрожала. – Однако я замечаю, что мы оба сегодня немного печальны, хотя у нас нет причин для этого. Я обдумал этой ночью все. Ведь вы же хотите работать? Попробуйте сначала поработать у нас в имении. У нас очень красиво. Поэтому я также старался убедить вашего отца посетить нас.

- Но, все же, он еще хотел так или иначе поговорить с вашим отцом о проекте...?

- Алекса!

Он прижал ее руку тверже к себе. – Я же говорил это только из-за вас. С вами я могу быть честен: Раппы не занимаются «сделками». И мы не нуждаемся в дополнительных доходах.

Они остановились, и он, смеясь, посмотрел в ее удивленные глаза.

Тут он внезапно обнял ее. Она стояла совершенно тихо. Он склонился к ней и поцеловал.

- Ты всегда должна оставаться со мной, ты слышишь?

- Ваня... В звучании одного этого слова была вся ее нежность.

Петербургские дела Хаберманна были закончены. Только редко он приходил на обед или вечером, но и тогда Алекса видела его лишь мельком. Через несколько дней после отъезда Раппа он провел ее в ее комнату. Там он сел перед большим окном с видом через Неву на далекий замок и задумчиво смотрел на свою дочь, как будто бы он хотел сообщить ей что-то важное. Она ждала неуверенно и беспокойно. Он долго сидел у окна и молчал. Затем он внезапно начал говорить, сначала медленно и запинаясь, как будто бы он говорил с самим собой или как будто он должен был предстать перед каким-то чужим судьей.

- Я мало что получил от жизни – за последние годы. Я не позволял себе никаких радостей, ни одного часа осознанно воспринимаемого досуга. Я признаюсь, что я не всегда поступал честно. Но какое это имеет значение? Теперь я так близко к цели.

Он встал и сделал несколько шагов по комнате, потом он сел напротив дочери и оперся головой об обе руки.

- Алекса, – сказал он спустя некоторое время, – люди, которые окружают тебя в Петербурге, относятся к элите этого народа. Они – немногие настоящие мужчины, на плечах которых покоится судьба этой огромной страны и монархии. Они – самые верные опоры, которые выстоят даже в буре, которая внезапно может разразиться над Россией. Это мужчины как Бодмер в Берлине. Но я самоучка, я едва ли знаю моих предков, я пробил себе дорогу сам, с моей отчаянной, упорной энергией.

Зачем отец все это говорил? Он никогда еще не говорил с ней так, так гордо и в то же время так человечно доверительно. И всегда в тоне его слов слышалась какая-то просьба. Чего же он хотел от нее?

- У каждого из нас есть обязанности – для одних они ближе, для других они находятся дальше. Также в тебе нуждаются другие люди, от которых ты не можешь уклоняться, с которыми ты можешь работать, так как им нужна именно ты, а не твои деньги. Могут наступить такие времена, когда тебе самой придется заботиться о себе.

Снова он довольно долго молчал; в комнате было тихо. Алекса ждала. Потом он внезапно заговорил легковесным тоном, как будто бы речь шла о чем-то второстепенном: – Завтра вечером мы уедем в Киев, там мы останемся на несколько дней, а затем поедem в поместья барона Раппа. Я был бы очень рад, если бы ты могла быть к нему – немного любезной.

- Я люблю его, – произнесла она тихо и определенно.

Он поднял взгляд вверх и посмотрел ей в глаза: – Я благодарю тебя, Алекса, что ты поняла меня. Теперь наше будущее ясно – абсолютно ясно. Она видела, как его пальцы сцепились друг с другом, и голова гордо поднималась.

Колеса грохотали уже два дня, и эта страна, кажется, была бесконечной. Поля под паром, леса, широкие, мощные реки, холмы, степи сменяли друг друга, иногда станция, люди без поспешности и усердия, и колеса грохотали дальше. Ночное небо было на редкость звездным, как кометы пролетали мимо окон раскаленные искры от древесного угля, сгоравшего в топке шипящего паровоза. Утром солнце поднималось на широком горизонте и заливало сияющий, ожидающий его ландшафт, который разливался далеко и бесконечно как море.

Алекса смотрела в окно. Это должно было стать ее новой родиной. Она знала только одно: то, что она ехала к Раппу, что он был ее родиной, даже сейчас. Она содрогалась от счастья при мысли, что один единственный человек, еще недавно совсем ей чужой, незнакомый, мог настолько полно соответствовать всем ее мыслям и желаниям. Она никогда еще не испытывала такого чуда. Она думала о Берлине, о мужчине, который, пожалуй, втайне надеялся, что когда-то завоюет ее, капитане Хайнце Ульрихе фон Бодмере. Он всегда оставался для нее несколько далеким и чужим и, по мнению отца, был для нее неподходящей «партией».

С избытком энергии он когда-то вошел в ее жизнь. Какой-то убежавший от хозяина дог набросился на слепого нищего. Она пыталась удержать лающее животное. В то самое мгновение, когда ее силы уже были на исходе, твердая худая рука схватила собаку за ошейник. Та же рука подняла трость слепого и тем самым вернула ему его уверенность и безопасность. Кто-то посадил ее в карету, привез домой, спокойно уговаривал, и только когда он прощался, она рассмот-

рела его: умное, гордое лицо, благородная осанка. Так все и осталось. Он всегда был для нее больше другом и защитником, чем потенциальным женихом. Она могла говорить с ним обо всем, но ее сердце при этом никогда не начинало биться чаще. Он принадлежал к тем мужчинам, которые могут на протяжении всей жизни свататься к женщине и ждать ее, не теряя при этом внутреннюю уверенность, уважение и самообладание. И с тем же самообладанием он воспринял бы также и ее окончательный отказ. Она решила написать ему, как только ей представится такая возможность. Это было ее долгом перед ним.

Потом она снова отогнала от себя мысли о Бодмере. То, что ей предстояло, было настолько упоительно прекрасным, и сильным, и новым, что не хотелось даже и думать о прошлом, в то же время это было таким неизведанным и неизвестным, как эта бескрайняя степь, которая, кажется, звала и манила в далекое, далекое путешествие.

Несколько раз мимо них ехали на запад странные грузовые поезда, какие-то бесформенные устройства были загружены на открытые платформы, из крытых вагонов выглядывали головы лошадей и смеющиеся лица под широкими плоскими фуражками.

- Военные, – сказал Хаберманн. – Вероятно, здесь в этой местности проходят маневры.

- Сейчас, летом? – спросила Алекса. – Ведь офицеры уехали в отпуски?

Хаберманн замолчал, потом он покачал головой, как будто отгоняя от себя неприятную мысль. – Вероятно, усиливают границу с Австрией, чтобы продемонстрировать сербам добрую волю. Все так и останется на уровне простых демонстраций.

Позже они больше не видели солдат, страна лежала в самом глубоком мире.

Однажды утром поезд приблизился к высокому зеленому холму, на котором сияли бесчисленные церковные купола и кресты. Это был Киев, город святых монастырей, место рождения русской веры.

Поезд поднимался в гору. Бесконечно широкая земля лежала перед глазами девушки. У подножия холма разделившийся на несколько рукавов Днепр серо и хмуро разливался над песчаными отмелями.

Бородатый легковой извозчик по ухабистой мостовой привез их в отель. Они остались здесь на несколько дней, которые Хаберманн заполнил заседаниями,

письмами, телеграммами и снова заседаниями. Он, кажется, забыл о своей дочери. Алекса одна гуляла по городу, она сидела в Купеческом саду и смотрела на многочисленные рукава Днепра, видела парусные лодки маленького яхт-клуба, длинный висячий Цепной мост на другой берег. Там, по ту сторону реки, находилось поселение с пашнями и лугами, и за ним, насколько хватало взгляда, лес, ничего, кроме бесконечного леса.

Единственная дорога, напрямик проведенная через лес, терялась вдали. Дорога для людей, которые навсегда уходят от кого-то, чтобы не возвращаться...

Пришли письма от Иоганна Раппа, но они были написаны в весьма общем и почти холодном тоне. Сначала это ее опечалило, но когда она сама снова и снова пыталась написать любовное письмо, она почувствовала смехотворность написанных слов. Все это можно было сказать только тогда, если чувствуешь близость любимого. Она все еще едва ли знала его, ее любовь была быстрее, чем ее мысли.

За Киевом началось скитание по Украине. В каждом городе у Хаберманна были его совещания. Часто бывало так, что несколько господ садились к ним в купе и после беседы, длившейся три-четыре часа, снова выходили, чтобы вернуться назад. Потом они приехали в Ростов-на-Дону. Утром четвертого дня Хаберманн, кажется, был в особенно хорошем настроении. – Радуйся, Алекса, – сказал он, – завтра мы однозначно едем к Раппу. Там мы остаемся примерно на две недели, и – все последующее, надо надеяться, тоже найдется, не так ли?

Снова гревели колеса под вагоном, час за часом. Поезд останавливался на каждой станции. От скуки Алекса пыталась уснуть. После длительного безделья она взяла в руки книгу, но то, что она читала, показалось ей настолько нереальным, что она недовольно отложила книгу в сторону. Беспокойство росло. Отец спал. Длющаяся много суток поездка утомила также и его.

Она испугалась, когда через открытые окна донеслись дикие крики и возгласы нескольких человек. Примерно десять казаков на бешеной скорости скакали вдоль участка железной дороги. Они махали своими большими меховыми шапками и орали как пьяные. Лошади летали над траншеями, маленькими ручьями, широкими, усеянными цветами лугами. Между дикими криками Алекса слышала лошадиное сопение и ржание, шлепки рук по гладким, вытянутым шеям лошадей.

Снова появилась маленькая станция, поезд уменьшил скорость и остановился. Хата-мазанка, больше ничего. В то же самое мгновение, когда поезд остановился, казаки заскочили на конях на маленькую платформу, мгновенно все было

окутано огромным облаком пыли. Они спрыгнули с седел, сняли шапки и со смехом вытерли пот со лба.

Один стоял в середине, большой, белокурый, сияющий жизнерадостностью: Иоганн Рапп. Рядом с ним Иван Хоненко, казачий есаул, который покинул Петербург вместе с Раппом. Двумя прыжками они уже стояли в узкой двери вагона, вспотевшие, с красными лицами, покрытыми пылью и грязью. Их глаза сверкали.

Он снова был с Алексой. И ее тоска и печаль упали с нее как тяжелое пальто.

Рапп повернулся в двери и помахал казакам. – Братцы, ну и скачка же это была! Спасибо вам! Мы еще часто будем так скакать! Теперь я остаюсь у вас!

Громкий гул голосов, смех и шутки отвечали ему. Хоненко оттеснил его в сторону и закричал: – Когда я вас вижу, мои казаки... Я люблю вас всех, я – самый плохой среди вас, самый настоящий отщепенец. Я забыл мою степь, я так давно уже не был среди вас! Вот, все деньги, что есть у меня, принадлежат вам, дети мои! Пейте, забирайте из лавок самые лучшие товары для ваших жен, передавайте привет им всем от вашего есаула! Одним движением он вывернул свои карманы и бросил им все, что оттуда выкатилось. Они пожимали друг другу руки, кричали и махали.

- Через четыре дня вы все должны быть у нас! Приводите ваших жен! – закричал Рапп, когда поезд уже тронулся.

Когда после этого Хаберманн проснулся в соседнем купе, он нашел свою дочь между двумя тщательно причесанными, вымытыми и чистыми, хоть и слегка подвыпившими мужчинами. Рядом с ними лежали предметы туалета Алексы, разные фрукты и остатки жареной курицы. Он удивленно остался стоять в двери между смежными купе.

Мужчины вскочили, одним движением руки Хоненко скомкал остатки еды в бумагу и выбросил их из открытого окна. Следующим движением он отодвинул другие вещи и уступил место. Они были озорными как дети, даже Хаберманну передалось их настроение. Только когда руки Алексы и Раппа случайно соприкасались, они вздрагивали и умолкали.

Снова появилась маленькая станция, крохотная белая хата с бурой соломенной крышей. Поезд остановился. Рапп выпрыгнул из вагона, и так как подножка была очень высокой, он обхватил Алексу за талию и поставил ее рядом с собой. Хаберманн и Хоненко последовали за ними.

Их ждали две тройки и денщик с двумя лошадьми. Кучера схватились за багаж, Хоненко взвился в седло, не коснувшись стремян. – С Богом, Ваня! С подгоняющим криком он ускакал прочь, денщик следовал за ним. – С Богом! – кричал вслед им Рапп.

Потом он поднял Алексу в экипаж и подсел к ней, Хаберманн следовал на втором экипаже. Лошади нетерпеливо дергали за поводья. Вдали, едва ли видимые, скакали верхом Хоненко со своим денщиком.

Они ехали по степи.

Яркое солнце окутало землю и далекие поля своим летним теплом. Высокая, сочная трава, между ними белые и желтые цветочки, расточительно распространившиеся, вытягивали навстречу небу свои стебельки и чашечки. Красные цветы мака, насыщенные знойным солнцем и его светом, будили поле своими яркими красками и, кажется, при самом незначительном дуновении ветра превращались в маленькие огоньки посреди этой зелено-бело-желтой степи.

Дальше...

Взгляд никогда не уставал, когда он блуждал над бесконечным морем янтарных посевов, над поспешно опускающимися и снова поднимающимися волнами хлеба. По краям полей поднимался густой, темно-синий лес, над его болотистой почвой мерцал подобно парящему туману летний жар. И из-за того, что снаружи, для залитых солнечным светом, ослепленных глаз все было ясным и настоящим, то в сумерках леса, казалось, крылись чудесные тайны.

Украина, вечная скатерть-самобранка Европы...

Степь и посевы были наполнены тысячами жизнью. Над полями летали бабочки, жуки, пчелы, пестрые блестящие мухи, толстые шмели, и из густой травы беспрерывно звучало громкое стрекотание сверчков. На небе скользили полные беспокойства ласточки, над ними на головокружительной высоте кружились ястребы, канюки, соколы и высоко, очень высоко, едва видимые – пара орлов.

Появилась маленькая возвышенность. Как стая безнадзорных, разбежавшихся в стороны белых гусей на ней стояло несколько хат, с крышами из старой обветрившейся соломы и с глиняными стенами, обмазанными известью. Внезапный порыв ветра высоко поднял с дороги и закружил бурю пыль.

Они ехали через станицу, казачье село. Самые большие хаты стояли у обочины, другие прятались за вишневыми деревьями или огромными кустами белых ака-

ций. Посреди села, большая и великолепная, возвышалась красная церковь с пятью похожими на луковицы серебряными куполами. Близко к ней жался тенистый сад, полный кустов сирени и жасмина. Перед старой лавкой стояла до осей застрявшая в засохшей уличной грязи телега, дышла, на которых все еще висела вся упряжь для тягловых быков, торчали вверх. Большие стада свиней лежали у обочины дороги в тени фруктовых деревьев. Животные моргнули маленькими глазками и снова откинулись назад, довольно хрюкая.

Круто вниз дорога из станицы вела к бревенчатому мосту, который, похоже, мог рухнуть в любую минуту. Бесчисленные утки и гуси резвились в ручье и устроили оглушительный шум, когда повозка гремела над гнилым мостом.

- Эй, эй, дурни! – закричал Василь, кучер, – не кричите так громко, а то мост упадет. Или вы не видите, какой он гнилой? Или вы как раз этого-то и хотите...! Глупые птицы!

И снова колыхалось вокруг них бесконечное море посевов, снова возник темно-синий лес, полный тайн, снова широкая, молчаливая степь... Алекса, как очарованная, смотрела на красоту и на мир этой страны. Она глубоко вдыхала чистый воздух. Рапп видел со стороны, как ее лицо становилось серьезным и все более спокойным, затем более мягким под бесконечностью этого неба.

- Эй! – внезапно закричал он озорно. – Почему же мы тут сидим так печально? Разве у нас не чудесно?

Он вскочил и забрал у Василя поводья из рук. – Я хочу показать тебе, Алекса, как казаки едут на тройке! Сейчас мы полетаем!

Он поправил свою фуражку, и резко закричал маленьким лошадям: – Эй!... Любимые! Эй!... За нами гонятся разбойники!

Внезапно средняя лошадь подняла голову, обе другие подняли головы, и посмотрели в стороны. У них как будто появились крылья, лошадки полетели над степью. Колеса не катились, земля не удерживала их, упряжка, кажется, парила. Мосты грохотали под ними, высокая трава и беспокойные посевы превратились в поток, над которым они скользили.

Прямо, все поводья без напряжения в правой руке, левой рукой упершись в бедро, так Рапп стоял на повозке. Его лицо преобразилось, взгляд озирает бесконечную ширь. Грустный звук вырвался из его губ. Внезапно он запел, сильным глубоким голосом. Рядом с хозяином, который положил ему руку на плечо, стоял Василь и подпевал. Так же внезапно изменился ритм, рысь лошадей

определяла такт. Громкая и полная радости песня мужчин мчалась вместе с летящей тройкой. С последним дерзким выкриком песня прекратилась.

Сразу лошадки перешли на медленную рысь. Рапп передал поводья кучеру. – Вы мои любимые, гнедые! Ничто не может заменить мне вас!

Алекса молчала, глубоко пораженная случившимся.

Вдали, на холме, появился вытянутый барочный замок. Казалось, что он со своими многочисленными сверкающими окнами обзореваает поля и леса и полный надежды смотрит вниз на прибывающих.

Группа казаков с их женами встречала экипаж. Рапп весело поздоровался с ними, они тоже весело ответили на его приветствие. Они все хорошо знали его, они звали его по имени, все они были друг другу как братья.

Широкая, совершенно прямая березовая аллея приняла их. Раздался громкий собачий лай, несколько борзых собак большими прыжками подбежали и окружили повозку, прыгали с лаем вокруг, окружили Раппа, лизали ему руки. На девушку, чужую для них, они не обращали внимания. – Банда!... Эй, банда!... – кричал им Рапп, запыхавшись.

Так они добрались до загородного дома. У входа стоял отец, большой, жилистый, седой, рядом с ним невысокая полная мать. Рапп выпрыгнул из тройки и поднял оттуда Алексу. – Вот я привез к вам Алексу Хаберманн. Коммерции советник сейчас подъедет. Мы ехали очень быстро.

Девушку приняли так, как будто она была уже старой знакомой этого дома. Это была искренняя сердечность без лишних слов. Все же, Рапп едва ли оставил время родителям. Он уже нетерпеливо потащил Алексу в дом.

Они уже больше не видели молодого господина фон Мюллера, который тяжело прихрамывая, подошел с букетом полевых цветков и грустно смотрел вслед обоим.

Рапп кружил Алексу по комнате, он был как шаловливый мальчик, который ни секунды не может стоять спокойно. – Иди сюда, дай мне на тебя посмотреть! Как ты выглядишь, твои губы, глаза, волосы. Ты прекрасна, любимая! Он бурно целовал ее, потом он руками немного отвел ее от себя. – Я все время думал только о тебе. Ты об этом знаешь?

Он снова целовал ее, и на его открытом лице сияла радость. Алекса со смехом сопротивлялась ему и пыталась разглядить себе волосы. – Оставь, на тебя мож-

но смотреть и в таком виде. Ты знаешь, как красиво это теперь будет? Ты удивишься, что мы оба здесь устроим!

Снова он обнимал и целовал ее, поднял ее на руки, пронес ее через комнату и поставил перед окном в эркере. Снаружи как раз подъехал Хаберманн, которого приветствовали родители Раппа. – Смотри, там вдали, – показывал Рапп из открытого окна, – там лежит городок, который построили еще наши предки. Там живут рабочие и управляющий наших промышленных предприятий. Многие из них немцы, ты не будешь чувствовать себя одинокой среди них, и здесь найдется достаточно работы. Ты же все еще хочешь работать?

- Ну, конечно, Ваня!

Он мягко взял ее голову в свои ладони. – Ты знаешь, чего хочешь. Это хорошо, Алекса.

Его взгляд глубоко лежал в ее глазах, и ее щека нежно прижималась к его твердой руке.

Этим вечером пейзаж был похож на сверкающее серебром, бесконечное море, которое в торжественной тишине ожидает ночи. В спальне Алексы луна светила через открытое окно, она лежала в кровати и смотрела на светлый, блестящий диск. Люди и голоса появлялись и исчезали в ее мыслях, и все более отчетливо формировался из всего этого его смех, его беспечное молодое лицо, которое склонялось над нею. Ей казалось, что она могла бы схватить его своими ладонями, обвить его руками. Горячая волна, казалось, поднимала ее вверх и несла дальше, и солнце, цветы, нивы, ликование казаков и радостное ржание летучих лошадей, все, что она испытала здесь впервые, объединялось в ней в одно единственное, переливающееся через край чувство. Ее тело было бодрствующим.

Ваня показал ей жизнь.

Два всадника, прикрывая глаза от солнца, глядят на холм: Алекса и Рапп. Их щеки горят от прохладного утреннего воздуха, небо сверкает. Бесконечно, без леса и кустарников, простирается бурая земля. На горизонте поднимается плотное облако пыли, скоро слышны громкий топот и бег рысью.

- Наши стада, – гордо говорит Рапп.

Лошади приближаются, то разбегаются группками в стороны, то сжимаются в плотные колонны. Через несколько минут близкое озеро окружено их загорев-

шими, гладкими телами. Это дикий, волнующий спектакль, сама земля, кажется, ожила. Слышны шипение, чихание и ржание жеребцов, нежные призывы кобылиц и их жеребят, крики погонщиков-калмыков с их обезображенными шрамами, обмороженными пургой и искаженными лицами.

Стадо напивается, затем оно продолжает путь; снова черной и пустой лежит степь до самого горизонта.

Молча скачут Алекса и Рапп.

Она смотрит на него со стороны, как он с зажмуренными глазами смотрит вдаль, над землей, которая принадлежит ему, и он для нее в этот момент совсем чужой, совсем другой человек, чем тот в Петербурге, даже чем посреди толпы кричащих казаков. Она догадывается, что этот мужчина укоренился в этой стране настолько глубоко, настолько сильно, что он всегда должен будет дарить этой стране часть своей любви, и что могут наступить времена, когда женщина сможет быть для него только подругой, ничем иным.

Но тогда внезапно его взгляд возвращается к ней, становится снова светлым и радостным. Рапп на маленькой возвышенности соскальзывает из седла, поднимает ее с лошади и укладывает рядом с собой на высокую траву. Сильный запах поднимается из земли, жара мерцает над землей, шмели гудят над их головами. Взгляд в солнечное небо бесконечно глубок.

Она слышит дыхание Раппа рядом с собой и не желает себе ничего другого, кроме того, чтобы он всегда был так близко к ней. Она медленно поворачивает голову к нему, там между ее и его лицом стоит маленький лес из травы, которая качается и дрожит. Скоро его глаза скрыты, потом рот, нос, щеки. Так они смотрят долго друг на друга, и через нежную решетку травы они улыбаются друг другу.

- О чем ты думаешь? – спрашивает он.

- Ни о чем. Я просто мечтаю про себя.

Он хватается ее руку и держит ее. Снова они лежат тихо и безмолвно под мягким ветром степи. Он, должно быть, как раз думает, что она была такой молчаливой также при их первой встрече. Тогда она говорит медленно и со звонким, ясным тоном: – С тех пор как ты у меня есть, я знаю только, насколько прекрасна жизнь. Это так, как будто бы я только того и ждала, что ты однажды появишься.

Он долго целует ее. – И я представляю себе, как ты будешь здесь жить. Летом здесь много работы. Ты часто должна будешь ездить верхом со мной по полям. Ты уже очень хорошо ездешь на лошади.

- Большое спасибо за комплимент, господин барон!

- О, пожалуйста, милостивая фрейлейн! – он поднимается, со смехом. – А зимой мы поедем с тобой в столицу, будем ходить в театры, на концерты, посещать Волковых...

- ... и танцевать!

- Конечно! Ты удивишься, как моя мать еще может танцевать. Отец более серьезный человек, он, собственно, всегда был таким.

- Мой отец тогда будет еще более одинок, – говорит Алекса задумчиво.

- Он не тот человек, который нуждается в радости. Для него люди – это, пожалуй, всегда лишь средство для достижения цели.

- Это неправда! – кричит она, и между ее бровями снова появляется тонкая резкая складка. Он рассматривает ее задумчиво и говорит:

- Сегодня мой отец сообщит ему, что у него нет интереса к его предложениям. Что тогда произойдет? Я представляю, что он возьмет свою дочь за руку и снова уедет.

- Фу, ты ужасен!

Она поднялась и повернулась к нему спиной. Впервые она всерьез злится на него. – Я запрещаю тебе так говорить о моем отце.

- Но я люблю дочь, – говорил он тихо и кладет ей руку на плечо. – Ты должна принадлежать мне, по доброй воле! Я не хочу, чтобы мне пришлось покупать тебя. Я хочу получить тебя как подарок.

Она еще раз хочет протестовать, но вместо этого рассматривает его, улыбаясь. – Вы, господин барон, очень требовательны!

- Конечно. Если бы это было не так, разве я ждал бы тебя так долго?

Тут она охватывает руками его шею и долго целует его с нежной преданностью.

На веранде горели свечи в садовых подсвечниках и освещали своим мерцающим светом лица обоих мужчин.

- Барон Рапп, – задумчиво сказал Хаберманн, – ваше «нет» – тяжелое разочарование для меня. Я надеялся, что установлю твердую связь между домами Раппов и Хаберманнов не только в одном отношении.

- Я все еще надеюсь на то же самое, господин коммерции советник, – ответил старый ротмистр и обстоятельно зажег свою сигару. – Но ваши коммерческие предложения очень задержали бы меня в моей работе.

- И вас не привлекают большие преимущества?

- Нет. Я хоть и не могу полностью понять ваши расчеты, я был офицером и всего только пятнадцать лет землевладелец, но то, что мой сын говорит, должно быть правдой. Он понимает в коммерции больше меня.

Хаберманн наморщил брови. – Ваш сын еще очень молод. Я не знаю, в состоянии ли он правильно оценить все значение моего предложения. Подумайте над тем, что вы инвестировали бы только незначительный капитал в Германии, который осталась бы за границей гарантированным в случае войны.

- В случае войны, о которой сегодня никто не думает, все наше имущество досталось бы российскому государству. Это верно. Но есть законы и положения, которые предусматривают возмещение убытков, и – голос старого барона звучал серьезно и подчеркнуто, – русские – это не варвары, которые бессмысленно разрушают такие ценности как поместье и промышленные учреждения. Они тем самым только нанесли бы вред самим себе.

Мужчины замолчали и смотрели в темный сад, где луна отражалась в воде пруда.

Внезапно они вздрогнули. Господин фон Мюллер на своем костыле прохромал мимо веранды и исчез в темноте как привидение.

- Ваши служащие, господин Барон, кажутся мне несколько любопытными, – заметил Хаберманн.

- Как вы можете говорить что-то в этом роде! Господин фон Мюллер абсолютно надежен. Он уже несколько лет живет как сын в нашей семье.

- Я был бы рад ошибиться. Это было странно в любом случае.

Хаберманн все еще смотрел на освещенный луной парк. По пруду плавали лебеди. Он думал о Татьяне Волковой...

Снова бледное лицо ученика фон Мюллера появилось перед верандой. С трудом опираясь на костыль, он поднялся по ступенькам. – Газеты, барон Рапп.

Он положил пачку газет на стол и хотел снова уйти.

- Есть там что-то новое, Мюллер? – спросил старик. – Вы же наверняка в них уже заглянули.

Мюллер был смущен. – Ничего важного – я думаю, что ничего – австрийцы готовят ультиматум Сербии, в Вене собрался совет министров...

- У вас сейчас лицо как у олицетворения беды, Мюллер, – попытался пошутить старый барон. – Если у вас нет более волнующих новостей... Что пишут о Германии?

- Германия пытается посредничать.

- Ну, вот видите...

Рапп быстро просмотрел длинную статью. – Все закончится ничем, как говорится. Полежите немного, сегодня вы слишком много бегали, мой дорогой.

Мюллер, прихрамывая, пошел в дом, барон хотел снова обратиться к Хаберманну, но коммерции советника больше не было. Ему показалось, как будто он услышал в саду смех Алексы, поэтому он спустился и отправился к пруду.

Вдруг молодой барон Рапп стоял перед ним и загородил ему дорогу. Светлое платье исчезло за кустами. – Я прошу прощения, господин коммерции советник, – сказал Иоганн Рапп, – могу я вас о чем-то спросить?

Лишь слабый свет падал сюда от огней веранды, ветер мягко шевелил кусты и старые темные деревья, вода пруда мерцала множеством крохотных волн.

- Я прошу у вас руки вашей дочери Алексы, – услышал Хаберманн голос сбоку. Он молча прошел дальше, до того места, где луна освещала маленькое пятно газона. Здесь он остановился и посмотрел молодому Раппу в лицо. Оно было открытым и ясным, как всегда, вероятно, несколько бледнее обычного. Но это могло быть от света луны.

- Я предвидел это, барон Рапп, – медленно произнес Хаберманн. – И я уже наполовину свыкся с этой мыслью. Но теперь, что произойдет, если я скажу «нет»?

Рапп не отводил от него глаз. – Мы любим друг друга, Алекса и я. И Алекса совершеннолетняя.

Хаберманн посмотрел ему в лицо, увидел здоровые молодые зубы, сияющие глаза.

- Вы чертовски упрямы, барон, вы и ваш отец. У меня было намерение завтра возвратиться с моей дочерью в Берлин.

- Это можно, вероятно, отложить на несколько дней, чтобы мы смогли еще отпраздновать помолвку.

Хаберманн зажмурил глаза. – Вы очень уверены в этом деле, как мне кажется.

- Да или нет, господин коммерции советник?

- Да! – отчетливо и ясно произнес это слово Хаберманн, но нельзя было понять, сделали ли его голос таким звучным и резким его гнев или радость.

Они подали друг другу руки. Это было твердое, крепкое рукопожатие. Хаберманн один раз коротко рассмеялся и похлопал будущего зятя по плечу. Затем они вместе вернулись на веранду, где ждала Алекса.

Отец подошел к ней и обнял. Вдруг мужчину пронзило сильное сотрясение. Он погладил белокурые волосы дочери, поцеловал ее в лоб, пристально посмотрел ей в глаза. – Я надеялся, что ты останешься со мной еще немного подольше, – тихо сказал он. – Но здесь ты, вероятно, станешь...

Он замолчал и отпустил ее.

Когда Алекса позже, в долгие тяжелые часы своего одиночества, вспоминала о своей помолвке в украинском поместье, она снова и снова видела две картины, которые врезались в ее память глубоко и незабываемо. Она стояла, проснувшись рано утром из-за необычного деятельного беспокойства, которое, казалось, наполняло весь дом, у окна ее комнаты и смотрела вниз во двор. Там Рапп стоял среди нескольких казаков. Они надели свои лучшие длинные кафтаны и меховые шапки, и он, кажется, отдавал им приказания. Все говорили одновременно, тогда они запрыгнули на маленьких лошадей, помахали шапками и умчались прочь, каждый в своем направлении. Маленькие облака пыли следо-

вали за ними над далекой солнечной степью, пока они все не затерялись вдали. Рапп смотрел им вслед, затем он повернулся, заметил Алексу за занавеской и помахал ей. – Они приведут гостей! – закричал он вверх, и она радостно кивала ему.

Потом был день большой работы, господин фон Мюллер долго стоял у телефона, в кухне баронесса командовала как фельдмаршал, ротмистр следил в парке за расстановкой длинных столов, и Иоганн Рапп наверху занимался гимнастикой на вершине крыши и помогал втаскивать наверх и укреплять пестрые гирлянды. Его громкий голос звучал над двором, и иногда слуги и служанки пели с ним. Уже раньше Алекса с казачьими женами поехала на поле, чтобы собрать цветы и сплести венки, и она сама с песнями и шутками вернулась домой с венком на голове.

Все это осталось только как неясное воспоминание, также вечернее прибытие гостей на украшенных тройках, экипажах и на лошадях. Многие свалилось в этот день на них, она едва ли замечала время от времени взгляд Раппа, его лаконичную нежность. Но незабываемым остался стол у пруда, где вечером после банкета собрались вокруг них самые близкие друзья Раппа, где они под качающимися лампами, глубоко откинувшись назад в мягких креслах, пили охлажденные во льду напитки, и голубые нити сигаретного дыма поднимались в ночное небо. Она сидела рядом с Раппом, он обнял ее, и она прильнула к его плечу.

Улыбаясь, она видела круг его друзей, которые стали теперь также ее друзьями. Стройный, смуглый Хоненко в черном казачьем мундире, художник Петро Дорошенко, невеста которого Оксана Храпко возвратилась из Швейцарии, богатая, избалованная дочь землевладельца, которая никак не могла наговориться о впечатлениях своей поездки. Оба веселых брата Данило и Микита Капнист, соседи-помещики и хорунжие в отпуске, которые перебрасывались шутками как мячами, и – да и баронесса Ирина Штрессер. Она была настоящим центром маленького кружка, гораздо больше, чем пара молодоженов. Алекса подумала, что никогда еще в своей жизни она не видела такой красивой женщины. На узком белом лице горели большие, миндалевидные, темно-карие глаза, строго лежал пробор в темных волосах над прекрасным широким лбом, яркий роскошный рот был словно выточен. Ее платье было этим вечером самым дорогим и в то же время самым рискованным. Из глубокого декольте нежно поднимались плечи и стройная, гибкая шея. Когда безрассудно смелый казачий ротмистр Павло Родзянко, который сидел сбоку от нее, шептал ей в ухо какие-то льстивые слова, ее черные, страстные глаза сверкали, но она сразу же снова поворачивалась к другим. Со всех сторон к ней летели слова с шутками, намеками и комплиментами. Также Рапп участвовал в игре с прекрасной женщиной, и иногда Алексе

казалось, будто бы особенно глубокий, задумчивый взгляд Ирины встречал его, как будто бы между этими обоими людьми еще оставался открытым какой-то вопрос, который не нашел ответа. Но потом она снова чувствовала руку Раппа и его твердый нажим на ее плечи, слышала его тихие, нежные слова, и она стряхивала с себя свою смущенность и была весела с другими.

Снова широкий луч лунного света лежал на воде пруда, снова шум деревьев, стрекотание сверчков с близких полей наполнял воздух сладкой, шепчущей музыкой. Алекса была очень счастлива – так счастлива, какой ей никогда больше не довелось быть в ее жизни.

- А вы знаете, друзья, – крикнул Хоненко собравшимся, – что баронесса Штрессер утверждает, что может попасть в любую цель из армейского «Кольта»?

- Можете ли вы попасть также в сердце мужчины с такой же уверенностью, прекрасная баронесса? – спросил Родзянко.

- Вы становитесь дерзким, Павло! – засмеялась Ирина. – Ваш вопрос абсолютно излишний.

- Конечно, излишний! – бросил реплику Дорошенко. – Ирина сама знает, насколько она интересна!

За эту фразу он был наказан укоризненным взглядом маленькой Оксаны, но Ирина уже ответила:

- Да, это я знаю. Но «Кольтом» поразить тяжелее, чем с помощью небольшой красоты.

- Для «Кольта», – сказала Алекса, улыбаясь, – требуется уверенная рука, для красоты – быстрый взгляд.

- Bravo, Алекса! – воскликнул Рапп, и все рассмеялись. Она была рада тому, что не должна была оставаться в стороне при этой бодрой перестрелке, что люди все больше втягивали ее в свой круг, и спустя короткое время она нашла новое быстрое возражение, которое принесло ей всеобщее ликование. Хоненко поднялся, со стаканом в правой руке, и закричал:

- Душу Богу, жизнь царю, сердце дамам, честь только мне одному!

- Дорогой Иван, – прервала его Алекса, – вы мошенничаете. Ваше сердце, все же, принадлежит только одной единственной – княжне Фахрутдиновой!

Все засмеялись и выпили за отсутствующую княжну. И внезапно Алекса почувствовала поцелуй Раппа на своем затылке, горячий и требовательный, и мурашки пробежали у нее по коже.

В парке становилось темно, огни гасли один за другим. Но друзья все еще сидели вместе и не могли расстаться. Разговоры невольно становились реже и тише, время от времени та или другая пара исчезала в парке, шла осторожными шагами по освещенным луной дорожкам.

- Как громко стрекочут сверчки, – сказала Алекса и внимательно вслушалась в ночь.

- Да, только послушайте, – прошептала Оксана через Дорошенко, который как раз целовал ее руки, – они стрекочут как...

Иван Хоненко поднял голову и внимательно прислушался. Также другие напряженно прислушивались к звукам ночи.

- ... как пулеметы...

Пулеметы ожесточенно лают. Вдали беспрерывно слышен гром бесчисленных орудий.

Сестра милосердия Алекса Хаберманн стоит на коленях рядом с раненым, которого как раз доставили на перевязочный пункт. Ее руки работают быстро и уверенно. Это длится уже несколько часов – все время новые солдаты, новые лица, огнестрельные ранения в живот, изувеченные ноги, раны в руку и раны в голову... Это в Восточной Пруссии, здесь происходит большая битва, которую позже будут называть битвой при Танненберге.

Внезапно сестра в испуге отпрянула назад, ее руки дрожат, она пристально смотрит на раненого у ее ног.

- Наш господин капитан, – говорит хриплый голос санитары.

Разорванная, кровавая форма, восковое, судорожно сжатое, неподвижное лицо. Она поспешно расстегивает мундир, сдвигает вниз пропитанную кровью рубашку. Выше груди зияет широкая рана. Лихорадочно работают ее руки, она накладывает временную повязку. Кровотечение остановлено. Санитар пытается подпирать Бодмера руками. Но он снова теряет сознание. Он, похоже, вообще не узнал Алексу. Его кладут на носилки, у сестры нет времени смотреть ему вслед.

Новые лица, новые раны, немцы и русские, немцы и русские...

Последний раз, когда Алекса видела Иоганна Раппа, он стоял на маленькой платформе пограничной станции Вирбаллен, большой, широкоплечий и с сияющими глазами. Он смеялся в ее сторону. То прощание означало расставание всего на несколько недель. Потом он хотел приехать в Берлин, где и должна было произойти свадьба.

Медленно поезд пришел в движение – машущая рука – любимое больше всего на свете лицо...

Это было в последний раз... тогда.

С тех пор ей казалось, как будто она провалилась в глубокую шахту, в которую совсем не пробивался свет. Мобилизация в России. Объявление войны Германией. Первые бои и битвы. Первые победные репортажи, первые погибшие. То, что раньше было границей, которую можно было без труда переехать в удобном скором поезде, границей между нею и ее возлюбленным, стало теперь широким поясом опустошенной, выжженной земли, где умирали солдаты, как здесь, так и там...

Любовь, счастье, подготовка к будущему – все стало бессмысленным еще до того, как смогло обрести воплощение.

И никаких вестей о нем, никаких признаков жизни, ничего.

Никакого возвращения, никакой встречи, ничего. Все поиски оставались напрасными.

Капитан Бодмер, умный, дружелюбный, сдержанный как всегда, указал ей путь: она стала сестрой Красного креста. Профессор, в клинике которого она работала когда-то с Ольгой Волковой, смог посодействовать тому, чтобы ее желание отправиться в полевой госпиталь на Восточном фронте было удовлетворено. Этот госпиталь принадлежал к воинской части Бодмера.

Здесь она работала, выполняя свой долг, как и все остальные. Но она становилась все тише, все серьезнее, все более одинокой. Она добровольно брала на себя самую тяжелую работу, только для того, чтобы не быть обязанной думать. Лишь в короткие часы сна – в каком-либо деревенском доме, под брезентом – приходили к ней воспоминания, которые нельзя было прогнать:

Рапп на ступенях собора в Петербурге.

Рапп на тройке, он положил руку на плечи Василя и поет с ним песню над степью.

Рапп в солнечном дворе, когда она утром в ее день помолвки стояла за занавеской, и он ее заметил.

Рапп на платформе в Вирбаллене, который теперь стал грудой развалин -

Рапп, Иоганн Рапп, любимый... Где же он был – где?

II

В главном полицейском управлении города Ростова-на-Дону сидит полицейский, непоколебимый в своем спокойствии, за столом, заваленным папками с делами. Перед ним стоит несколько штатских. Он откашливается.

- Господа, я зачитал вам новые указания и инструкции. Это война, и мне лично очень жаль, что я накладываю эти ограничения свободы на вас, кто принадлежит к самым уважаемым немецким семьям Украины. Я ожидаю от вас, что вы все подчинитесь всем без различия указаниям и отправитесь в губернский город Пермь. Пожалуйста, не воспринимайте все это слишком трагически, это будет для вас «partie de plaisir».

- И когда же должна состояться эта увеселительная прогулка? – спрашивает Рапп.

- Мы не хотим назначать вам срок – например, до конца недели. Сегодня вторник. У вас будет достаточно времени для подготовки.

- А наши родители? – спрашивает баронесса Штрессер, – что произойдет с ними? Могут ли они остаться?

Полицейский рассматривает баронессу с избытком мягкого снисхождения.

- Прошу прощения, баронесса, вы, наверное, не очень внимательно слушали. Все мужчины и женщины моложе двадцати лет и старше сорока пяти лет могут остаться.

- Господин капитан, – снова спрашивает Рапп, – кто будет все это время управлять поместьями, кто будет следить за фабриками?

- Правильно, господин барон, правильно, об этом я почти забыл. Хорошо, что вы напомнили мне об этом.

Он начинает листать документы, затем он долго читает, как будто бы он искал что-то определенное, наконец, он поднимает взгляд.

- Кто из вас, господа, Герхард фон Мюллер?

Молодой человек, хромя, выступает вперед. – Это я, – говорит он твердым голосом.

- Вы сразу после Сараевского убийства, то есть, еще до объявления войны, просили о переходе в российское подданство, не так ли?

- Да, просил.

- Я должен сообщить вам, что ваша просьба была удовлетворена.

Воцарилась тягостная тишина. Все смотрят на молодого, бледного человека, который неподвижно смотрит прямо перед собой.

- В то же время, – медленно продолжает читать полицейский чиновник, – вы должны отметить в ответственной за ваш район проживания военной администрации. Для медосмотра.

Он встает, подходит к Мюллеру и пожимает ему руку. – Я поздравляю, вас призывают в армию. Я поздравляю.

- Я калека, господин капитан.

- Почему?

С лица немца исчезает последняя капля крови, когда русский смотрит на его изувеченную ногу.

- Прошу вас подождать. Я должен спросить мое начальство относительно вашего использования на службе России.

Господин фон Мюллер хромяет прочь от стола и садится в стороне от других. Они отодвигаются от него. Никто на него не смотрит. Все ждут молча, долго ждут. Внезапно дверь с треском захлопывается за капитаном.

- Господин фон Мюллер, вы будете пока что использоваться как инспектор поместий семей Раппов и Штрессеров. Поддержание работы этих предприятий жизненно важно для государства. Вы же хорошо знаете эти предприятия. Пойдемте со мной, теперь вы должны дать вашу присягу на верность России. – А вы можете идти, – обращается он к другим.

- Сволочь! – говорит Рапп несдержанно.

Мюллер вздрагивает как от удара кнутом. Затем он медленно встает и следует за русским полицейским.

В марте 1915 года сестра милосердия Алекса Хаберманн получила свой первый отпуск с выездом на родину.

Какой чужой стала для нее вилла в Груневальде, какими совершенно далекими стали для нее работа отца, которого она видела лишь редко, забота и уход, которые она получала от прислуги и друзей, тихое сдержанное уважение Бодмера, который после своего выздоровления скоро должен был снова отправиться на фронт. С ней происходило то же самое, что и с тысячами немецких солдат, которые больше не могли говорить с оставшимися на родине, лишь смущенно молчали, когда их просили рассказать о фронте. Нет, не было никакого моста между тем, что ежечасно испытывали люди на фронте, и заботами и делами этих ухоженных, всегда хорошо и чисто выглядевших людей. Их любовь и забота могли стать невыносимыми. «Кушай, дитя мое, полежи немного, ты выглядишь усталой. Не хочешь ли ты сегодня пойти в театр?» Невыносимы – такие же чужие и мучительные как красивые платья, которые тут можно было носить, общественные обязательства. Был лишь один долг, одно задание, которое было бесконечно важнее, чем все эти формальности, лишь одна цель, которая представлялась ей единственной, когда она отправлялась в отпуск. Она должна была попытаться как-то связаться с Иоганном Раппом.

В первый вечер она поговорила с отцом. Не было ли у него возможности, благодаря его сильно разветвленным коммерческим связям, которые оставались для Алексы непонятными и несколько зловещими, каким-то путем передать весточку в Россию? Через Швецию, вероятно? Но Хаберманн категорически отказал дочери в ее просьбе.

- У Раппа было гораздо больше возможностей для того, Россия открыта во многих местах, окружена нейтральными странами, он давно мог бы написать тебе. Он немец, его нельзя было призвать в армию. Забудь его, как он наверняка давно забыл тебя.

Алекса только безмолвно качала головой. – Ты мучишь себя, ты портишь всю свою молодость, останься теперь здесь со мной. Я достаточно долго был одинок. Если ты непременно хочешь работать, ты можешь помогать мне в моих коммерческих делах.

- Нет, отец, – сказала она тихо, – теперь уже слишком поздно. Я знаю, где мое место.

В тот вечер отец не стал больше настаивать, девушка должна была сперва успокоиться, снова привыкнуть к прекрасному родному дому. Но Алекса стала за последующие дни лишь еще более отчужденной от него, и она избегала говорить с ним о вещах, которые он не понимал. Бодмер был единственным человеком, который догадывался, что происходило в ней. Своим тихим, наблюдающим взглядом он хорошо видел, как она мучилась, как она беспокойно бегала от одного учреждения к другому, посещала организации Красного креста, учреждения помощи иностранным немцам, центры по обмену военнопленными, и как она день ото дня все больше утрачивала мужество, все сильнее разочаровывалась. Весь отпуск казался ей бессмысленным, если ей не удалось бы здесь из Берлина каким-нибудь способом найти связь с ее любимым.

Но однажды ее Бодмер молча сунул ей в руку какой-то листок. На нем был один только адрес: капитан Йенсен, и улица в Штеттине.

- Я случайно услышал от вашего отца это имя и навел справки об этом человеке. Вероятно, он сможет вам помочь.

Йенсен, Йенсен – ведь это же он был капитаном парохода «Адлер II»... Внезапно она увидела себя стоящей рядом с Ольгой Волковой у поручней, огромная рука крана с грузом парила над ее головой, потом ящик упал – и Иоганн Рапп стоял на коленях возле молодого белокурого человека, которому упавший ящик раздавил ногу. Йенсен – да, отец иногда говорил о нем, тогда, когда он затевал большое дело с торговлей по Балтийскому морю. «Хитрый парень, настоящий тертый калач...»

На следующий день она поехала в Штеттин.

Она приехала туда лишь ближе к вечеру. Немногочисленные газовые фонари горели в узких переулках, за освещенными окнами можно было увидеть сидящих вместе и беседующих людей. Ветер нес аромат весны и моря, он гнал перед собой темные дождевые тучи. В палисадниках уже цвели первые подснежники между грядками, накрытыми еловыми ветками.

Она с большим трудом ориентировалась в старой части города. Таблички с названиями улиц едва можно было разглядеть. Затем ей встретилась женщина, под черной шерстяной косынкой она увидела измученное, недоверчивое лицо. Живет ли здесь на этой улице капитан Йенсен?

- Да, – медленно сказала женщина, – как раз в третьем доме отсюда.

Алекса поблагодарила и поспешила дальше. Она спиной почувствовала взгляд женщины. В своей элегантной шубе Алекса явно выделялась на этой улице.

Дом Йенсена был с такой же острой крышей и покосившийся от старости, как и другие дома. Алекса потянула за провод звонка и услышала веселый звон колокольчиков у себя над головой. Внутри кто-то прокашлялся, прозвучали тихие, медленные шаги. В осторожно открытой входной двери стояла маленькая, полная женщина с седыми волосами. Вопросительно она рассматривала незнакомую гостью. Алекса внезапно засмушалась.

- Что вам угодно? – спросила женщина.

- Я хотела бы поговорить с господином капитаном Йенсеном.

- Моего мужа сейчас нет. Женщина сделала шаг назад и хотела закрыть дверь.

- Я Алекса Хаберманн. Я хотела бы попросить вашего мужа кое о чем, госпожа Йенсен. Я специально ради этого приехала сюда из Берлина. Она говорила поспешно, ее глаза умоляюще смотрели в глаза старой женщины.

- Заходите.

В прихожей женщина еще раз испытующим взглядом осмотрела незнакомку. – Вы должны нас простить, у Йенсена мало времени, и потому я стараюсь никого к нему не подпускать. Проходите сюда, фрейлейн Хаберманн. Йенсен как раз поужинал, он хотел немного прилечь, но если по-другому никак нельзя, и раз уж вы действительно что-то хотите от него, то это тоже никак не навредит.

Когда девушка вошла в низкую гостиную с красной плюшевой мебелью, Йенсен, который сидел на диване, поднял голову. – Ну, кто это там был, матушка?

- К тебе гости, – ответила женщина из-за спины Алексы. – Это молодая дама, дочь господина Хаберманна из Берлина.

Маленький мужчина застегнул жилет, подтянул рукава рубашки и медленно встал.

- Здравствуйте, фрейлейн, что же привело вас ко мне?

Госпожа Йенсен покинула комнату, можно было слышать, как она тихо возится на кухне. Алекса осталась наедине с капитаном, но она все никак не могла найти подходящих слов. Она, худая и бледная в ее элегантном пальто с воротником из опоссума, стояла перед капитаном, который смущенно почесывал свою бороду.

- Я пришла с одной просьбой, – наконец, громко произнесла она.

- Присядьте сначала, – сказал Йенсен и сам облегченно опустился на скрипучий диван. – Так что же вы хотели от старика Йенсена?

- Это по поводу моего жениха, – сказала Алекса тихо, – барона Раппа.

Йенсен моргнул маленькими хитрыми глазами. – Так... из-за него.

- Я ничего больше не слышала о нем после начала войны.

- Плохо, плохо, – сказал Йенсен и покачал головой. – Такая молодая любовь! И как теперь я мог бы помочь?

Алекса наклонилась вперед. – Вы должны помочь мне! – умоляла она его. – Я не знаю никакого другого выхода. Может быть, вы смогли бы передать через Швецию письмо в имение Раппа. Ведь там должен быть хоть кто-то, кто знал бы, где барон Рапп, и мог бы дать ответ. Вы должны мне помочь!

Она еще сильнее наклонилась вперед и прошептала: – Вы же это можете. Вы совершаете иногда по Балтийскому морю такие плавания, о которых никто ничего не знает.

Йенсен нахмурил брови. – Только смотрите, не проболтайтесь, фрейлейн! Нужно держать рот на замке, если хочешь заниматься такими сделками.

Алекса молчала, но ее глаза смотрели на него с настолько странным блеском, что он почувствовал себя очень неудобно. Теперь у нее даже появилась маленькая, хитрая улыбка. Все же, как они все похожи, думал Йенсен, эти девушки. Если уж они хотят чего-то добиться – тогда другой должен оставаться спокойным.

- Ну, – сказал он и выпрямился – а письмо-то у вас сейчас с собой, фрейлейн?

Алекса теперь расплылась в открытой улыбке. Она вытащила белое запечатанное письмо и положила его на стол. Йенсен взвесил его на руке, поворчал и спрятал его.

- Я ничего не могу обещать. Я попробую это сделать, завтра ночью снова отплываю туда и назад, для старика Хаберманна. Кстати, господин коммерции советник знает, собственно, фрейлейн, что вы здесь?

Алекса покачала головой. Йенсен пытливо рассматривал ее. – Ну, так даже лучше. Он и не должен знать все, господин коммерции советник. Так, а теперь мне пришло время уходить. Вы еще останетесь в городе?

- Я через час возвращаюсь в Берлин.

- Ну, тогда останьтесь на это время у моей старухи. – Он подошел к двери и крикнул: – Матушка, эта дама еще немного побудет у нас. Дай ей чего-то поесть и поболтай с ней немного. Он повернулся, накинул синюю куртку, надел на свою круглую голову капитанскую фуражку. – Ну, пока, фрейлейн. Теперь очередь матушки.

- Спасибо, – сказала Алекса тихо, – спасибо, капитан Йенсен. Она пожала его руку, и он пожал ее так сильно, что ее рука заболела, и своим тяжелым, массивным шагом вышел из комнаты. Снаружи снова зазвонил маленький колокольчик.

Алекса смотрела через окно на темную, мокрую от дождя улицу и слышала его шаги, которые медленно удалялись, как будто бы он уносил с собой ее будущее, всю ее жизнь.

Потом пришла госпожа Йенсен с подносом с посудой. Она осторожно поставила его на стол и начала накрывать. – Ну, вы приезжали не зря? – спросила она спустя некоторое время.

- Я надеюсь.

- Все получится, Йенсену всегда везет, во всем, что он делает. И он не трус, мой Йенсен.

Алекса улыбнулась бодрой седой женщине и села. Настенные часы тикали, большая изразцовая печь трещала в углу. Маленькие сине-белые фарфоровые собачки из Дании стояли на старом комод. Девушка ощущала тепло и защищенность, которых она не чувствовала так долго. Этой похожей на мать женщине не нужно было говорить много слов.

- Ведь вы та самая дама, которая была в России? – спросила госпожа Йенсен. – Невеста барона Раппа, не так ли? Йенсен иногда рассказывал о вас.

Алекса кивнула и откровенно рассказала, что привело ее сюда. Старая женщина смотрела на нее с сочувствием.

- Это, пожалуй, тяжело, да? И как сестра в полевом госпитале на фронте – можно удивиться. Если на вас посмотреть, то никак не поверишь, что вы должны были так много перенести.

Впервые у Алексы немного отказали нервы, и слезы появились у нее в глазах. Ей пришлось сглотнуть.

- Ну, ну, – произнесла госпожа Йенсен и погладила ее руку. – Если только подумать о том, с чем только может справиться женщина, тогда остается только удивляться, откуда у мужчин берется их гордость. Это не касается моего Йенсена, – она быстро прервалась, – он хороший парень, только вот немного сварливый и грубоватый, особенно в последнее время. Похоже, ему сейчас приходится много о чем думать. Я ничего не понимаю в сделках, которые он совершает с вашим отцом, но я думаю, они оба хорошо сходятся друг с другом. И такой утонченный господин уже точно знает, что он делает.

Она замолчала и тихо опустила взгляд на свои натруженные руки. Через некоторое время она тихо заговорила:

- Иногда я боюсь за него, когда он бывает таким рассерженным, или когда он отсутствует неделями, и никто не знает, где он. Потом он возвращается, не говорит почти ни слова, и запирается, и считает и считает. Тогда мне кажется, что я вообще не узнаю его.

Алекса слушала внимательно. Большой, скрытый страх прятался в словах старой женщины. Так они сидели вместе, старая и молодая, и думали о мужчине, который был их жизнью, и о котором они беспокоились, как всюду в стране жены, матери и невесты думали о ком-то одном, больше всего в эти тихие вечерние часы, когда на улице шел дождь.

Потом настенные часы внезапно пробили громко и низко, и Алекса должна была уходить. Госпожа Йенсен еще немного проводила ее, плотно укутавшись в свою большую шаль. При прощании она долго смотрела на Алексу материнским взглядом.

- Если вам когда-то будет нужен кто-то, чтобы излить свою душу, то приезжайте к старым Йенсенам в Штеттин. Вероятно, вы также и не приедете такой, какой я знаю вас сейчас. Вы, пожалуй, всегда будете крепко держать ваше сердце.

На обратном пути Алекса стояла одиноко в проходе поезда и пристально всматривалась через окно в ночь. В поезде с ней ехало много солдат и матросов, они сидели в проходе, на ее багаже, курили, пели, играли в карты. На каждой станции к ним подсаживались новые. Прощание с родителями и женами было быстрым и почти бессердечным.

Теперь Алекса думала, так сильно, как никогда на фронте, об Иоганне Раппе и о его судьбе. Она была спокойнее, маленькая надежда ехала вместе с ней, и тепло и защищенность гостиной Йенсенов все еще сохранялись в ней.

Дом в Груневальде тихо лежал в темном саду, только из окон первого этажа свет падал на гравиевую дорожку. В маленькой охотничьей комнате сидел мужчина с книгой.

- Бодмер?

Он вскочил, лицо его было усталым и бледным.

- Я ждал вас, я хотел узнать, получилось ли у вас.

Она благодарно пожала ему руку. – Он взял письмо с собой и хочет попытаться.

Он смотрел на нее, как она стояла перед ним, тонкая, с улыбкой, полная доверия и надежд. Но ее глаза были большими, и на них были прозрачные синие тени. Эта девушка слишком много перенесла. Ее лицо все еще напоминало лицо ребенка.

Бодмер отвернулся. Он показался ей сегодня еще более неловким и сухим, чем обычно.

- Я доложил о своем возвращении на фронт, – тихо сказал он. – Здесь я все это больше не выдерживаю.

Она искала его взгляд, они поняли друг друга. Алекса из-за своего горя стала женщиной, она знала, как обстояло дело с ним, и она была благодарна ему за то, что он не упрашивал ее, не лез к ней в душу, что он ни слова не говорил о своей любви к ней. Они были товарищами. Они оба часто глядели в лицо смерти.

- Что нам здесь делать? – произнесла она тихо и только теперь сняла пальто. – Я чувствую себя так смешно в моих пестрых платьях.

Он в своем выходном мундире посмотрел вниз на свои блестящие чистые сапоги. – После первого боя – тогда снова выглядишь так, как нужно выглядеть.

Подъехал автомобиль, Хаберманн вернулся домой. Алекса быстро приложила палец к губам. Бодмер кивнул. Отец, который уехал еще ранним утром, не должен был узнать, что Алекса была в Штеттине.

Хаберманн был в хорошем настроении. Он, кажется, успешно закончил какие-то переговоры; он сразу обнаружил то, что ускользнуло от внимания Алексы: у Бодмера впервые были новые майорские погоны. – Я поздравляю, господин майор, поздравляю вас! Так быстро продвигаетесь по службе? Всем смирно!

- Спасибо, спасибо, – быстро ответил Бодмер.

Затем они вместе ели в большой столовой. Мерцали свечи. Алекса и Бодмер говорили мало, оба были заняты своими мыслями. Хаберманн рассказывал о трудных переговорах, которые он вел с правительством, и во время которых он часто сталкивался с непониманием в официальных структурах.

- Они хотят морить Германию голодом, поэтому нужно было строить большие подводные лодки для перевозки продуктов. У меня есть там несколько капитанов, настоящие блокадопрорыватели, они проходят всюду – но меня не слушают...

Алекса и Бодмер коротко переглянулись и молча ели дальше.

Неделей позже майор Бодмер снова уехал на фронт. Спустя короткое время вернулась в свой госпиталь и сестра Хаберманн. Оба опять прибыли на восток.

Алекса так и не получила ответ на свое письмо.

Рапп оставался пропавшим.

Месяц за месяцем, год за годом девушка несла свою тяжелую службу, всегда в военных госпиталях на самом переднем крае. Свою любовь и тоску она молча несла с собой. Она также больше не делала попыток как-то установить связь с Раппом. Она была одной из тихих фронтовиков, для которых существовали только лишь приказы, работа и служба, долг и ожидание. Ее жизнь давно больше не принадлежала ей самой, а только лишь другим, боли которых она могла облегчить.

Даже если бы письмо Алексы дошло до Иоганна Раппа, оно, пожалуй, было бы для него ничем иным, как только воспоминанием о призраке, о мечте, которую давно оттеснили в самый тайный уголок сердца, где покоились все эти воспоминания, которые больше нельзя было доставать, если только жизнь, которую ведет человек, должна была оставаться хоть немного сносной.

Пришло лето 1917 года, и никто еще не мог предвидеть конец войны.

Ирина Штрессер сидела во время заката перед низким домиком из бревен, который смастерил Рапп из неотесанных стволов, на краю маленькой сибирской деревни. Уже почти два года она добровольно прожила здесь с ним в ссылке, с тех пор как не удалась его попытка побега из лагеря в Перми, куда их отправили с немецкими товарищами по несчастью.

Она видела, как он возвращается домой через поля. Его фигура, высокая и широкая, поднималась на фоне вечернего неба, но она также взглядом любящей женщины видела, как невидимое горе тяготело на этих широких плечах. Шаг его был медленным и тяжелым.

Он засеял эти поля, всегда неутомимо ища для себя нового занятия, тормозил боязливых нерасторопных крестьян этой отрешенной от мира деревни, заботился об одичавшем, заброшенном скоте, изготавливал в кузнице новые инструменты для обработки земли.

Также этот дом он построил для Ирины, смастерил примитивную мебель и кровати.

Теперь он приходил к ней домой, и так как каждый вечер он не выдерживал бы этого, он иногда снова уходил в деревню, к какому-то крестьянину. Он сидел между детьми и пел с ними песни, с уздечкой или какой-нибудь погнутой штуковиной в руках, которую он чинил. Иногда она шла вместе с ним, сидела тихо в углу, бледная, похожая на прекрасную мадонну с ее глубоким иссиня-черным пробором, и крестьяне робко отодвигались от нее, и Рапп не говорил ей ни слова на протяжении всего вечера. Поэтому она предпочитала оставаться в одиночестве в избе.

Она любила его и показывала это ему, просто и честно. В этой уединенности, где они были предоставлены только самим себе, не было никакой игры между мужчиной и женщиной. Они принадлежали друг другу, как последние люди на краю света будут принадлежать друг другу, и ее любовь, кажется, не хотела кончаться, как каждый ландшафт, который внезапно, все же, однажды заканчивается. Но его исполненное тоски беспокойство стояло между ними. По-

настоящему счастливым он был, кажется, только тогда, когда он разбрасывал по полю семена, его крепкая полотняная рубашка была широко расстегнута, и ветер трепал ему волосы, когда он шагал за бороной по полям, подгонял маленьких косматых лошадей громкими криками, и жаворонки поднимались над его головой в бескрайнее небо.

Теперь он был у нее, кивнул ей и положил свою тяжелую руку ей на макушку, потом он подсел к ней перед избой. В деревне зазвенел колокол. Ирина перекрестилась. Последние ласточки с шумом носились по прозрачному воздуху. Он долго молчал.

- Ты теперь уже больше двух лет ждешь со мной, – сказал, наконец, он. – Я этого уже больше не выдерживаю. Мы должны еще раз попытаться убежать.

Это был старый разговор, они вели его сотни раз, и сотни раз безнадежно прерывали. Она не отвечала.

- Ты добровольно поехала со мной, Ирина, когда они снова поймали меня тогда около Перми и засудили. Там было лучше. Даже сейчас ты могла бы сидеть среди друзей.

Она робко обняла его. – У меня есть ты – и у тебя есть твоя работа, Ваня.

- Эта земля мне не принадлежит, – произнес он горько. – Я должен знать, как обстоят дела у нас дома. Мы должны попытаться ускользнуть, Ирина, должны сбежать!

Напряженно он всматривался в наступающий вечер. – В стране революция, хаос с каждой неделей нарастает. Мы даже здесь чувствуем, как все рушится, фронт, дисциплина, как нет больше никакого послушания. Скоро поезда совсем не будут ездить; возвращающиеся домой солдаты грабят и уничтожают все, что они находят, правительство Керенского утратило весь свой авторитет – и если оно падет, то что тогда? Мы должны поторопиться, теперь самая лучшая возможность нырнуть в море хаоса и пробиться домой. Мы должны попытаться!

Она не возражала ему, только ее руки судорожно сцеплялись друг с другом, и ее темная голова опускалась все ниже и ниже.

- Я думаю об этом каждой ночью, – тихо сказал он.

- Я это знаю, я это знаю уже давно.

Снова они замолчали. Тогда он подошел еще ближе к ней и прошептал, хотя поблизости никого не было: – Один татарин может достать мне глазные капли. От них человек ослепнет на несколько недель. Их использовали солдаты, которые не хотели возвращаться на фронт. Слепой – это больше не солдат, военная медкомиссия отпускала их. Я должен попробовать их!

- Ваня, дорогой, но твои глаза...?

- А на фронте? – сказал он жестко и встал. Она не решилась возразить. Ужасный страх сдавил ей горло.

Он убрал светлые волосы со лба, потом, не оглядываясь, он твердыми, тяжелыми шагами ушел в деревню.

Ирина бежала следом и беззвучно плакала.

Только в декабре, когда в муках и потрясениях второй революции в стране разрушился всякий порядок, бегство удалось. Никто больше не обращал на них внимания. Они оставили маленький бревенчатый домик, в котором прожили почти два года, они взяли с собой лишь самое необходимое в двух узелках. Они даже не заперли дверь. Теперь какой-то крестьянин, вероятно, солдат, который вернулся домой с фронта, мог бы поселиться там.

Они ехали в санях по заснеженной тайге, все время опасаясь нападений банд разбойников. Они ночевали у самых бедных крестьян. Для слепого человека всегда находилась лежанка у печки. Так как Рапп ослеп, он носил на глазах большую повязку, он терпел сильные боли. И всегда этот сверлящий, грызущий страх: возвратится ли зрение, или он осудил самого себя на длительную слепоту? Ирина почти не спала. Она всегда присматривала за беспомощным мужчиной. На боку она несла заряженный револьвер.

Потом они добрались до железной дороги. Да, поезда шли на запад – но когда, никто не знал. Они ждали, вместе со многими другими, бесприютными, уволенными солдатами. Также бывшие немецкие военнопленные встречали их, которые хотели на свой страх и риск попытаться пробиться на родину. Рапп слышал звуки немецкой речи, он уже хотел было заговорить, но Ирина прикрыла ему рот ладонью. Нельзя было выдавать себя, всюду кишело шпионами.

Им удалось забраться на поезд. День за днем длилась поездка, старый паровоз с трудом тащил свои вагоны по заснеженному Уралу. Прерывисто черный дым вырывался из его трубы и в пышных клубках застывал в воздухе.

Плотно сжавшись вокруг печи, сидели мужчины и женщины в вагоне. Их тела шатались в однообразном ритме катящихся колес, и на стенах качались пулеметные ленты, сумки, винтовки. В стороне от всех, под полкой, прятались Рапп и Ирина. Девушка положила свою руку на серую повязку над его глазами и напряженно смотрела на его погруженное в мысли лицо, на котором дрожал отблеск раскаленной печи. Ее овчинный тулуп накрывал обоих. Кто-то долго кашлял и сплевывал несколько раз. Ребенок начал жалобно стонать, потом он сам умолк.

- Я уже вижу гораздо лучше, Ирина, – внезапно прошептал Рапп. – Я не ослепну.

Он чувствовал, как давление ее руки становилось нежнее, как она однажды коротко погладила рукой его небритое лицо.

- Тише, постарайся уснуть!

- Ты всегда рядом, Ирина, всегда...

Она пристально смотрела на спины сидящих у печи фигур. Они тоже так сидели у печи в маленькой избушке, пока березовые колоды трещали в печи. Там она была счастлива, там она владела им только одна, там...

Его рука, которая цеплялась за ее пальцы, была освещена кроваво-красным светом, зловеще вздрагивал свет на его лице. Были ли его бегство и ужасное решение лишиться себя зрения с помощью опасной эссенции лишь тоской по собственному куску земли? Не вело ли это его еще дальше, к другой, о которой он никогда не говорил? Забыл ли он о ней на самом деле?

- Хорошо, что большевики заключили перемирие, – произнес чей-то голос у печки. – Нам уже так надоела эта война. Армии больше нет.

- После трех с половиной лет, – сказал другой тихий голос.

Люди смотрели недоверчиво, никто не доверял другому. Солдаты, женщины, крестьяне, трудноопределимые типы. Они жевали, пили, курили, один ел кусок колбасы, скрестив ноги, как житель Востока. Усталые лица, ожесточившиеся черты. Поезд грохотал и шел, покачиваясь, пулеметные ленты качались, приклады винтовок колотили по стенке.

- Теперь все будет уничтожено, – снова заговорил тихий голос. – Все, у чего было имя и имущество, должно быть искоренено. Так хотят новые хозяева.

- А ты, что, с этим разве не согласен? – сказал другой с полным ртом. – Теперь мы хотим сами наесться досыта! Я десять лет пробыл на каторге, Ленин дал мне свободу. Это мой человек!

Он плюнул в огонь и коротко рассмеялся.

Снова в вагоне стало тихо. Ребенок начал боязливо плакать.

Только когда они покинули поезд после многих дней и ночей страшной поездки, Рапп снял с глаз повязку.

Он видел!

Он видел заснеженную дорогу, по которой он когда-то ехал с Алексой и Василем, он видел темную опушку леса, за которой лежало его поместье, хорошо знакомые деревья, широкие поля.

Они забросили на плечи свои узелки и пошли сквозь вечерние сумерки. Их шаги были поспешными, их одежда превратилась в лохмотья, их лица были усталыми, и их вряд ли можно было узнать. В сумерках расплывался ландшафт, но они находили свой путь, даже не видя его. Они не говорили ни слова, слишком большим было ожидание, радость от того, чтобы снова быть дома, страх того, каким они нашли бы все.

Ирина смотрела на Ваню со стороны, он вытянул голову вперед, и, казалось, принюхивался как охотничья собака.

Теперь они вышли из леса. Ясно лежал перед ними контур высоты. Сильно дыша, Рапп остановился. Его взгляд охватил горизонт, скользил беспокойно над холмами.

Он искал и искал.

- Ирина, разве я слепой? – внезапно закричал он. – Скажи мне, что ты видишь! Скажи!

- Ты не слепой, Ваня. Там ничего больше нет. Ее голос был холодный и замерший.

Он начал бежать, до тех пор, пока он больше не мог.

Она видела, как он спотыкался, падал в снег, вскакивал снова, бежал дальше, все дальше, вверх по маленькой возвышенности. Сначала она хотела последо-

вать за ним. Потом она отвернулась, прошла дальше, мимо холма, туда, где находилось имение ее родителей... ушла в зимнюю ночь... одна.

Опустился вечер. Все выше луна поднималась над горизонтом – как тогда – как каждый раз...

Теперь Рапп добрался до вершины холма. Колонны ворот поместья были опрокинуты, погребены под снегом. Там, где стояли дом, конюшни, амбары – всюду только обугленные стропила, которые торчали к небесам, обрушившиеся стены, сострадательно накрытые снегом. Обломки, мусор, зловещая пустота заснеженного, забытого кладбища и над всем этим бескрайнее сине-черное небо, на котором медленно поднималась луна.

Как сумасшедший бродил Рапп между развалинами, ворвался в засыпанный подвал, лихорадочно копал голыми руками снег, нашел полуобугленную ножку от стола, которой он продолжил копать. Он находил кусок старой золотой рамки. Да, он вспомнил, это был портрет маслом его матери, еще молодой девушки. Угол большого камина в жилой комнате еще стоял, в нем он ребенком часто прятался летом, и позже он сидел здесь с Алексой...

Он искал дальше, копал, царапал землю и копал, но ничего, ничего не осталось.

Когда он натолкнулся на остаток стены, она с треском обрушилась и едва не убила его. Он упал назад в снег, снова резко поднялся и, шатаясь, побрел дальше. Все это было огромным полем руин и мусора, и самое страшное милосердие было прикрыто снегом. Мертвым было все, куда он смотрел.

В отчаянии он огляделся. В серебристом блеске лежала земля у его ног, его земля. Теперь он достиг того, по чему он тосковал долгими месяцами в сибирской избе. Он стоял на своей земле. Его руки кровоточили, глина и снег толстыми комками прилипли к его одежде, бледное лицо было черным от сажи.

То, что не смогли сделать годы ссылки в Сибири, произошло в эти мгновения: из жизнерадостного, всегда положительно настроенного, всегда готового помочь человека он превратился в мужчину, полного чувства ненависти и жгучей страсти возмездия. Он поклялся отомстить тем, которые бессмысленно разрушили все, что принадлежало ему.

Когда он стоял так, уже готовый спуститься с холма снова на землю, он услышал за собой шум. Он обернулся, положив руку на оружие.

Маленькая шатающаяся фигурка ползала там между развалинами, приближалась к нему, шатаясь и спотыкаясь. Потом она внезапно снова исчезла. Он прошел несколько шагов в том направлении, пытаясь разглядеть в сумеречном свете это живое существо между обломками. Вдруг он отпрянул назад и выхватил револьвер. Прямо перед его ногами кто-то выполз из дыры в погребу, слабо помахал рукой, поднялся, тихо охая, и подошел к нему. Теперь он стоял совсем близко к нему, пристально глядел на него из изможденных голодом глазниц.

Это был мужчина, опустившийся и превратившийся в животное вплоть до неузнаваемости. И, все же, в этом покорном, робком выражении лица было что-то, знакомое Раппу.

- Мюллер? – прошептал он и услышал, как стучат его зубы.

Оборванец кивнул, пошевелил губами, но не издал никакого слышимого звука.

- Господин фон Мюллер? – еще раз спросил Раппи схватил его робко. Тогда человек пару раз поспешно кивнул головой и с трудом произнес:

- Я ждал вас – я знал, что вы приедете, барон Рапп.

Полный ужаса и потрясенный Рапп уставился на молодое лицо, которое показалось ему бесконечно старым и обреченным, желтое, бескровное, худое как череп мертвеца.

- Пойдемте, – прошептал Мюллер, – идите за мной, я должен вам это показать.

Он полез вперед. Он, кажется, знал здесь каждую дыру в снегу, каждый кусок стены, каждое препятствие. Рапп едва мог следовать за ним.

Потом Мюллер, запыхавшись, остановился, схватил Раппа за рукав, костлявой рукой указал вокруг себя.

- Здесь лежат ваши предки. Их выбросили из мавзолея. Вы видите мундир времен Фридриха Великого? Ваш отец тоже там лежит. Я был слишком слаб, чтобы похоронить их, земля слишком твердая. Ваша мать лежит дальше снаружи, если дикие собаки уже не унесли ее тело. – Посевы уничтожены, скот расстреляли из пулеметов, он гниет в степи, стервятникам хватит еды.

Внезапно он обессилел, присел на камень, затрясся в беззвучном рыдании. – У вас есть какая-то еда? В поместьях Раппа ничего больше нет.

Рапп присел рядом с ним.

- Как вы смогли продержаться здесь так долго, Мюллер? – спросил он, наконец.

- Там. – Тощая рука указала в сторону руин. – Подвал в доме управляющего – я раскопал – нашел там несколько консервов, пару одеял – но огня нет. Холодно, очень холодно! Спичек вообще нет.

Затем он показал на двор. – Там – в большом амбаре – они все были пьяны – сожжены. Калека сжег их. Господин барон... сволочь. Эта сволочь управляла вашим имуществом... до самого конца... и ждала вас.

Рапп поднял взгляд вверх.

Угрожающе, ужасно поднималась из кучи мусора последняя стена, обугленная, освещенная луной, посреди снежного ландшафта. Эта стена, казалось, бесконечно устремлялась вверх в темное ночное небо.

Его родина на Дону... уничтоженная, оскверненная лежала она перед ним.

- Я обманывал вас, господин барон, – услышал он снова Мюллера, запинаящегося, с трудом выталкивающего из себя слова, – обманывал сознательно. Письмо из Швеции, их было несколько... Я уничтожил их всех. Я хотел отомстить вам... за то слово «сволочь». Я ведь стал русским, чтобы помочь вам, чтобы остаться здесь в случае войны. Вы всегда были добры ко мне. Я хотел управлять вашим владением, и вы должны были после этого получить его из моих рук в таком же виде, в каком вы оставили его... цветущим, образцовым. Он умолк.

Зловещая тишина лежала над руинами и обоими мужчинами, как будто бы эти фигуры были злыми духами развалин.

- Поэтому я ждал вас, господин барон. Я должен был сказать это вам, даже если все произошло по-другому.

Издали приближался плачущий ветер.

- Надвигается буран...

Рапп сидел неподвижно. Потом он увидел Мюллера, стоящего перед ним. Ждал ли он его?

- Пойдем, Мюллер. Нам надо идти... куда-нибудь.

Да, но куда же он хотел еще идти, куда?

Темнело. Облака двигались на фоне полной луны, и ветер громко выл.

В бледном свете Мюллер стоял перед ним. Дрожь пробежала по его худой, отощавшей фигуре в разорванной, грязной одежде, он покачал головой и отвернулся. – Нет, я не смогу пойти с вами... Ведь я же калека...

Рапп видел, как он, тяжело прихрамывая, брел через развалины. Внезапно он исчез.

С грохотом рухнула последняя стена.

- Малыш Мюллер... прости!

Спустя долгое время Рапп увидел себя стоящим у подножия холма. Он оглянулся назад. В начинающейся пурге он теперь исчез из его виду.

На румынском фронте много дней шел дождь.

Все новые грозовые облака поднимались над далеким горизонтом, шторм бушевал над низкими побеленными известью хатами деревни и свистел в трубах. Все дороги размокли, немногие люди, рискнувшие выйти из дому, сразу тонули глубоко в тяжелой грязи.

Почти без перехода после мрачного дня наступала ночь.

В этой деревне немецкие солдаты расположились для отдыха. На фронте в течение последних недель было тихо, никто точно не знал, что происходило там у русских. И был ли вообще еще фронт?

Несколько дней назад в Брест-Литовске было заключено перемирие между Украинской Народной Республикой и Центральными державами.

Люди ждали. Наступил ли мир? Можно ли было ехать домой, или же войскам предстояло отправиться на Западный фронт, где должно было предстоять большое наступление, или нужно было еще раз наступать здесь на востоке, против новых правителей России, которые вели переговоры о перемирии, но в то же время объявляли политическую войну всему миру?

Каждый день мог принести решение.

Люди ждали, полные неуверенности, сомнений, беспокойства.

Также молодая женщина, которая сидит у окна комнаты в крестьянском доме и через окно смотрит на бурю, ждет. Она закутала свои плечи в шерстяной платок. Мерцающий огонь в печи освещает ее лицо. Под платком видна одежда сестры Красного креста.

С любопытством крестьяне и их дети смотрят на чужую женщину, наблюдают с детским удивлением за каждым ее движением, как она поворачивает голову с белокурыми волосами, как ее полный рот, кажется, шепчет иногда слова, большие карие глаза беспокойно – снова и снова – смотрят наружу на дорогу.

Тут как тень выныривает какой-то мужчина из тумана и дождя. Он высоко поднял воротник военной шинели, натянул фуражку низко на лоб. Под рукой маленький стек, ладони засунуты в карманы шинели. Теперь он проходит мимо окна.

Алекса узнает его и идет ему навстречу. Дверь избы открывается одним толчком и скоро снова закрывается.

- Это длилось долго, не так ли, Алекса?

Полковник Бодмер снял фуражку и стряхнул ее. По его лицу с характерными чертами бежали маленькие струйки воды, под его сапогами сразу образовалась большая лужа.

Алекса смотрела ему в лицо, полная надежды. – Вы принесли хорошие новости?

- Это как посмотреть, – сказал он коротко, снял шинель и повесил ее сохнуть у плиты. Дети робко отступили перед ним, крестьяне более тесно сжались в своем углу. Потом он сел на табуретку, зажег сигарету и начал курить.

Алекса сидела напротив него. Он на мгновение взглянул на нее, потом снова отвел взгляд в сторону. Ему снова пришлось бы разочаровать ее. Было больно видеть, как ее лицо утратило все детское, как эти глаза, которые видели так много горя, отражали это горе во всегда одном и том же вопросе, на который никто не мог дать ответ.

Неуверенная в себе юная девушка превратилась в женщину, которую он любил из-за ее боли и из-за ее верности даже еще больше, когда эта верность предназначалась другому. Он был ее товарищем, он не мог быть для нее никем другим. Также теперь он снова старался говорить с ней только как товарищ, только по служебным делам.

- Да, новости, – громко сказал он и посмотрел на нее. – Газеты публикуют обращение украинского правительства к немецкому народу. Вот оно.

Он вытащил газету из кармана и передал ее ей. – Читайте.

Она рассматривала его непонимающим взглядом, потом пододвинулась поближе к лампе и читала. Но он, похоже, по ее глазам понял, что она ожидала другого от него. Но в этом он ничего не мог изменить. Новости о Раппе все никак не удавалось узнать.

Безмолвно мужчины курили или жевали табак, женщины сидели со скрещенными руками и рассматривали попеременно чужого офицера и белокурую женщину. Газета шелестела. Алекса читала:

«Немецкому народу! 9 февраля этого года мы в глубоком и горячем желании жить с нашими соседними народами в мире и дружбе, подписали мирный договор с государствами Четверного союза, чтобы положить конец бесполезной братоубийственной войне, и чтобы объединить все наши силы ради одной цели, создания формы для собственной независимой государственной жизни. Но радостное сообщение от 9 февраля, которого так ждали трудящиеся массы нашего народа, не принесло нам мир в нашу страну.

Враг нашей свободы ворвался на нашу родину, чтобы еще раз поработить украинский народ, как уже 254 года назад, огнем и мечом. В этой трудной борьбе за наше существование мы ищем помощи и поддержки. Мы глубоко убеждены в том, что миролюбивый и организованный немецкий народ не останется безразличным, когда узнает о нашей беде. Немецкая армия, которая стоит на фланге нашего северного врага, обладает силой, чтобы помочь нам и своим вмешательством защитить наши северные границы от дальнейшего продвижения врага. Это то, что мы должны сказать в самый тяжелый час, и мы знаем, что наш голос будет услышан».

(Подробнее о просьбах Украинской Центральной Рады (парламента Украинской Народной Республики) и украинского правительства к немецким и австро-венгерским властям в феврале-марте 1918 года и о последующем вводе немецких и австрийских войск в Украину можно прочесть, в частности, в работах украинского историка профессора Руслана Пирога – прим. перев.)

Алекса опустила газету и посмотрела на Бодмера.

- Я только что из штаба, – сказал он коротко и по-деловому. – Я получил приказ послезавтра выдвинуться с моей бригадой и вступить в Украину. Мы должны установить связь с украинскими войсками, чтобы вместе с ними выступить про-

тив их врагов. Предстоят длительные форсированные марши. Оккупация Украины желательна по различным причинам. На нашей родине и особенно в Австрии положение с продовольствием угрожает превратиться в катастрофу. Нужно добыть продукты, мы должны помочь родине.

Алекса очень сильно побледнела. Она смотрела мимо Бодмера в темное окно.

Он абсолютно ясно видел ее. Ее темные глаза были мечтательны, рот немного приоткрыт.

И там, внезапно, неожиданно все стояло перед ним, сильное и подавляющее, исполнение его страстного желания.

Должен ли был он сказать ей теперь то, о чем он так часто думал и чего он желал себе уже давно?

Маленький, светлый дом его матери в Ростоке, на окнах чистые занавески, цветы, маленький сад, строгое лицо старой женщины, ее белые волосы и голубые глаза, в которых лежал весь мир, полный любви к нему, ее сыну.

И в низкой садовой калитке, в пестром летнем платье, стояла Алекса... Она ждала его. Он вернулся с фронта назад на свою родину, в этот маленький, светлый дом, и все здесь ждало его с огромным нетерпением. Война, битвы, умирающие товарищи – все исчезло перед голосом одной этой женщины, рука которой удивительно и невероятно вложила новую жизнь в его одинокую душу. Месяцы, годы, прошлое – они были необходимы, чтобы сейчас почувствовать это счастье во всех его проявлениях.

Он хотел сказать ей все это, хотел рассказать ей, что его мать уже ждет их, что он подробно писал ей об Алексе, в каждом его письме несколько строк были о ней, она должна была приехать к его матери, там ждут... что он скоро возвратится.

- Алекса! – Бодмер схватил ее руку. Его голос был звучным и радостным, таким, каким девушка никогда еще не слышала его.

Все же, в мечтательных глазах стоял ее недвусмысленный ответ ее другу и защитнику.

«Она не может быть нечестной, она не может», пронзила мысль Бодмера. «Она не может любить одного мужчину и оставаться с другим». Его голова медленно опускалась. Он смотрел на землю.

- Алекса, – он все еще держал ее руку, хотя давление его пальцев уже ослабло.
– Конечно, вы поедете с нами, – очень спокойно сказал он. – Я уже говорил со старшим полковым врачом.

- В Россию... на Украину, – Бодмер услышал ее слова, и ему показалось, как будто Алекса была далеко отсюда, в какой-то мечте.

За окном все еще барабанил дождь.

Застывший фронт проснулся, бесчисленные ноги снова приступили к маршу.

Бесконечные ряды тускло сверкающих стальных касок, грохочущие колеса, спешащие лошади. Костры, пламя, молнии и гром на всем огромном фронте на Востоке, от Эстонии до Черного моря, хлынули и покатались на врага.

В последние дни февраля 1918 немецкие оперативные сводки командования сухопутных войск сообщали: Эстония и Ливония заняты. Ревель и Дерпт взяты. Немецкие войска достигли Днепра.

Нарва, ворота Санкт-Петербурга, находится под угрозой. Огромная добыча, которую вообще нельзя оценить в числовом порядке, попала немцам в руки. На юге немцы и австрийцы наступают широким фронтом на находящуюся под угрозой Украину.

2 марта: Киев освобожден украинскими и саксонскими войсками.

Киев был переполнен людьми.

Тысячи беженцев текли по улицам. Они прибывали из захваченных большевиками областей. Люди и животные, которые из-за истощения едва могли двигаться, чувствуя смерть у затылка, с ужасом пережитого в глазах, медленно шли туда. Среди них было много офицеров и солдат; на усталых, загнанных лошадях, на насильно реквизированных телегах они везли с собой раненых. Всюду можно было увидеть плачущих детей и женщин, разочарованные, ищущие взгляды, оборванных крестьян, которые лишились всего и спасли одну только свою жизнь. Между ними двигались колонны немецких пехотных частей. Бесконечные ряды повозок с боеприпасами и обозов, роты, батареи, дымящие походные кухни, военные госпитали. Из мечтательного города святых монастырей Киев превратился в военный лагерь.

Алекса вечером в свободное от работы время ходила в город. Темные человеческие массы на улицах аморфно колыхались в сумерках и толкали девушку то сюда, то туда. Она шла вместе с потоком толпы.

Необъяснимое беспокойство заставляло ее идти по этому городу, в котором она когда-то была с отцом, прежде чем они уехали в Ростов и в имение Раппа. Вероятно, это было только желание быть среди здоровых людей, позволять им толкать себя и вести дальше, и не смотреть все время в изнуренные, перекошенные от боли лица раненых и больных.

Потом, пока она бесцельно бродила вокруг, и темнота все ниже опускалась на улицы, она внезапно заметила, что ее глаза неосознанно, полные беспокойства, искали что-то. Вероятно, они всегда искали так, все три с половиной года...

Солдаты и офицеры, в их оборванной форме едва ли отличающиеся друг от друга, с лицами, на которых отчетливо была видна безграничная усталость и апатия армии, которая развалилась после сорока двух месяцев войны – ожесточенные, голодные, они потоком лились мимо нее.

Издали слышен был гром орудий, который иногда усиливался до громкого грохота, потом опять стихал и превращался в глухое бормотание.

Тысячи чужих лиц непрерывно проходили мимо нее. Она вглядывалась во все лица, снова и снова разочарованно, снова и снова испуганная мимолетным сходством.

Внезапно она содрогнулась и почувствовала, как сильно бьется ее сердце. С раскрытыми глазами она пристально смотрела на группу казачьих офицеров. Ей была знакома эта форма. Офицеры стояли в самой плотной толпе и, похоже, не могли двинуться дальше. Она проталкивалась к ним – там стоял – среди них – один мужчина в меховом тулупе – белокурая голова над поднятым кверху воротником – теперь он повернулся к ней – среди миллионов она узнала бы это лицо – такое чужое – и, все же, так страшно знакомое...

- Ваня...! – Алекса услышала себя, как она кричит, – Ваня!

Он внимательно посмотрел на нее, потом одним рывком он оказался рядом с ней.

- Алекса...! Великий Боже, это самая святая правда!

Она чувствовала его сильные руки, внезапно увидела себя окруженной казаками и притиснутой к маленькому входу.

Кто-то раскрыл дверь, что-то говорил ей, кто-то встряхнул ее, она почувствовала рот Раппа на своих щеках, лбе, губах. Ее тело дрожало, она слышала, как стучат ее зубы как от сильного жара.

Улица, люди, казачьи офицеры, все кружилось вокруг нее и над нею, и в центре этих быстро сменяющихся друг друга лиц она видела серьезно улыбающиеся глаза Иоганна Раппа.

Постепенно она пришла в себя и заметила, что все это вовсе не было сном. Ее больше несли, чем вели, так она попала в большую комнату, в центре которой стоял стол с едой и вином. Сестры Красного креста с вопросами толпились вокруг нее, кто-то снова и снова целовал ее и говорил непонятные слова, голос, который был ей знаком и причинял ей боль.

Опять плотный туман поплыл перед ее глазами. Наконец, слезы, которые она изо всех сил удерживала в течение долгих лет, вырвались наружу и освободили ее в слабом и беспомощном плаче.

- Она в обмороке – перенесите же ее на кровать – дайте ей немножко водки – Оксана, расстегни ей платье!

Белокурые, мягко спадающие волосы появились над ней, два голубых глаза, тонкий нос, она чувствовала быстрые, искусные руки – из далекой дали она слышала голос Вани, как во сне. Может быть, это все-таки и был сон?

Едкий запах нюхательной соли пробудил ее на несколько мгновений. Она узнала в сестре Оксану и попыталась что-то сказать, но ее голос отказал ей. Еще раз запах нюхательной соли заставил ее встать.

- Я видела Ваню... это правда?

- Да, правда, Алекса, он здесь.

- Я больше его не вижу, – зашептала она. И потом, после паузы, которая показалась ей бесконечно долгой, и в которой она хотела заставить свои мысли сконцентрироваться: – Нужно сообщить нынешнему коменданту Киева, полковнику фон Бодмеру...

Затем она снова потеряла сознание.

Бодмер вошел в Киев во главе своей бригады. Уже долгое время немцы сражались плечом к плечу с украинскими полками, штабы поддерживали постоянный контакт. Обдумывались новые планы крупномасштабного наступления, день и ночь Бодмер с его офицерами сидел над картами, звонили полевые телефоны, стучали пишущие машинки, конные посыльные прибывали и уходили. Он уже давно больше не знал, как выглядит кровать, уже много дней он не мог позаботиться об Алексее. Он знал, что она работала в своем лазарете, и работа была

самым лучшим, что можно было дать этой женщине. Он уже почти боялся еще раз оказаться с нею наедине, как тогда в глухой, ночной комнате в крестьянском доме, где трогательная заветная мечта Алексы проявилась так неприкрыто, как никогда прежде. Вероятно, это мгновение беспомощности было последним случаем для него объясниться ей. Теперь уже было слишком поздно.

Он стоял в середине огромной комнаты, за длинным столом, окруженный его офицерами.

Его команды были четкими, краткими и острыми как нож.

Офицеры, ординарцы приходили и уходили. Никто не обращал внимания на высокого мужчину в меховом тулупе, который открыл дверь и ждал недалеко от стола.

Внезапно полковника прервали.

- Господин командир, сестра Хаберманн просит вас приехать.

Удивленно Бодмер поднял голову. Все присутствующие молчали.

Оба мужчины стояли напротив друг друга. Они не были знакомы, и, все же, каждый из них в этот момент знал, кого он видел перед собой.

- Но я не могу оставить свой пост. Что произошло?

Рапп молчал.

- Где сейчас сестра Хаберманн?

- Фундуклеевская улица, 7.

- Спасибо.

Рапп кратко попрощался и покинул комнату, пройдя мимо молчащих офицеров.

(Фундуклеевская улица в Киеве – сейчас улица Богдана Хмельницкого. – прим. перев.)

Алекса проснулась, когда уже светало. На столе еще лежали остатки трапезы, беспорядочно стояли вокруг стулья в комнате, битком набитой различной одеждой. На стенах висели русские военные шинели, шапки, палаши, револьверы,

снаряженные пулеметные ленты. Плотно спали вповалку просто на полу рядом друг с другом мужчины, женщины и дети. Воздух был душным и влажным.

Перед ее кроватью лежал на полу Рапп и спал. Он накрыл себя своим изношенным тулупом, под головой лежала его меховая шапка.

Алекса тихо поднялась на локте и склонилась над ним. Озабоченно ее глаза скользили по этому худому, истощенному, небритому лицу. Как больно было ей видеть его таким! Это был Ваня, с запутанными длинными нечесаными волосами, грязными, израненными руками, которые держали старое пальто, в дырявых ботинках, к которым прилипли сгустки грязи. Он спал как животное, даже во сне напряженный и настороже, его веки дрожали, над выступающими скулами натянулась кожа.

Это не было сном. Он снова был с ней. Она закрыла глаза и спрятала свое лицо в ладонях.

Дверь тихо заскрипела. Вошел высокий человек в серо-зеленой шинели, в каске, низко натянутой на лоб. Рапп сразу вскочил, тут и там поднялись головы. Все в ту же секунду проснулись, привыкшие к тому, что их всегда окружает подстерегающая опасность. Будто защищая ее, Рапп встал у кровати Алексы.

Чужак снял каску. Рапп узнал Бодмера. Безмолвно они пожали друг другу руки, потом он отошел в сторону и освободил дорогу. Девушка открыла глаза.

- Алекса, – тихо сказал Бодмер, – вы просили меня приехать?

Она смущенно улыбнулась и протянула руку к нему.

- Простите меня. Я вдруг подумала, будто мне конец. Испуг от счастья тоже может убить.

И робким взглядом она скользнула по Раппу, который стоял рядом с другом.

Бодмер смотрел на нее, не отводя глаз. – Может быть, лучше отвезти вас в госпиталь? Чтобы вы там немного отдохнули?

Она покачала головой и снова посмотрела мимо Бодмера на Раппа, который стоял за ним. – Я просто немного слаба, но это скоро пройдет.

Бодмер следовал за ее взглядом. Ничто не выдавало его чувств.

- Это должно быть хорошо, вы понимаете? – сказал он подчеркнуто. – Теперь у вас есть для этого большая причина, чем прежде. Барон Рапп тоже будет ожидать от вас этого.

Он хотел отвернуться и освободить свое место другому, но внезапно Алекса поднялась, схватила его за руку и быстро прикоснулась к ней губами. Эта рука оберегала ее и заботилась о ней в течение долгих лет. Теперь она прощалась с нею.

Между тем другие люди в комнате встали. Алекса внезапно увидела, сколько людей здесь жило, и с удивлением она видела все больше лиц, которые она узнавала, даже под маской усталости и грязи.

Рапп отыскивал своих друзей. Те, которые стояли здесь вокруг, были донскими казаками, добрыми соседями, товарищами по полку, которые прорвались сюда или собрались здесь с фронта, чтобы теперь снова приступить к продвижению на свою родину вместе с немцами. То один, то другой подходил к кровати Александы и пожимал ей руку, здесь была жена генерала Кошкина и поцеловала ее по-матерински в лоб. Она внезапно оказалась среди друзей, которых она вчера вечером не узнала в замешательстве от поразительной встречи.

- Полковник Хоненко! – она услышала звучный голос Бодмера.

- Полковник Бодмер?

Это был Хоненко, элегантный танцор, лихой наездник, который горстями разбрасывал деньги своим казакам, жених прекрасной татарской княжны – теперь неряшливый, в расстегнутой грязной русской рубашке, со спутавшимися волосами, и, все же, его темные глаза еще гордо и повелительно горели на смелом лице.

- Полковник Хоненко, – сказал Бодмер – и они были только лишь два офицера, один немец, другой русский, которые привыкли к тому, что им повинуются. Один, несмотря на свою молодость, был уже командиром бригады, другой – предводителем оборванного, отчаянного добровольческого подразделения. – Согласно распоряжениям наших штабов, мы оба должны послезавтра с нашими частями выступить в поход против угнетателей вашей страны.

- Мне это известно, полковник фон Бодмер, и я этому рад. Для меня будет большой честью сражаться плечом к плечу с вами.

- Вы как самостоятельная часть подчинены моему командованию и получаете приказы непосредственно от штаба.

Хоненко на мгновение задумался, его лицо напряглось. – Так будет хорошо. У вас более строгая дисциплина. Но я должен кое-что сказать вам, уже прямо сейчас, господин полковник. Наша борьба неравна. Вы воюете как солдаты. Мы, русские, убиваем. Для вас Женевская конвенция еще является определяющим правилом. Для нас есть только один единственный принцип: два ока за одно. Не ожидайте никакой милости от казаков. Мы не берем красных бандитов в плен. И они тоже не оставляют наших людей в живых.

- Мы не вмешиваемся в вашу политику, – ответил Бодмер. – Я не принадлежу ни к какой партии, я офицер.

Тут в разговор неожиданно включился Рапп. Он отодвинул Хоненко в сторону. Его глаза сверкали. – Господин полковник, вы, вероятно, правы! – закричал он, и Алекса содрогнулась от этого звука его голоса. – Но у нас забрали все. Плоды трудов наших предков, культурное наследие многих поколений было бессмысленно разрушено. У нас был в сельской местности замок эпохи Екатерины Великой, у нас были картины и книги, из-за которых нам завидовали галереи. У нас были фабрики, пивоварни, где работало более тысячи рабочих. Мы строили школы и больницы, мы давали крестьянам наших племенных быков, чтобы выращивать сильный здоровый скот. Наши лошади были знамениты во всей стране. Знаете ли вы, как все это выглядит сейчас? – Рапп стал белым как снег. – Лишь куча пепла осталась. Скот выгнали и перебили из пулеметов. Рядом с мавзолеем лежали скелеты моих предков, между ними труп моего отца. Труп моей матери достался собакам... Красные сделали это, господин полковник! Для нас осталась только лишь одна мысль: мечь! Мы пришли с фронта, из тыловых районов, из генерального штаба, а я из Сибири, чтобы отомстить, а потом умереть!

- Враги нашей страны, – добавил Хоненко, – сотнями ставят к стенке тех, кто попал к ним в плен. Им недостаточно грабить, все испепелять – все будет уничтожено!

Рапп снова отодвинул Хоненко. Он стоял лицом к лицу с немецким офицером. И на лице его мерцал опасный огонь.

- Полковник Бодмер! Я как немецкий гражданин должен доложить о себе в первой немецкой военной администрации, до которой я доберусь. Я не буду этого делать. Я не думаю об этом. Это дезертирство! Но я не могу иначе. Я не хочу ждать, пока мое заявление о приеме на воинскую службу будет официально

утверждено. Опасность, против которой мы боремся, угрожает не только России, она угрожает уничтожением всему миру. Мы, кто стоим здесь, бросаемся навстречу этой опасности. Наша борьба не знает полумер, она значит в любом случае смерть – для них – или для нас!

Бодмер отвел взгляд от Раппа. – Господа, – сказал он спокойно, – я понимаю вашу позицию, но я только выполняю свой долг.

Теперь он полностью смотрел Раппу в лицо. – Хорошо, что вы полностью понимаете, что значит ваше решение.

На несколько секунд его взгляд удивительно четко воспринял лица этих людей. Он видел в них только единственную волю, решительную до последнего.

Рядом с этими мужчинами стояли, спокойные и уверенные в себе, их женщины.

Бодмер надел каску. Он поднял руку, чтобы отдать честь, и ушел.

Вечером того дня Алекса и Рапп встретились поблизости от госпиталя.

Они шли рядом по переполненным улицам. Он взял ее руку, чтобы в толчее она была очень близко к нему. Он чувствовал тепло ее руки. На небе ветер гнал темные снежные тучи. Напрасно Алекса искала звезду, она показалась бы ей посланником неба над этим несчастным, ищущим и кричащим человеком. Но облака висели тягостно низко над куполами церквей. Они пришли в Купеческий сад, где Алекса сидела когда-то одна и смотрела поверх многочисленных широких рукавов Днепра. Здесь было спокойнее.

На горизонте было видно красное сияние горящего пламени, оно вспыхивало и снова тухло. Там, наверное, горело село. Орудия все еще гремели.

Они оба молчали. Им было нужно так много рассказать и о столь многом спросить друг друга, настолько ужасной, казалось, была между ними пропасть пережитого, что Алекса не знала, как они когда-нибудь снова смогут сблизиться. Они оба стали другими людьми. Беззаботное счастье летнего вечера осталось далеко в прошлом, каждый научился думать только лишь о самом необходимом. И тогда Алекса спросила:

- Если мы через два дня отправимся на фронт – что будет с тобой, Ваня?

- Я подчиняюсь Хоненко. Так я буду в безопасности перед Бодмером, – сказал Рапп кратко.

- Я не думаю, что он прикажет арестовать тебя.

- Это его долг, – ответил он. – Я должен стараться не попадаться ему на глаза.

- Это означает длительную опасность с двух сторон.

Он пожал плечами. – Я тут ничего не могу изменить. Мы не можем ждать. Мы должны действовать!

Он освободил ее руку, застегнул более плотно пояс своего тулупа и засунул руки глубоко в карманы. Она снова увидела жесткие черты вокруг его рта. Теперь он шел быстрее, как будто забыл о женщине рядом с ним.

- Нам не стоит больше говорить об этом, Алекса, – произнес он недружелюбно. – Я не могу иначе. Нас, немцев, прогнали с нашей земли – ну, это было естественно, ведь это была война. Я просидел три года в Сибири – это было необходимо. Но теперь бесценные ценности русской и немецкой культуры бессмысленно уничтожаются в буре революционной смуты, и тут я не могу поступать по-другому... Для меня нет промедлений и сомнений. Есть только одна непреклонная необходимость!

Внезапно он остановился и посмотрел на нее. – Нам нужно расстаться, Алекса. У меня больше нет права приковывать твою судьбу к своей. Ты была моим счастьем, моей прежней жизнью была ты и наша любовь. Это прошло. Настоящее ужасно. Будущего я не знаю. Меня могут однажды казнить как убийцу, у какой-нибудь стенки, как тысячи других. Это будет моим концом и в то же время моим избавлением. Ты – ты больше не должна присоединяться ко мне, отвечать за меня. Ты не должна это делать – тебе нельзя!

Его охватывало все более сильное возбуждение, его голос стал хриплым. Напрасно Алекса искала на его лице знакомые черты. Тогда она схватила его и встряхнула, как будто она хотела вывести его из оцепенения.

- Как ты говоришь со мной, Ваня? Ты до сих пор еще думаешь, что я все еще оберегаемая, тихо ждущая девушка, как перед войной, которая позволяет происходить тому, что другие за нее решают? Я должна только безучастно наблюдать, и потом, когда все закончится хорошо, я тогда смогу гордиться тобой? Кто позволил тебе так низко думать обо мне? Или только у тебя есть право бороться за твое отечество?

Она видела, как напряжение на его лице начало ослабевать, как на нем отважилась появиться первая робкая улыбка. Она не отступала, она боролась за его жизнь и за его душу.

- Разве мы не можем быть товарищами, Ваня? – продолжала она. – Я знаю, сейчас не время говорить о других вещах. Я ничего не хочу от тебя. Но мы боремся не только за нас самих, а за многие тысячи других, чтобы в мире снова была надежда на будущее. Мы не можем быть людьми без будущего – и ты тоже не можешь.

Тогда он резко прижал ее к себе и долго молча держал ее на своей груди. Он чувствовал, как бьется ее сердце, он чувствовал жену, товарища, который хотел быть рядом с ним, и будь что будет.

- Да, будущее должно быть, Алекса..., – сказал он тихо, и глубокое сотрясение прошло по этому сильному, ожесточенному человеку. – Будущее – и надежда!

Затем они вместе шли дальше, рядом, ровным шагом...

На дальнем горизонте все еще занималось зарево пожара.

Гром орудий все еще рокотал в ночи.

Пришел день выступления. Когда Алекса прошлым вечером вошла с Раппом в комнату, в которой она без сознания провела одну ночь, эта комната совершенно преобразилась. Всюду вокруг была военная форма, белье, лежали продукты, патроны, наборные уздечки. Люди приходили и уходили или складывали свои последние пожитки.

Алекса вновь увидела за последние дни много старых друзей, странная судьба свела здесь вместе большинство ее знакомых из Петербурга и с Дона.

В исходном пункте «Белого движения» против «красных» собрались все. Из всей огромной России каждый единомышленник пытался как-нибудь пробиться на Дон и на Украину.

В углу на полу стояла на коленях маленькая, уже больше не молодая женщина и складывала немногочисленные вещи ее мужа в грубо сколоченный ящик – жена генерала Кошкина. Теперь у нее, жизнь которой не знала никакого другого смысла, кроме как оставаться прекрасной и молодой только для своего мужа, были изможденные, огрубевшие грязные руки. На ней было бесформенное и поношенное пальто, подпоясанное кожаным ремнем. Молча она складывала его вещи, которые она, вероятно, давала ему в последний его путь, и не обращала

внимания на шум вокруг. Алекса видела, как ее руки, прикасаясь к этим вещам, мечтали о нем и как ее слезы падали на уздечку и седло.

Недалеко от нее стояла на коленях Оксана в одежде сестры Красного креста и отрывала воротник от своего жалкого зимнего пальто. Она стала женой художника Петро Дорошенко, она давно больше не была избалованной девушкой, которая мечтала о Ривьере и роскоши открытого мира. Петро отправлялся в поход против врага, даже сейчас в марте было еще холодно, и для него этот кусочек меха был более необходим, чем для нее. Больше ей нечего было ему дать.

И всюду женщины, которые возились, складывали вещи, резали хлеб, упаковывали припасы, женщины, которые когда-то были состоятельными, красивыми и ухоженными. Все молчали. Они показались Алексе почти зловещими в этой молчаливой, поспешной, лихорадочной деятельности. Только в их согнувшихся позах, в дрожании их огрубевших, израненных рук можно было увидеть силу, с которой они владели собой, чтобы не заплакать.

Иногда приходил какой-нибудь солдат, говорил с одной из женщин, передавал ей пакет, снова исчезал. Другие таскали при этом новые, теплые военные шинели, сабли, револьверы и патроны.

Также Василь, прежний кучер Раппа, нашелся здесь. Он с сияющим лицом стоял перед Алексой и удерживал обеими руками дымящийся самовар, который он осторожно поставил на свободный край стола.

- Наша барышня снова здесь! – засмеялся он и весело подмигнул Раппу. – И я тоже приобрел новый тулуп, господин барон, теплую шапку, саблю, винтовку, патроны, револьвер. И великолепную лошадь, вы удивитесь. Теперь идите за мной, баня растоплена, офицеры уже там. Все же, вы теперь принадлежите к ним. А за это время барышня может здесь все это упаковать.

Алекса дружески кивнула ему. Ее утешала мысль о том, что верный Василь будет рядом с Раппом. – Пойдемте, господин барон, а то баня снова остынет.

Когда Рапп вернулся, Василь созвал всех на чай. Женщины убрали со стола, принесли и расставили посуду, они сидели на ящиках, чемоданах или стульях вокруг дымящегося самовара, Алекса среди них. Они были как одна большая семья, старые седые офицеры и молодые казаки хорунжие, женщины, девушки и дети. Говорили громко и все одновременно. Также братья Микита и Данило Капнист были здесь. На них все эти огромные беды, кажется, никак не подействовали, их юмор был неистощим, слышался громкий смех, бутылка водки шла по кругу, шумное веселье становилось все сильнее, как будто нужно было что-

то заглушить, как будто нужно было пить, смеяться и кричать, чтобы только не смотреть в печальные глаза женщин.

Вдруг они умолкли. Дверь открылась, появился молодой худой мужчина в меховом пальто. Он сорвал шапку. Блестящие иссиня-черные волосы лежали туго и коротко подстриженные вокруг узкой головы, лицо было бледным и полным дикой мерцающей красоты. Ирина Штрессер! Алекса узнала ее в то же самое мгновение, и «Ирина, иди сюда!» закричали друзья, они завели ее в комнату, пододвинули ей стул. Но она только поблагодарила. – Сейчас я не могу пить, – сказала она, и снова и снова переводила взгляд от Раппа к Алексе и обратно к нему. Потом она выпрямилась, подошла к Алексе и протянула ей руку.

- Я слышала, что ты приехала. И что ты хочешь отправиться с нами. У тебя будет много работы. Будь с ней внимательнее, Ваня, она не такая привычная ко всему, как мы. С этими словами она погладила Алексу по плечу и снова вышла.

- Что это было? – спросил после короткой паузы Хоненко. – Как она выглядит? Я ее едва узнал.

- Оставь ее, – ответил Дорошенко. – Ей не нужно помогать. Она горит желанием отправиться в поход, она не может этого дожидаться. Все эти последние дни она только то и делала, что упражнялась в стрельбе. «Я в Сибири все это забыла», она всегда сетовала.

- Она тоже была в Сибири? – Алекса тихо спросила Раппа.

Он открыто посмотрел ей в лицо. – Да, Алекса, со мной. Три года. Имение ее родителей тоже полностью разрушено. Все зверски убиты. Теперь она стала простым солдатом, как мы все.

Алекса разок робко погладила его руку, потом она встала и продолжила складывать его вещи.

Комната постепенно пустела, женщины возвращались к своей работе, никто не стоял праздно, все знали, что завтра им предстоит выступить очень рано.

Затем наступила последняя ночь под общей крышей.

Уже в пять часов утра лошади остановились перед домом. Один за другим офицеры выходили из двери, окруженные их женами и детьми, и садились в седла.

Алекса держала руку Раппа. С упругой легкостью он сидел в седле своего жеребца. Жена генерала Кошкина стояла рядом с нею. Она видела, как женщина

уткнула свое лицо в колено мужа, видела, как она несколько раз перекрестила его и лошадь.

Оксана держалась прямо рядом со своим мужем, гладила лошадь и смотрела на него важно и молчаливо. Возле Микиты и Данило Капнистов тоже стояли их жены. Одна из них прикусила себе губы до крови. Возле Павло Родзянко ждала его старая мать, но и она тоже не плакала, только ее благословляющая рука дрожала.

Алекса прижала свои губы к руке Раппа и посмотрела ему в глаза.

- Будь осторожен.

Она застыла. Какими смешными были ее слова. Но она не знала никаких других. Слова любви казались ей слишком громкими и слишком страшными.

- Пиши мне, любимая.

- Но куда мне тебе писать...?

- Да, это так... Тогда удачи тебе, береги себя... Прощай...

Поспешно, сама не осознавая этого, она крестила его и лошадь, снова и снова прижималась лицом к его шинели, к его руке.

Губы госпожи Кошкиной начали судорожно вздрагивать, они шептали молитву.

Мужчины поскакали вперед...

Василь и полковник Хоненко, которых никто не провожал, ехали рядом с Раппом.

Спустя несколько мгновений отряд исчез за первым перекрестком.

Алекса пробежала несколько шагов за ними, потом, как будто лишившись рассудка, она побежала в противоположном направлении.

Спешащие люди сталкивались с ней, она в отчаянии отталкивала их в сторону. Маленькие и большие группы конников скакали ей навстречу, она убегала у них с дороги, мужчины ругались ей вслед. Она бежала все дальше, она пыталась обогнать время.

Тут ей встретились несколько немецких офицеров на конях. Среди них полковник Бодмер.

Алекса схватилась за его седло, лошадь остановилась.

Бодмер и девушка не обменялись ни единым словом.

В ее глазах и так было видно все. Страх за любимого человека, ужас и отчаяние от того, что она снова может его потерять – и ее просьба. Эта просьба была настолько велика, что ее нельзя было выразить словами. Его, который командовал войсками, она просила..., чтобы он уберег другого.

Она заметила по его тихой улыбке, что он понял ее и ждал этого прощания. Большого он и не требовал. Он отказался от нее.

Лошади перешли на рысь. Алекса еще видела, как Бодмер надевал перчатки, как он левой рукой бегло прикоснулся к каске и ремешку под подбородком, как взял маленький хлыст в правую руку. Он обратился к одному из своих офицеров, который приложил руку к каске и умчался галопом.

Полковник Бодмер больше не оглядывался.

Перед городом стояли выстроившиеся хорошо организованные воинские части. Чуть в стороне от немецких и русских командиров дивизий и бригад. Звучная команда, и одним движением были сняты стальные каски и шапки. Голос священника позволял расслышать лишь короткие слова молитвы. Снова приказы, зазвучали трубы и литавры, войска выстроились походным строем и медленно пришли в движение.

Авангард скакал впереди, за ним двигалась основная часть армии, за ней следовали с громким визгом и скрипом колес пушки, повозки с боеприпасами и обозы с прочими грузами.

Они проходили по длинному висячему Цепному мосту. Потом лошади и люди превратились в длинную бесцветную змею, которая терялась на совершенно прямой дороге через бескрайний лес, на дороге, по которой уходили навсегда, чтобы не возвращаться.

Беременная Оксана и другие женщины неуверенно и спотыкаясь шли дальше. Они поддерживали друг друга. Маленькая жена генерала Кошкина начинала душераздирающе всхлипывать. Алекса еще слышала сбивчивое бормотание слов, вдали бег лошадей и такты военной музыки, которые доносил ветер из леса.

- Мы их больше никогда не увидим, – произнесла старая мать Родзянко необычно суровым хриплым голосом.

III

То, что пережили Рапп среди казаков Хоненко и Алекса в немецком дивизионном госпитале за несколько следующих недель, было настолько мощным и захватывающим, что все личные чувства были подавлены и вытеснены этим на задний план.

Лихорадочный темп продвижения возрастал все больше. Марш продолжался беспощадно, вплоть до полного изнурения людей и животных. Подстегивающий ритм спешки охватил всех. Эта поспешность стала с начала войны для Алексы чем-то само собой разумеющимся, как и хаотичная жизнь людей, которые ее окружали. Нервы не имели права отказывать – и они не отказывали.

Только когда новый транспорт с ранеными прибывал в лазарет с передовой, ее сердце каждый раз тревожно сжималось на несколько секунд, она спешила вдоль рядов стонущих, истекающих кровью солдат и смотрела каждому в лицо, тревожно ища – и облегченно вздыхая, так как ни Раппа, ни Бодмера среди них не было.

Она порицала саму себя как эгоистку, за то, что ей никак не удавалось забыть о ее собственной судьбе, которая казалась такой маленькой и незначительной рядом с этим общим великим процессом. И, все же, она никак не могла воспрепятствовать тому, что во время работы, когда ее руки механически перевязывали новую рану, она внимательно и тревожно слушала канонаду фронта. Не предназначался ли каждый из этих глухих, грохочущих выстрелов Раппу, не был ли это Бодмер, который – часто на самой передней линии – выстраивал свои войска для новой атаки?

Часто они не виделись много дней. Госпиталь продвигался медленнее, а Рапп всегда был в самых передовых казачьих дозорах. Он выполнял свою клятву: яростная радость жила в нем, почти патологическая страсть выслеживать и уничтожать врага в его самых тайных убежищах. Он стал одним из «белых дьяволов», как скоро стали называть казаков Хоненко повсюду в стране.

Сообщение о вступлении немецких войск и их победоносном продвижении вперед на Украину распространилось с быстротой молнии. По всей стране скапливались дерзкие, всегда беспокойные казаки, и ночью, где-нибудь в стороне от

их станиц, в которые еще сидели большевистские банды, они собирались в свои отряды.

Они отправляли самых мужественных бойцов, чтобы установить связь с соседними станицами. Образы из старого, славного прошлого возникали как живые перед этими людьми. Они видели среди себя гордых атаманов, и Дон, их цель их, казалось, снова воплощал для них вечно страстно желанную свободу. «Поднимайтесь за казачество, за великую волю, за веру православную!» Так звучали призывы атаманов. И сердца казаков снова начинали биться сильнее.

Отовсюду доносились к немцам от восставших казаков призывы о помощи. Станицы начали вооружаться для кровавой борьбы. Часто, когда немцы приближались к новой позиции революционной армии, отряды казаков вдруг неожиданно присоединялись к ним, предоставляли проводников для продвижения по непроходимой территории, включались в их продвижение. Даже без оружия они с беспримерным презрением к смерти атаковали красных, обращали их в бегство, захватывали оружие противника и наступали дальше.

Так началось освобождение Дона и Украины.

Между белыми войсками и повстанцами и рядом с ними шагали и атаковали войска Бодмера. Почти всегда командование дивизии во время боев находилось в стрелковой цепи. К каждому отдельному человеку предъявлялись чудовищно большие требования. Зима в этом году не хотела уходить. Иногда, если местность казалась быстро очищенной от врага, можно было использовать железные дороги. Тогда войска и их штабы грузились на открытые платформы, и под ужасной пургой двигались дальше, на восток, к Дону. В конце апреля авангард приблизился к Азовскому морю, можно было готовиться к штурму Ростова. Здесь сильно закрепились красные. Нужно было ожидать упорного сопротивления.

Потому что враг тоже иногда сражался с ожесточенностью и упорством, граничившим с полным презрением к смерти. Он не ограничивался только открытой борьбой, которая в случае с наскоро собранными толпами из прежних регулярных войск, быстро сформированных рабочих батальонов, китайских «кули» и русских матросов из портов Черного моря и так часто была без единого командования – также он умел использовать средства тайных восстаний, кровавых бунтов, часто в тылу наступающих войск противника. Нередко немецкие войска приходилось отводить с фронта, чтобы подавить внезапно вспыхнувшее восстание в глубоком тылу, несколько раз в тыловых районах происходили неожиданные нападения на малочисленные оккупационные войска, их обозы, их госпитали. В тылу у наступающей армии была не умиротворенная страна, которую

сразу можно было взять под собственное управление, а постоянный очаг волнений.

Чем больше они приближались к Ростову, тем чаще Алекса слышала среди населения немецкую речь. Поселки немцев-колонистов носили такие названия как Хальбштадт, Мариенфельде, Дармштадт. Их встречали там с распростертыми объятиями, также здесь поселения очень сильно пострадали, были бессмысленно сожжены или разрушены снарядами.

В колонии Дармштадт, которую враг покинул после ожесточенного боя, был размещен госпиталь. Только несколько санитаров из сражающихся войск, Алекса и жена генерала Кошкина остались в нем.

До самого вечера все лихорадочно работали. Немецкие колонисты помогали накладывать временные повязки, другие за это время приносили съестные припасы. Последнее, что осталось им, было разделено по-братски. Главный врач приказал класть тяжелораненых в одну из классных комнат маленькой школы.

В десять часов вечера колеса загрохотали по улицам, санитары поспешно подбежали и начали выносить легкораненых и размещать их на повозке. Следующим утром предстояло вывезти остальных.

Затем наступила ночь. На улицах люди, хотя им теперь не угрожала опасность, быстро и боязливо шли у стен домов, чтобы добраться до своих домов, если только те не были сравнены с землей. Они молились, чтобы утро наступило побыстрее. Зловещий грохот пушек снова и снова гремел ночью.

В здании школы еще горел свет. Здесь четыре санитаров сидели вокруг Алексы в свете маленькой чадящей керосиновой лампы, стоящей на полу, и ели свой ужин. На улице патрулировали немногочисленные часовые, были слышны их тяжелые шаги, иногда оклики. И всегда вдали глухой артиллерийский огонь.

Жена генерала Кошкина давала воду стонущему казаку, которому разрывная пуля раскроила тело. Она стояла на коленях рядом с ним и пыталась успокоить его.

- Конечно, я знаю тебя, Грицько, как же я могу тебя не знать, мой дорогой? Ведь ты прошел от начала до конца всю кампанию с моим мужем. Он часто рассказывал мне о тебе. Ведь мы, казаки, все братья и сестры друг другу. И ты тоже выздоровеешь, тебе нужно только дождаться утра. Тогда вернутся санитарные повозки и заберут тебя.

- У меня становится очень темно в глазах... И я уже больше не чувствую боли... Не забывай мою жену, ты же ее знаешь...

Из темноты застонал другой раненый.

Внезапно прозвучали несколько выстрелов. Кто-то крикнул. Снова выстрел, неистовый топот лошадей приближался, колеса завизжали и остановились перед школой.

Санитары обменялись боязливыми взглядами, схватили свои винтовки и стали, защищая раненых, у двери.

Она открылась.

Китайцы, матросы. Потом дверь снова захлопнулась.

- Теперь нас всех перебьют! – закричал один санитар. – Мы должны вызвать помощь! Шульц, у тебя есть еще несколько выстрелов в сигнальной ракетнице!

Другой пробежал мимо Алексы и выпустил сигнальные ракеты через отверстия в пробитой осколками крыше.

В то же самое мгновение дверь снова раскрылась, два человека бросились на землю, застрочил пулемет. Санитары упали сразу. Огонь быстро поднимался вверх по стене, крыша начала гореть.

Госпожа Кошкина прикрывала раненых обеими руками, пытаясь защитить их. Алекса видела, как она с обливающимся кровью лицом закачалась и упала.

С безумными усилиями раненые пытались найти укрытие за разрушенной обстрелами стеной и несколькими кирпичами. Один за другим они гибли под пулеметным огнем.

Алекса прижалась к стене у входной двери. Матросы, за ними несколько китайцев, вошли внутрь. Кто-то схватил ее и вытолкнул наружу.

Снаружи стояли несколько двухколесных пулеметных тачанок и несколько солдат; другие, которые это время занимались грабежами, возвращались со своей добычей. Кровавые руки хватили то винтовку, то жадно кусок хлеба. Чья-то рука коснулась ее лица, ущипнула за нос, дернула за уши и сорвала чепец сестры милосердия. Грубая ругань, ссоры и пререкания! Матрос, который первым проник в хату, дал другому, который трогал Алексу, громкую пощечину и пинок. Затрещали выстрелы, оба мужчины рухнули на землю.

Внезапно она увидела отчетливо и близко другое лицо. Оно было бледным, под кожаной шапкой с советской звездой горели фанатичные глаза. Молча мужчина связал ее и посадил в двухколесную повозку.

Снова люди кричали где-то в темноте. Огонь заметно распространялся. Тогда, заглушая все, загремел чей-то голос: – Белые идут!

Красные поспешили в темноту, прыгнули на лошадей, пришпорили животных изо всех сил и исчезли.

Повозка на бешеной скорости неслась сквозь ночь. Вдали осталась горящая деревня, в свете огней которой люди бегали туда-сюда как живые силуэты.

Неистовая поездка продолжалась прямо через поля, Алекса испытывала невыносимые боли. Наконец, под катящимися колесами появилась проселочная дорога. Мужчина дико стегал лошадей. Она чувствовала горячую пену лошадей на своем лице, ее волосы развевались на ветру, ремни все глубже врезались в ее запястья и руки.

Потом эхо от колес отразилось от ряда домов, и темп лошадей стал медленнее. Дома, углы улицы... двуколка остановилась.

Мужчина развязал ремни. Алекса могла только лишь с трудом удержаться на повозке. Дверь дома раскрылась, вышли несколько матросов, мужчина указал на Алексу, они схватили ее и потащили вверх по широкой, накрытой тяжелыми коврами лестнице. Коридор, тоже устланный коврами, широкие двери, большая комната с французской кроватью, которая была совсем грязной и разорванной. Замок двери защелкнулся за девушкой.

За окнами было светлое, солнечное утро.

Только несколько минут Алекса стояла отсутствующе, потом она начала искать в комнате какое-то оружие, поспешно, дрожа. Но она ничего не нашла. Она подошла к окну. Улица была пуста и окна домов плотно заперты ставнями или без стекол, двери вырваны. На порогах двери большие черные пятна – кровь. Здесь, там, также на широкой площади, на краю которого стояла церковь с несколькими светящимися куполами и крестами, лежали трупы. Не лучше ли ей выброситься из окна? Это был только первый этаж, так что не было бы никакого толку. Она пыталась открыть дверь, но та не поддавалась.

День проходил медленно.

Алекса слышала спешные шаги в доме, проклятия, крики, время от времени звучал выстрел. Со всех сторон приезжали на конях измученные люди, некоторые едва могли держаться в седле. Их головы кровоточили, их руки и ноги, иногда с временно наложенными повязками, слабо свисали рядом со стремянами.

Вечером дверь открылась, и она узнала в вошедшем человеке того самого мужчину, который привез ее сюда. На груди и спине перекрещивались две полные пулеметные ленты, на бедрах висели два револьвера. Мерцающий, полный ненависти взгляд встретил ее. Он приблизился и прикрикнул на нее. Она не понимала его, потому что он говорил на диалекте. Безмолвно и спокойно она стояла перед ним. Снова он закричал, схватил ее за куртку, бросил ее далеко от себя на пол.

Она медленно снова встала. Ее поношенная, короткая куртка, от которой оторвались пуговицы, раскрылась. Она видела с другого конца комнаты, как мужчина приближается, согнувшись, видела мерцающие глаза, грязные руки, на которых были пятна крови. Алекса качалась, все же, когда она закрыла глаза, комиссар схватил ее за волосы и поднял ее. Он снова начал кричать, и когда она все еще молчала, он вытащил револьвер.

- Я немецкая сестра милосердия.

- Немка...? – спросил комиссар хрипло, – не русская?

- Нет.

- Почему тогда в бандах белых убийц?

- Немцы сражались вместе с казаками.

- Послушай, ты! Моего сына ранили белые. Ты его вылечишь. Слышишь!

Револьвер был перед ее лицом. – Вылечишь моего сына! Поэтому ты здесь. Слышала мой приказ, ты?

- Да, я поняла.

- Я приду, – сказал комиссар, спрятал револьвер и быстро вышел из комнаты.

Он вернулся. Он нес на руках потерявшего сознание мальчика, который был замотан в кровавые лоскуты, и осторожно положил его на кровать.

- Ты вылечишь моего сына! – сказал он повелительным тоном. Он принялся рыться в своих карманах, достал маленький кожаный мешочек и засунул его в руку Алексы. – Здесь деньги. Очень много! – прикрикнул он на нее.

- Мне нужны свет, вода, перевязочный материал.

- Что такое? – прорычал мужчина.

- Вода, свет... Лекарства. Девушка показала на свои грязные руки и окровавленные лоскуты паренька.

Комиссар понял. Он взял ее за руку и потащил по коридору в другую комнату.

Это была обшитая серовато-зелеными панелями ванная. Чистые полотенца висели на полках, мыло лежало на полочке. Этот дом, по-видимому, покинули совсем недавно. Мужчина одним движением сорвал со стены шкафчик и передал его Алексе. Она открыла его и кивнула. Черты его лица стали мягче.

- Свет, керосин! Я должна видеть. Я ничего не могу видеть, темно.

Она показала на окно. Он ее не понимал.

В углу смежной комнаты еще горела маленькая масляная лампочка. Она распространяла тихий, мягкий свет и придавала большому помещению вид чего-то уединенного. В таинственном полумраке за лампадой светилось лицо Божьей матери, которая, благословляя, подняла свою руку.

- Что это такое, свет?!

Медленно Алекса подняла руку и, дрожа, показала на образ.

Он открыл дверь настежь и зашел.

Она видела, как он стоял в священном свете лампы. Он поднял правую руку и неосознанно перекрестился. Его рука опустилась, на секунду воцарилась боязливая тишина – потом его рука сжалась в кулак, он сорвал образ и растоптал его.

Мягкий свет лампы погас. Стало темно и зловеще тихо.

В доме кто-то внезапно издал душераздирающий крик, прозвучал выстрел. Комиссар выбежал наружу.

Наконец, он принес керосиновую лампу, свечи, вату, повязки и плохо связанный пакет. Он положил все это на стол.

- Ты работай! Я тебя для сына привез! Здесь все! – сказал он грубо.

Алекса вымыла руки, поискала в шкафчике какие-нибудь медикаменты, нашла маленькую бутылочку с йодом, другую со спиртом и пошла к мальчику.

Это был белокурый, крепкий ребенок. Ему могло быть примерно десять лет. Лицо было перекошено от боли, хотя он все еще был без сознания. Вокруг его живота были намотаны кровавые тряпки.

Она принялась за работу. Комиссар стоял рядом с ней и держал керосиновую лампу. Его глаза были похожи на горящие огни, в то время как его губы снова и снова шептали одни и те же слова: «Белые убийцы».

Алекса помыла умирающего мальчика, прочистила его раны и перевязала.

- Ты будешь богатой... если сделаешь моего сына здоровым... я большой комиссар, богатый комиссар, бриллианты, золото, деньги.

Он подошел к столу, сел, распаковал принесенный пакет и начал есть быстро и жадно. Потом он вышел, не сказав ни слова.

Алекса жадно доела оставшуюся еду.

Из четырех больших окон она пристально всматривалась в ночь. Снаружи лежал мертвый, преисполненный страха город, она долго слышала, как люди быстро приходят и уходят.

По открытой площади, на которой находился дом, двигались разрозненными толпами солдаты и матросы, отряды конников следовали за ними. На заднем плане лежала как призрачная кулиса массивная церковь. Только теперь Алекса обнаружила, что ее привезли в Ростов.

Вдруг она увидела, как темные, боязливые фигуры шли вдоль церкви, в руках крохотные огоньки. Какая-то женщина осторожно прикрывала огонек обеими ладонями. Сегодня была Пасха, праздник прощения и примирения, самый святой праздник в большой верующей России.

Проходящие колонны солдат загорланили, накинулись на людей, пинали их ногами и топтали свечи. Но некоторые все же неуклонно шли дальше, и Алексе показалось, что она даже разглядела среди них священника.

Полновесный глухой удар колокола – еще один – и снова удар – зазвонили звонкие колокола... Церкви звенели...

Внезапно шум на улицах умолк, также в доме стало тихо. Звенели пасхальные колокола...

- Запретить колокольный звон...!

Алекса узнала голос комиссара. Солдаты выбежали из дома на улицу, выстрелы разнеслись над площадью, кричащие люди остались лежать на земле.

Колокола умолкли, но еще долго их звук парил над городом.

Дверь за Алексой с шумом захлопнулась. Комиссар стоял в комнате, через его руку было перекинута мягкое кожаное пальто, в другой руке он держал жареную, еще теплую курицу. Он положил то и другое на стол, безмолвно показал на это, и посмотрел на кровать, где лежал его сын.

- Он снова выздоровеет, ваш сын, он точно будет здоровым, – произнесла Алекса.

Не обронив ни слова, он снова вышел.

Эта ночь никак не хотела кончаться. Страх Алексы и напряжение в ней становились все более невыносимыми. На лестницах и в коридорах дома она слышала, как люди быстро приходили и уходили, громко хлопали двери, звучали резкие приказы.

Она наблюдала за умирающим ребенком и внимательно прислушивалась к грому орудий.

У города стояли белые и готовились к шторму.

В городе были найдены большие запасы водки. Хотя сначала их охраняли трезвенники, но солдаты, чем ближе было утро, опустошали их все больше. Теперь они пьяные валялись тут и там посреди улиц и спали.

На рассвете на вокзале, где были большей частью сконцентрированы главные воинские части красных, абсолютно неожиданно в быстрой последовательности разорвалось несколько снарядов. Началась ужасная паника. Приказы, которые никто не понимал, и которые никто не выполнял, пытались направить красные войска то в северном, то в южном направлении. Казачьи полки, которые еще находились в Ростове, отказывались идти в бой. Комиссары бушевали, но никто

не слушался. Лозунги красных: «Долой командиров! Убивайте их! Да здравствует свобода!» теперь выкрикивались уже в адрес самих комиссаров.

В окрестностях города уже заметили первые тонкие цепи наступающих казаков. С криками «Ура!» они приближались к городу. Все новые снаряды с громким треском взрывались в самых важных местах концентрации красных.

Прямо перед церковью много пьяных кричащих солдат столпилось около двух повозок с боеприпасами. Тут воздух взвыл, люди и животные исчезли в высоком облаке пыли, оглушительный треск заставил землю содрогнуться. Второй, еще более страшный взрыв, как раз перед домом, в котором находилась Алекса.

Воздушная волна отбросила ее к стене, и она упала на пол.

Постепенно она пришла в себя. Снаружи звучали выстрелы, пулемет отчаянно трещал поблизости, время от времени где-то взрывался снаряд.

Когда она снова открыла глаза, кровать с сыном комиссара исчезла. Полстены отсутствовало, через брешь она видела улицу и площадь, которая была завалена бесчисленными погибшими и ранеными.

Поспешно, едва придя в чувство, девушка надела кожаное пальто. Освобождение было близко! Эта мысль заставила ее взбодриться.

Между тем наступающие казаки ворвались в город. Красные пытались организоваться и контратаковать наступающих, но белогвардейцы безжалостно косили из пулеметов их плотные, недисциплинированные и пьяные шеренги.

Броневи́к проехал мимо дома. Яростно лаяли пулеметы.

На обеих сторонах тротуара, осторожно наклонившись и осматриваясь, наступали казаки и время от времени стреляли в окна.

На большой площади с церковью броневик остановился и посылал одну очередь за другой вдоль улиц. Потом он двинулся дальше.

Внезапно Алекса увидела, как казаки в знакомых ей мундирах спешат к дому. Они спешили и ворвались в дом с револьверами и штыками в руках. Спустя несколько минут дверь ее комнаты открылась, вбежали покрытые пылью солдаты, затрещал выстрел. Она почувствовала короткую колющую боль в виске, услышала ругань, закачалась. Чей-то голос выкрикнул имя «Хоненко», потом ее схватили сильными руками.

Павло Родзянко, друг Раппа, склонился над нею. – Кожаное пальто – это для нас комиссар! – сказал он взволнованно.

Иван Хоненко, худой, покрытый толстой коркой пыли, в сапогах, к которым по колено приклеилась липкая грязь, стоял перед нею. Голова была плохо перевязана, кровь медленно текла вниз по щеке, его форма была в крови, рука держала тяжелый «Наган».

- Ты жива...! Мы подоспели вовремя...

Она ничего не могла говорить. Ее губы двигались и шептали слова, которые никто не понимал. Кто-то наскоро перевязал ей голову. Пуля лишь слегка задела висок. Ее вынесли из опустошенной комнаты в прихожую.

Какой-то солдат бежал навстречу им. – Рапп и несколько казаков окружены красными! – закричал он. – Мы должны помочь ему!

Мужчины выбежали из дома. Никто больше не смотрел на Алексу. Они просто бросили ее. Обезумевшая от страха, она побежала за ними.

Козаки запрыгнули в седла и ускакали. Алекса следовала за ними. Она бежала, как будто спасая свою жизнь.

Маленькая площадь, недалеко от церкви. В середине, окруженные ранеными и скрывшись за ними, лежат несколько человек и беспрерывно стреляют. Перед ними расстрелянные и погибшие люди. Новая плотная цепь напирает на этих нескольких солдат.

В этот момент на фланге наступающих за выступом дома залаял пулемет. Из него стреляет один человек в меховом тулупе. Очередь сражает атакующих. Они падают, отступают, снова идут вперед. Они увидели врага, бросаются на землю, начинают стрелять в него.

Пулемет замолкает. Красные атакуют снова.

Теперь несколько казаков тоже залегли на землю рядом с Алексой и стреляют. Отчетливо можно проследить каждый выстрел, так как каждый раз один из нападающих падает. Но они не отступают.

Тут пулемет за углом дома опять начинает трещать. Снова яростное нападение красных останавливается.

Затем вдруг резкий крик «Ура!». Подмога пришла, казаки вырываются вперед, переходят в атаку. Теперь красные сдаются, поднимают руки, бросают винтовки и теснятся в кучу.

Казаки стоят... пулемет непреклонно косит врагов.

Теперь немногочисленные защитники появляются за нагроможденными ранеными. Они выглядят так, как будто бы они вброд перешли реку крови.

Среди них... Ирина Штрессер.

Мужчина в тулупе поднимается из-за стального щитка пулемета. Он стирает с лица кровь. Он серьезен и спокоен. Это Иоганн Рапп.

Его друзья окружают его.

- У вас есть водка, парни? Тащите ее сюда!

Он открывает походную флягу и пьет. – Василь! Иди сюда, дружище. Мне нужны бинты, но только быстро! Снова он стирает с лица кровь.

Он видит Алексу.

Она идет дальше рядом с ним.

Вечером звучит тяжелый, протяжный удар колокола. Второй, третий гремит, и маленькие, звонкие колокола бьют громко и быстро.

От церквей как волна доносится широкий, могущественный звон.

Люди стоят плечом к плечу, поздравляют друг друга с Пасхой, обнимаются, просят о взаимном прощении, стоят на коленях и поют с непокрытыми головами.

«Христос воскрес! Христос воскрес! Воистину воскрес».

Той же ночью Ростов снова боязливо пригибается.

Продвижение белых останавливается. Их силы слишком слабы, чтобы захватить весь город. Он лежит в зловещей, мрачной темноте, в которой непрерывно звучат выстрелы и пулеметные очереди.

Только в единственном окне горит слабый свет.

В этом доме сидят командиры белых.

Они сидят с расслабленными, бледными лицами вокруг маленького стола, на котором стоят несколько свечей, и быстро едят. Они жуют куски ржаного хлеба, курицу, куски мяса, курят, крепче перевязывают себя бинтами. На столе стиля «ампир» со столешницей из отполированного красного дерева стоят стаканы с водкой, лежат разбросанные сигареты, марлевые бинты, револьвер, несколько кусков хлеба и в самом центре шапка Хоненко.

Это бывший дамский салон. Светлый толстый ковер испачкан покрытыми глиной сапогами. Отшлифованные призмы люстры блестят в свете свечей.

- Мы ни в коем случае не сможем удержаться здесь! Это было бы стратегическим безумием! – кричит Иван Хоненко и так бьет кулаком по столу, что стаканы и бутылки, дребезжа, подпрыгивают.

Ротмистр, есаул Алексеев, наклоняется вперед, в руке гусиная ножка. – Мы должны попытаться, – говорит он решительно, – жертвы были слишком велики. Мы просто не можем снова отдать эту часть города!

- Вот именно! – вскакивает другой. – Мы должны попробовать удержаться! – кричит он. – Жители верят в нас, они думают, что мы по численности войск намного превосходим красных. вспомните, как нас встречали. Люди благословляли нас, потому что мы пришли как их спасители. Мы должны выдержать! Такое мое мнение.

Его левый глаз сверкает, правого глаза у него нет – еще не заживший шрам становится темно-красным.

Хоненко бросает быстрый взгляд на Раппа.

Рапп сидит на маленьком стуле стиля «ампир» с тонкими ножками, обитом бледным шелком. Под его большим телом кресло, кажется, готово сломаться в любую минуту. Он сидит спокойно, вытянув ноги вперед, и держит курицу в обеих руках. Голова с пропитанным кровью бинтом остается склоненной. Он слышит все, но он молчит. Возле него на табуретке сидит Алекса. Она уже почти не может держаться прямо.

Внезапно дверь открывается. Василь, в военной шинели, врывается, что-то хочет сказать, но прежде чем он может произнести первое слово, дверь распахивается во второй раз.

- Ваше высокоблагородие! В пригородах красные вооружили фабричных рабочих, и они приближаются сюда! Мы сами это видели.

- Сколько их? – спрашивает генерал коротко и быстро. Тонкое лицо с пенсне на длинном, остром носу остается неподвижным.

- Точно больше пяти тысяч, – следует ответ Василя.

- Значит, – генерал по светлому ковру подходит к столу... – Это подтверждает мое решение.

Перед ним в один ряд стоят его офицеры. Он бегло смотрит на них, переводя взгляд от одного к другому.

- Мы не можем удержаться.

Маленькая пауза – офицеры не двигаются. Их лица становятся еще более напряженными.

- За это время, – продолжает генерал, – генерал Попов придет к нам на помощь.

Он поднимает голову и смотрит в глаза Хоненко. Твердо направив свой взгляд в эти холодные глаза, он говорит дальше.

- Господа! Вам известно, что на нашем правом фланге стоят немецкие войска генерала фон Кнорцера, и что он послал ко мне своего представителя, чтобы предложить свою помощь. Вам всем известно и то, что я отказался принять эту помощь со словами: «Благодарю вас, мы справимся сами». Вы понимаете, что нам хватит честолюбия, чтобы в одиночку справиться с врагами нашей страны! Тем не менее, это честолюбие не должно заходить настолько далеко, чтобы мы бессмысленно ставили на карту жизнь наших людей. Потому мы вынуждены в настоящий момент оставить занятую нами часть города. Мы покидаем Ростов. Мы двинемся к Новочеркасску, попытаемся взять этот город – там перевес красных не так велик – и уже потом снова атакуем Ростов с фланга.

Хоненко отводит свой взгляд от лица генерала. Он видит Раппа, который стоит в стороне, прищурился глазом – Рапп кивает.

Хоненко выпрямляется и выступает вперед.

- Матвей Григорьевич, – говорит он спокойно и серьезно, – я с моими людьми останусь!

- Хорошо, если вы найдете добровольцев!

Василь, который все еще стоит вытянувшись, делает пару шагов мимо генерала и становится рядом с Хоненко. – Я! – говорит он и широко улыбается.

С другой стороны подходит Рапп.

- И помимо них, – говорит Хоненко, – я обещаю еще сто человек!

Генерал крепко хлопает Хоненко по плечу.

- Вы черти! Настоящие белые дьяволы! Храни вас бог, братцы! – он поворачивается к другим офицерам. – Пойдемте!

Уходя, кто-то еще быстро хватается за кусок мяса, ломоть хлеба, другой собирает сигареты и засовывает их в карман. Алексеев еще просит закрепить его перевязь для руки, потом он тоже выходит из комнаты.

Медленно Хоненко хватается за свою шапку, снимает кокарду, и натягивает шапку низко на лицо.

В доме звучат шаги, приказы, выкрики, кто-то где-то ругается.

Командиры и солдаты скачут прочь.

Двери дома остаются широко раскрытыми... свечи погасли...

Белые войска покинули Ростов...

Оставшиеся закрепились в неприметном доме в переулке.

Хоненко, Рапп, Ирина, Василь и несколько других исчезли. Никто больше не заботился об Алексее. Сменив несколько бинтов, она лежит на диване и спит. В городе стало зловеще спокойно. Дом забаррикадируется.

Через несколько часов в удаленном районе страшный взрыв раздается над городом. Небо вспыхивает ярким пламенем.

Не прошло и часа, как в противоположном направлении гремит второй взрыв.

Красные войска маршируют по улицам. Они пьяны, они победили. Внезапно два пулемета начинают стрелять из темноты и косить их ряды. Они откатываются,

бегут, падают. Потом они отчаянно отстреливаются. Горячая, ожесточенная борьба против пулеметов, пока те не умолкают.

Когда красные осторожно приближаются к ним, они находят лишь несколько трупов. Один солдат переворачивает одного из погибших на спину и пристально смотрит в угасшее лицо.

- Эй, Егоров, – кричит он, – узнаешь этого сукиного сына? Микита Капнист, в поместье которого мы работали!

Другой кивает, переворачивает носком сапога другого мертвеца и медленно поднимается снова. – Беляк! – громко говорит он. – В городе наверняка еще остались беляки. Нас всюду обстреливают из засад.

Они сплевывают и, громко ругаясь, идут дальше.

Как в подтверждение их слов воздух вздрагивает от нового взрыва. Сильный пожар зловеще окрашивает низкие тучи в красный цвет.

По улицам трое солдат тянут раненого. Наконец, они достигают дома, в котором не горит свет, и окна которого как черные дыры глядят на улицу. Быстро раскрывается дверь и сразу запирается снова. Прямо за дверью стоит пулемет. Несколько мужчин лежат неподалеку, между ними вспыхивает свеча.

Ирина Штрессер и солдат заносят раненого Хоненко в комнату, в ней, тщательно укрытая, горит керосиновая лампа. Алексу будят, и вот уже она стоит на коленях возле Хоненко и перевязывает ему рану на бедре.

В этом доме прячется около сорока человек. Почти не слышно даже шепота.

Усталый и грязный, лицо в саже, руки черные, шинель наполовину разорванная – с улицы в дом врывается Рапп.

- Хоненко? – спрашивает он одного из солдат у пулемета. Солдат указывает рукой в сторону комнаты. Рапп отодвигает Алексу и встряхивает раненого.

- Иван, нас выдали! Красные движутся к нашему дому. Они точно нас обнаружили. Их несколько сотен, в том числе матросы.

Хоненко собирает свои последние силы.

- Поддержи меня, Ваня! Хватай, Алекса!

Они поднимают его и ведут через комнаты.

В прихожей он просит созвать к себе казаков.

- Братцы! Нас выдали. Красные и матросы скоро будут здесь. Вы знаете, что это значит. Кто из раненых еще может сражаться, должен взять оружие. Проверьте пулеметы, укрепите баррикады у окон и дверей. И еще одно – не забывайте, братцы, что мы все боремся здесь за свободу нашей страны и за наш Дон!

Дом дрожит от их крика. Потом опять угнетающая тишина. Они лежат и напряженно прислушиваются, смотрят, слушают и ждут.

Рапп вылез наружу из слухового окна. Он напряженно следит за улицей.

Ни человека, ни звука, одна только ночь. Это напряжение едва ли можно выдержать.

Хоненко растянулся рядом с пулеметом в прихожей. Время от времени он нетерпеливо хватается за патронную ленту, затвор, гашетку и бросает взгляд на обоих казаков, которые молча сидят на корточках за ним.

Ирина стоит у окна передней комнаты и взвешивает несколько разрывных пуль на ладони.

Алекса прислоняется к стене коридора. На ней кожаное пальто, и она тихо глядит перед собой.

С улицы все еще не доносится ни звука. Они все напряженно слушают, но ничего не слышат.

Светает.

Отчетливо появляются из сумерек дома на противоположной стороне улицы, стекла приобретают светлый блеск.

Затем по дому идет громкий шаг. Ирина Штрессер стоит перед Хоненко.

- Открой, – говорит она коротко, – я хочу посмотреть, что значит эта тишина. Они давно должны были бы быть здесь.

Он молча освобождает ей дорогу. Она перелезает через баррикаду перед пулеметом, быстро открывает входную дверь и идет, глубоко согнувшись, вдоль домашних стен. Ее легкий шаг затихает в зловещей тишине улицы.

Они лежат и ждут.

Внезапно, резко, голос!

- Победа!... Победа!

Какой-то человек бежит вверх по улице. Он поднял обе руки в воздух, машет ими и кричит изо всех сил снова и снова одно только слово: «Победа!»...

Хоненко раскрывает входную дверь. Он стоит свободно и прямо в дверном проеме. Перед ним останавливается мужчина с зияющей раной на искаженном лице. У него остался только один глаз.

- Василь!

- Немцы занимают Ростов! И с ними казаки полковника Туроверова!

Они выбегают из дома. Алекса схватила Раппа за руку. Так он тянет ее за собой. И потом они видят, через две улицы, на рассвете на большой площади перед церковью немецкие войска.

Во главе новой колонны несколько офицеров на конях. В их центре, с ремешком каски под серьезным лицом: полковник Бодмер.

Алекса поднимает руку, она хочет закричать, но не может. Слезы катятся по ее щекам.

Плотно стоя друг с другом, прижатые к домам, жители смотрят на входящих в город солдат. Они плачут и всхлипывают от радости.

IV

- Сестра Алекса! – прокричал женский голос. – Сестра Алекса! – в дверь энергично постучали.

- Да, да, я уже иду. Что-то случилось?

Через открытую щель двери ее коллега увидела мокрое лицо, которое Алекса усердно вытирала серым, жестким полотенцем.

- Поторопитесь, – прошептала она взволнованно, – приехал полковник Бодмер и хочет поговорить с вами.

Она улыбнулась внезапной серьезности на лице Алексы. – Он привез, по-видимому, хорошие новости. Пойдемте!

- Скажите ему, что я сейчас буду. Мне ведь надо хоть как-то принарядиться. Не могу же я идти в отпуск в таком виде.

Уже через несколько минут Алекса стояла перед дверями военного госпиталя на сельской улице. В одной руке она держала потертый маленький чемоданчик, в другой – кожаное пальто. В первый момент ей пришлось закрыть глаза, таким ярким и сияющим был солнечный свет, на который она вышла. Далеко простирался ее взгляд над мерцающей землей. С фронта не было слышно ни выстрела.

Так Алекса ушла в отпуск, который она получила от госпиталя при поддержке Бодмера. Она не выезжала на родину, она должна была просто пройти вдоль этой улицы, выйти из деревни, туда, где на удобных постоях и позициях расположились немецкие войска вместе с казаками – там ее должен был ждать тот единственный человек, к которому она и отправлялась в «отпуск».

Но и здесь, на пыльной, солнечной сельской улице, ее тоже ждал один человек: Бодмер. Она видела, как он задумчиво ходил вперед-назад, каким худым стало его лицо, волосы на висках уже поседели, жесткие складки вокруг рта стали еще тоньше, еще резче. Она не могла сразу подойти к нему. Каждый раз, когда она видела его, ей приходилось сначала преодолевать свою робость, маленькое движение ее совести перед этим человеком, который никогда не говорил ей о своих чувствах, который всегда владел собой, который всегда был там, где он был нужен, и уходил, после того как оказал помощь.

Теперь он заметил ее под выступающей частью здания госпиталя и большими шагами поспешил ей навстречу. Строгие черты лица стали чуть мягче, и взгляд его серых глаз охватил ее. Она почувствовала прикосновение его руки.

- Алекса, я привез вам хорошие новости и, кроме того, телеграмму от вашего отца из Берлина. Он, похоже, всегда торопится.

Улыбаясь, он протянул ей сложенную бумагу.

- Да, он всегда торопится, – ответила она, – и письма идут сюда к нам несколько недель и часто совершают большие скитания.

- Теперь должно быть лучше. Мы достигли предусмотренной верховным командованием границы. Договорились о демаркационной линии с русскими. Теперь

фронт успокоится, и в глубоком тылу и прифронтовых тыловых районах можно будет организовать хоть какой-то порядок.

Алекса прочла телеграмму и рассмеялась: – Вы только посмотрите, что телеграфирует отец! Вы это можете понять?

Он прочитал вполголоса: «Дела идут очень благоприятно. Нуждаюсь в твоей помощи. Ожидаю твоего немедленного возвращения домой. Не возражаю, если Рапп придет с тобой. Все остальное чепуха. Телеграфируй. Отец».

Медленно Бодмер снова сложил бумагу и посмотрел вдаль, прищурив глаза. – Это новая мораль у нас на родине. Дела идут очень благоприятно. А фронт – это чепуха.

Он покачал головой. – Я боюсь, Алекса, что нам, «фронтовым свиньям», придется и на родине наводить порядок.

Они молча шли рядом по деревне. Бодмер глубоко засунул ладони в карманы тужурки, под рукой он нес свой маленький стек.

- И что же вы ответите? – спросил он, наконец.

- Так как ответ уже оплачен, – ответила Алекса, – я отправлю такую телеграмму: «Останусь здесь – или погибну вместе с другими».

- Да..., – произнес Бодмер задумчиво.

- Не беспокойтесь слишком из-за меня, – тихо добавила она. – У вас были какие-то другие известия?

Он стряхнул с себя тяжесть, которая угнетала его, и остановился. – Да, и вы можете сразу же передать эту новость дальше. Барон Рапп больше не должен опасаться ареста. Я вытребовал его себе как самого необходимого человека. Ни один немец не ориентируется здесь в этой местности и не умеет общаться с этим населением так хорошо, как он. Поэтому он будет подчинен непосредственно мне как связной и переводчик, и может рассчитывать на любую помощь немецких административных учреждений. Это было довольно сложно, бумажная волокита, но я с этим справился.

Она увидела его радостные глаза под мягкой армейской фуражкой и положила свою натруженную ладонь на его руку. Там она оставалась долго, и когда он посмотрел на нее со стороны, он увидел, как две слезы медленно катятся по ее щекам.

Где-то в густом кустарнике щебетали птицы. Вечность природы не знала застоя. На лугах перед деревней несколько крестьян широкими, равномерными рядами косили роскошную траву. В стороне от них стояли изголодавшиеся худые коровы и лошади, жадно жевавшие брошенную траву. Июньское солнце горело над землей.

Алекса и Бодмер шли по летним полям. Вдруг она прикрыла глаза рукой и поставила свой маленький чемоданчик в уличную пыль. – Там, в кустах – вы его видите? Он ждет меня.

Она сложила руки воронкой у рта и закричала: – Ваня, иди сюда, хорошие новости!

Бодмер увидел, как Рапп радостно вскочил с камня, на котором сидел, и поспешил навстречу им. На нем был казачий мундир и револьвер на поясе. Лицо его все еще было бледным, но черты лица больше не были такими дикими, как еще месяц назад, когда они прогнали красных из Ростова.

Они пожимают друг другу руки, Алекса хватает Раппа за руку и рассказывает ему новости. Втроем они стоят под теплым, ясным солнцем и – после такого долгого, долгого времени – у них радостное, возвышенное настроение. Рапп глубоко вдыхает теплый воздух, он стоит с широко расставленными ногами, он снял фуражку. Ветер мягко гладит его белокурые волосы.

- Но у меня тоже есть хорошие новости, – смеется он. – Я их сам себе придумал: я хочу заново построить...

- Заново построить, Ваня, что?

- Наше поместье, Алекса!

Они удивляются тому, как он говорит это, это больше не беззаботный парень прежних времен, но человек, который чувствует себя хорошо только тогда, когда он может что-то создавать, может строить, который снова видит мир новыми глазами, как будто проснувшись после глубокого, мучительного сна.

Бодмер первым понимает его, он одобрительно кладет ему руку на плечо. – Великолепная идея! Стройте! Впереди на позициях вы сейчас, собственно, совсем не нужны. Я помогу, чем смогу. Согласны?

Рапп недоверчиво смотрит на него. – Господин полковник...?

- Все вполне естественно. Лишь пару дней назад поступил приказ, что войска должны по возможности сами снабжать себя продовольствием, чтобы все имеющиеся в распоряжении продукты можно было использовать для родины и для Западного фронта. Вы сразу можете выращивать то, что еще возможно в это время года, можете держать скот, снабжать госпиталь свежим молоком и маслом. Я дам вам квалифицированных рабочих из рот ландвера. Эти резервисты будут только рады, если они снова смогут взять в руки топор, мастерок или косу! Мы создадим образцовое хозяйство, всего в тридцати километрах от передовой!

- Полковник Бодмер, – тихо произнес Рапп, – вы даже не знаете, что все это значит для меня!

Он садится прямо там, где стоит, на траву и закрывает лицо руками. Его тело сильно вздрагивает. – Боже мой! Я хочу работать как никогда прежде в жизни, дни и ночи, хочу возделывать свои поля, сеять и собирать урожай. У меня есть необозримая земля, самая великолепная, о которой только можно мечтать; у меня есть женщина, которую больше нигде не найти – и я больше не хочу думать о мести, так как иначе посеянное зерно не принесет больше удачи!

Они оба стоят с двух сторон от него, его женщина и его друг. На каждое из его плеч ложится рука, одна утешающая и глядящая, другая взбадривающая и сильная.

- Когда ты поедешь в имение? – робко спрашивает Алекса.

Он видит ее глаза, которые смотрят на него, полные заботы и любви. – Я уже был там, вчера, и даже впервые поработал лопатой. Это была могила для маленького Мюллера. Теперь он спит в том месте, с которым не хотел расставаться.

Он проводит рукой по лбу, потом внезапно вскакивает. – Конюшни еще частично стоят, с несколькими крепкими парнями я смогу быстро их восстановить... маленький дом для нас обоих – я уже знаю место – я нашел плуг, косу – трава уже высока – если бы у нас было немного скота...

- Реквизируем, – кратко говорит Бодмер. – Вокруг бегают полно бесхозного скота. Нам нужно поскорее браться за работу.

- Полковник Бодмер... неужели все это правда?

- Конечно, и я ваш первый гость!

- И через месяц я отправлю телеграмму в Берлин: «Дела идут благоприятно!» Алекса смеется от радости. Она твердо берет Раппа под руку и прижимает его к себе.

К ним пришла большая надежда.

Два мужчины и между ними женщина идут, счастливо, радостно разговаривая, дальше по полям, над которыми лежат летний жар и благословение нового урожая.

Несколько солдат-резервистов шагали вверх по возвышенности к поместью Раппа. Маленькая скрипучая тележка с одеялами, продуктами и инструментами следовала за ними, а во главе группы шел Василь и показывал дорогу.

Солнце жгло их старые выцветшие фуражки, далеко позади на горизонте лежала тонкая полоса дымки. Там протекал Дон.

- Нас теперь называют немецкими аргонавтами, – заметил, ухмыляясь, один солдат. – В школе я никогда не мог запомнить это название, а теперь оно вдруг пришло мне в голову. Верно говорят: век живи, век учись!

- Ты, германский! – крикнул Василь. – Вот смотри, немецкий флаг, украинский флаг, оба очень хорошо!

И он вбил столб, на котором порхал сине-желтый флажок, в кучку лежащих на земле обломков. Одно лишь небо знало, как он добыл эту тряпицу. Потом он щедро поплевал на ладони и поднял обугленный камень. – Здесь будет много работы.

Его шрам, темная пустая глазница, стал темно-красным.

Они нашли Раппа и Алексу, которые уже несколько дней жили здесь с несколькими крестьянами и казаками. После веселого приветствия они принялись за работу.

День за днем солнце светило теперь с безоблачного неба, как будто бы оно должно было благословить эту работу.

Наступил вечер. В новой конюшне рядом с яслями спали мужчины.

Через открытую дверь проникал терпкий запах свежераспаханной земли, на сине-черном небе мерцали звезды.

Немного в стороне лежали Алекса и Рапп. Он обвил ее рукой, она лежала очень тихо и пыталась в неопределенном свете разглядеть его лицо.

До них доносился храп спящих поблизости мужчин. Время от времени лошадь, которую выделил Бодмер для необходимых перевозок на маленькой повозке, била копытом по стене, шелестела в соломе, терлась о стену конюшни и билась головой. Тогда корова тоже просыпалась, фыркала и сопела в солому. В углу рычали собаки.

- Тише, – шептал Рапп, – спите!

Снова становилось очень тихо, так тихо, что ему казалось, как он слышит бие-ние сердца Алексы в один такт с его сердцем. Он целовал ее, и ее губы под его поцелуями снова становились такими, какими они был раньше, детскими, мягкими и нежными. Так они долго лежали и молчали. И когда он, все же, тихо говорил ей что-то на ухо, чтобы остальные не проснулись, то и это были не слова любви, а надежды на успех их работы и на осуществление их планов.

- Мы можем косить на больших площадях, трава великолепна. Это наш первый урожай. Мы посеем озимые. Как только другой хлев будет готов, Бодмер хочет прислать нам молочных коров.

И этой ночью у него была особенная новость, над которой Алекса сначала даже посмеялась, пока не поняла весь масштаб этого открытия.

- Я кое-что нашел сегодня, когда я в одиночку обследовал засыпанный подвал. Это непостижимо. Весь подвал полон самых великолепных вин. Это тысячи бутылок, старейших урожаяев, старый французский коньяк. Это должны быть десятки тысяч рублей, которые лежат там нетронутыми. У всех землевладельцев были такие винные погреба. Если бы мы могли эти вина продать, у нас сразу были бы деньги на посевное зерно.

- Ты, – воскликнула Алекса тихо и затрясла его за плечи, – это должен сделать мой отец. Ведь у него здесь всюду в округе есть закупщики. Я завтра отправлю ему телеграмму.

- Через один год, Алекса, мы продвинемся гораздо дальше. Тогда будет мир, и мы останемся здесь навсегда.

Они вздрогнули. Собаки внезапно вскочили, залаяли, и выбежали наружу.

Спящие мужчины, с давних пор привыкшие к постоянной готовности, вскочили и схватились за оружие. Рапп был уже снаружи, в руке заряженный револьвер. Алекса тоже выбежала за ним.

Между развалинами дворовых ворот, на расстоянии броска камня, стоял маленький мужчина. Несмотря на летнюю жару, он был в овчинном тулупе, а в руке держал палку, как все пастухи в этих местах. Собаки с лаем окружили его. Рапп через освещенный луной двор быстро подошел к нему. – Отец Михаил! – услышала вдруг Алекса его голос, увидела, как он обнял мужчину в овчинном тулупе и потащил за собой. Теперь они стояли перед нею.

- Это отец Михаил, наш старый коневод, – объяснил Рапп. Старик безмолвно вглядывался в них, потом он долгим печальным взглядом охватил руины и новую временно построенную конюшню. Его морщинистое лицо было обезображено глубокими шрамами от обморожения.

- Теперь Ваня, я останусь у тебя, – сказал старик, – и я буду служить тебе верой и правдой, как я служил твоему покойному отцу.

Когда она засыпала, Алекса видела, как старый калмык в его бесформенной шубе и Ваня сидят у входа конюшни на земле и тихо разговаривают.

Когда наступило утро, Рапп спал рядом с нею. Однако старик исчез, как привидение ночью.

И снова наступила одна ночь, в которой лаяли собаки и мужчины хватались за оружие и выбегали на улицу. Отчетливо можно было слышать топот множества лошадиных копыт. Далеко над степью, мерцая в лунном свете, поднималось и быстро приближалось облако пыли.

- Красные! – крикнул Василь. – Красная кавалерия в тылу немецкого фронта!

Они рассыпались в цепь, винтовки наизготовку, патроны удобно положили рядом с собой. Пулемет был установлен на позиции. Убранные кучи камней давали хорошее укрытие. Облако пыли становилось все ближе, теперь можно было уже отличить отдельных лошадей. Их было около пятидесяти. Молча лежала стрелковая цепь.

Василь лежал на животе за брешью в стене. Даже с одним глазом он все еще был хорошим стрелком. Рядом с ним лежал Рапп и напряженно смотрел вперед. Внезапно он немного поднялся на колени, пододвинулся к плечу Василя.

- Эй, Василь, – зашептал он, – у лошадей нет всадников.

Василь внимательно посмотрел, потом перекрестился. – Боже, спаси и сохрани... Лошади без всадников... Привидения...

- Вздор! – громко крикнул Рапп и вскочил. – Никакие это не привидения! Отец Михаил сдержал свое обещание!

Он как сумасшедший выбежал за стену и начал изо всех сил кричать и махать винтовкой: – Это едет отец Михаил! Не стреляйте! Он обещал мне, что поймает для нас лошадей, теперь он приехал!

Когда Алекса искала своего Ваню, ей представилась странная картина. Вне себя от радости, Рапп обнимал старого калмыка в шрамах, хлопал его по завшивленному тулупу, тряс за плечи, и за ними один к одному толпилось стадо лошадей, ржало, било копытами, чуяло конюшню и теснило обоих мужчин все дальше вперед, ближе к конюшне.

- Теперь я привел тебе также несколько лошадей, Ваня, – смеялся старик своим беззубым ртом. – Они бегут за мной как собаки, они еще знают меня. Наша Алкмена, кобыла, тоже здесь. Это моя самая большая радость. У одних лошадей раны от пуль, другие хромают, они истощены и запуганы, но я об этом позабочусь. Пока лето, они все могут жить под открытым небом. У тебя тут достаточно корма. Все остальное можешь предоставить мне.

Следующим днем было воскресенье, незабываемый день радости. Теперь они явно видели, как их работа принимала более прочный вид, сопровождалась все большим успехом. Это был здоровый оптимизм, воодушевлявший всех.

«Немец снова строит!» Эта весть быстро разлетелась по опустошенной земле. Несколько крестьян, изгнанных красными, снова с воодушевлением вернулись назад. Они привели с собой тот скот, который они смогли спасти. Всюду усердные руки занимались строительством новой жизни.

«Немцы помогают», говорили повсюду, «немцы больше не пустят красных в страну!»

День ото дня «белые» организации крепили с помощью немцев. Уверенность и надежда на скорую окончательную победу оживляли фронт и тыл.

Алекса и Рапп скакали верхом, впервые снова на своей земле.

- Ты еще знаешь, Алекса, как тогда...

- Да! И теперь мы начали с новой жизни, ты и я. О том, что с нами было, мы скоро забудем. Мы молоды и здоровы, перед нами лежит будущее.

Она видела, как он прикрывал глаза от солнца ладонью и смотрел на сверкающий, горячий жар утра. Его лицо уже несколько утратило свое напряженное выражение. Он смотрел на свои поля. Наверное, он грезил о посеве, вероятно, даже уже о колышущихся ветром нивах следующего года, о янтарном, светящемся и шумящем на ветру море. Она думала о своей первой поездке, как он озорно пел песню с Василем под ритм неистовой тройки, пока она не могла насмотреться на него и на эту землю.

Рапп взглянул на нее и подскочил поближе к ней.

- Давай теперь спешимся, Ваня, как тогда, ты еще помнишь...?

Они лежали рядом и смотрели в вечность лазурного неба. Величие и вечность божественного творения были так отчетливы, и воспоминания об их собственном горе последних лет были настолько близки, что они вместе искали убежище. Так они лежали вместе – довольно долго.

Судьба соединила их тогда, думал Рапп, потом опять грубо разлучила – теперь они снова были вместе. Но надолго ли? Близкий фронт застыл, лишь время от времени, как будто бы противники при случае хотели напомнить о себе, орудия на короткое время принимались грохотать. Белые вооружались: дальнейшее продвижение вперед, полное уничтожение большевизма и взятие обеих столиц России были их целью и их надеждой. Но смогут ли они это сделать?

- О чем ты думаешь, Ваня?

- Ах, девочка моя, – вздохнул он и еще крепче обнял ее. Потом он начал быстро ее целовать, и гладил шершавой рукой ее лоб, щеки, волосы. Его взгляд внезапно стал нервным. – У нас все еще нет мира. Это очень плохо, ты знаешь?

Он видел, как его возбуждение передалось Алексе. – Прости, дорогая, это, наверное, неблагоприятно и грубо – но скоро я больше не выдержу этой неопределенности. Осенью, если до тех пор не наступит мир... Мы снова пойдем на фронт.

Она только кивала.

- До тех пор, до осени, Ваня, дорогой, кто тогда еще будет думать о войне? – сказала она через некоторое время. – Мы спросим Бодмера. Пошли, поскачем им навстречу, они собирались сегодня приехать. Теперь ты хочешь видеть все в

мрачном свете и пророчить беды? Нет, Ваня, больше этого не будет! Или ты думаешь, что война действительно уничтожит всех людей? Или ты все еще не знаешь, что я очень умна? Если будет мир, я построю нам обоим Ноев ковчег. И тогда...

Она на мгновение мечтательно посмотрела вперед, и на ее губах заиграла нежная улыбка.

- Если бы у меня не было тебя, Алекса, я уже давно бы сгинул.

- Вот видишь, Ваня, – шутила она, – только одно это уже достаточная причина для радости!

Он целовал ее с горячей, усиливающейся страстью, как будто бы она была самой жизнью, к которой он теперь начал испытывать ответную любовь.

Внезапно, сразу за изгибом леса, послышалось приближение нескольких всадников.

- Бодмер и его люди! – крикнула Алекса и вскочила. Рапп легко поднял ее в седло. Она поскакала галопом, и он поспешил за нею.

- Но, господа офицеры! – засмеялась Алекса и подала мужчинам руку. – Так просто в рубашках в украинской степи, без касок и фуражек?

Бодмер, заметно довольный настроением девушки, объяснил: – Сегодня мы все приехали сюда в частном порядке, строго как частные лица. И этот господин там, – он показал на дородного, вспотевшего мужчину, который прискакал самым последним и с довольно несчастным видом неумело сидел на своей лошади, – это уполномоченный вашего отца.

- Я ношу нередкое дворянское имя Август Майер, – представился толстяк и протянул руку Алексе и Раппу.

Адъютант Бодмера молодой офицер Эберсбах наклонился к Алексе и заметил вполголоса: – У нас в гребном клубе таких людей всегда называли кильсонами. Они только балласт.

Алекса не могла не засмеяться, но господин Майер, который, похоже, услышал это замечание, вовсе не обиделся, а даже развеселился. Он подъехал поближе к Раппу.

- Я хотел сказать вам, господин барон, что я приехал к вам, чтобы посмотреть ваш винный погреб. Господин коммерции советник Хаберманн дал мне полномочия все проверить и...

- Давайте поговорим об этом позже, – прервал его Рапп. – На это у нас еще есть время. Я рад, что вы приехали. Все произошло исключительно быстро.

- Полковник Бодмер оказал мне любезность... Вы можете, вероятно, уже теперь намекнуть мне...

Весело болтая, они ехали дальше, последним в кавалькаде снова был Майер, который опять страшно потел и жаловался на непривычную для него физическую активность.

Тенистая березовая аллея с ее густыми кронами, в ее конце белый домик. Радостные слова приветствия, шутки, рукопожатия, приветливое похлопывание по плечу.

Под старыми деревьями стоит большой, грубо сколоченный стол, вокруг него стулья и скамьи. Куры и гуси с любопытством смотрят на гостей, корова мычит в близлежащем хлеву, несколько лошадей ржут на пастбище, голуби воркуют и взлетают вверх как светлое облако. Вскоре несколько повозок скрипят плохо смазанными колесами и останавливаются перед домиком.

- Ах! – восклицает лейтенант Эберсбах. – Приехала наша посуда. Теперь скоро будет и кое-что поесть.

Все удивленно переглядываются.

- Давайте, Эберсбах, – Бодмер слегка подталкивает юношу. – Я как старший по званию уполномочиваю вас говорить от нашего имени. Но с некоторым воодушевлением!

Эберсбах откашливается, щелкает каблуками и говорит:

- Господин полковник, дорогие товарищи, глубокоуважаемые дамы – собственно, только одна дама, – поправляется он со смехом, – наша дорогая сестра Алекса и барон Рапп! Если говорить кратко: Как знак того, что мы о тебе думали, мы кое-что тебе принесли. Я уже закончил. Можно распаковывать. Но, господа, не толпитесь. Каждый по очереди!

Брезент срывается. Алекса и Рапп ошеломлены.

- Пожалуйста, это посуда, о которой как раз говорилось, – и Эберсбах делает рукой жест, полный гордости испанского гранда. – А вот оконное стекло, лопаты, тяпки, кувшины, горшки и так далее, все, в чем нуждается начинающий землевладелец. На каждом из предметов лежат наши самые искренние добрые пожелания.

Стало очень тихо. Рапп тер себе глаза кулаком. Василь, который стоял рядом с ним, несколько раз перекрестился.

Затем Алекса принесла скатерть из крестьянского полотна. Сидящие за столом мужчины умолкли. Почти смущенно они помогли ей разгладить полотнище на столе. Рапп смотрел вдаль.

- Что вы думаете о военной ситуации, дорогой Бодмер? – спросила Алекса неожиданно. – Может ли у нас скоро быть мир? Или... или, что должно быть теперь?

- Это вопрос, на который трудно ответить, – медленно отвечал Бодмер. – В Архангельске, на Мурманском фронте, под главным командованием английского генерала Пула, стоят теперь англичане, американцы, французы, поляки и итальянцы. На востоке белыми и их союзниками командует адмирал Александр Колчак. Финляндия была освобождена с помощью немецких войск. От всего пятидесяти километров перед Петербургом вниз до самого Кавказа лежит прочный кордон армий Центральных держав. Англия больше не может опередить Германию в Петербурге. Красное правительство, кажется, потеряло голову. В Москве уже подумывают об эвакуации города.

- Но какая с этого польза, пока мы не перейдем в наступление! – резко прервал его Рапп. – Единство европейских держав только мнимое. Теперь, когда необходимо нанести красной России смертельный удар, они начинают торговаться, все по принципу: «Требовать слишком мало – это лень». Результат: положение становится все больше запутанным, продвижение останавливается, и никто не знает, кто друг, а кто враг.

- Да, – подтвердил Бодмер, – это верно. Они даже сейчас часто уклоняются от военной поддержки. Поражение одного вызывает радость у другого.

- И в русских «белых» тылах положение такое же. Рапп громко ударил кулаком по столу. – Одни хотят единую и неделимую Россию, другие свободную и независимую Украину, у третьих есть «дальновидный план и единственная правильная программа» – и все это в то время, когда фронт непрерывно требует новых жертв.

- Все это – желанная находка для большевиков. Как раз теперь и нужно было бы затянуть петлю! – Эберсбах громко и страстно включился в беседу с этими словами.

- Великие державы, по-видимому, не знают, какую опасность означает большевизм для всего мира, – добавил Рапп.

Бодмер встал. Он быстро пригладил правой рукой поседевшие волосы. Алекса увидела, как черты его лица стали жесткими и угловатыми. – До сих пор только армии Центральных держав могли сдерживать большевизм... и я боюсь того, что этот фронт до самого конца останется единственным бастионом для защиты всей гнилой Европы.

Алекса все еще смотрела на Бодмера, даже тогда, когда он уже молчал. Ее друг и защитник – он был так одинок.

Было бабье лето 1918 года.

Сияющее, теплое солнце раскинуло свои светлые лучи над многочисленными сверкающими колокольнями и крестами Кремля. Издалека видно было это великолепное сияние, которое веками означало незабываемый символ христианской веры для огромной России. Москва, Кремль, плотно зажатые в его массивных стенах роскошные церкви и многовековые соборы величайшего совершенства, рядом с ними дворцы царского абсолютизма – «Матушка Москва», «Матушка Россия» – символы великого прошлого и силы.

Также сегодня сверкают позолоченные купола и кресты Кремля. В сиянии этого прошлого лежит все высокомерие прошедших лет.

Автомобиль подпрыгивает по грубой, шероховатой булыжной мостовой – народный комиссар Лев Троцкий!

В первый раз я в Москве как свободный человек, думает он. Тогда, холодной зимой 1898 – 1899 года, я шесть месяцев просидел в башне Бутырской тюрьмы.

«Боже, царя храни!»

Внезапно взгляд его поднимается вверх. Медленно и осторожно древний колокольный звон на Спасской башне играет царский гимн.

«Царский гимн», думает Троцкий, «Царь-пушка» на Николаевской площади, «Царь-колокол», огромный по размеру, угрожающий уже одной своей массой, незабываемый даже теперь! Тяжелое московское варварство смотрит из жерла

огромной пушки, и самый могущественный колокол империи олицетворяет его. Этого больше не должно быть, это те воспоминания, символы, понятия, которые совсем не утратили свое значение. Их нужно уничтожить!

Автомобиль стоит перед сводчатым туннелем Спасской церкви. Войдя туда, комиссар видит древнюю, поблекшую икону; толстое стекло разбито и «вечный свет» лампы погас. Но над башней все равно все еще красуется могущественный царский орел. В широких крыльях он держит скипетр и державу.

Нужно установить там серп и молот, чтобы смена эпохи отчетливо заявляла о себе также с высоты Спасской башни, недовольно думает Троцкий.

Машина останавливается перед Кавалерским домом. Весь нижний этаж перестроен для нужд комиссариата. Длинный коридор, справа и слева от него находятся жилые и производственные помещения.

В столовой ждет Ленин, в его монгольских глазах блестит беспокойство. Наконец-то Троцкий приехал!

- Вы заметили старого Ступишина? – спрашивает Троцкий неожиданно.

- Как можно его не заметить? – отвечает Ленин с мягкой иронией.

Ступишин, старик, когда-то всемогущий глава всей дворцовой прислуги, служил уже нескольким царям. Его гладко выбритое лицо было скучным, индифферентным, он был человеком долга. Он все еще неумоимо прокрадывался по коридорам, поправлял кресла, вытирал пыль и, кажется, еще отчетливо воплощал в себе осязаемый дух и атмосферу старого режима. Он и другие воспринимали новых властителей обеспокоенно. Режим во дворцах был строг, вроде крепостничества. Всегда служба передавалась от отца к старшему, самому сильному сыну. Теперь Ступишин, ужас всех лакеев, был подобен тени. Неслышно он расставлял роскошные тарелки перед комиссарами, его морщинистые руки правильно поворачивали посуду – двуглавый орел на краю тарелки все еще должен был быть прямо в центре перед гостем. Вероятно, в голове этого старика еще звучали эхом громкие слова Ленина: «К прошлому возврата не будет», да, вероятно...

- Общее сопротивление нашему переезду из Петрограда в Москву все еще очень сильное, – начинает Троцкий.

- И какое впечатление у петроградских рабочих?

- Плохое. Утверждают, что мы собираемся отдать Петроград врагу.

- Смешно, – отвечает Ленин коротко. – Это мера предосторожности не только для нашего правительства, но и для Петрограда. Немцы могут в любой день занять столицу, или Антанта. Они хотят захватить и нас в свои руки. Так, однако... совсем другое дело захватить голодающую столицу без правительства.

На серебряных тарелках на стол подают красную кетовую икру. Неслышно старые, обученные слуги скользят по помещению.

- С этой постоянной икрой в моей памяти всегда будут связаны первые революционные годы, – иронично говорит Троцкий.

- У меня то же самое, – отвечает Ленин. – Только красная икра есть в изобилии. Экспорт совершенно отсутствует.

В дорогом блюде на стол подается жидкий суп. На дне хрустит песок. Солонина, гречневая крупа с шелухой, также полная песка – меню красных правителей.

Кремль с его средневековой крепостной стеной, его церквями, крестами и дворцами – теперь крепость революционного пролетариата, крепость Советов, народных комиссаров – также воистину причудливый парадокс.

Парадный зал, древняя дубовая внутренняя обшивка, полированная до блеска мебель из карельской березы, над камином изящные маленькие часы с Амуром и Психеей. Запах многовекового барства исходит из каждого кресла, каждого угла и каждой укромности дворца – навстречу Ленину и Троцкому.

- А что делает бронепоезд председателя Революционного Военного Совета? – спрашивает Ленин.

- Мой поезд?... Он готов к отправлению, – сразу отвечает Троцкий. – В некоторые мгновения у меня было такое чувство, как будто бы все должно было рассыпаться, и как будто бы не было совсем ничего, за что можно было бы зацепиться. Система железных дорог в полном беспорядке. Государственный аппарат едва ли в процессе становления. Всюду, повсюду гноятся заговоры. Составление такого поезда..., – Троцкий улыбается. – Не хватает всего. Самая простая работа стала трудной импровизацией. Все же, теперь все готово, все!

- Мы не можем терять времени, товарищ Троцкий. Враги могут задушить нас каждый день...

Маленькие часы над выступающим камином бьют с изящным звуком. Грациозно двигаются несколько секунд фигурки Амура и Психеи. Потом серебряный, напевный звук снова умолкает.

Ленин и Троцкий переглядываются, как будто бы они поймали себя на одной и той же мысли. Из угла их снова и снова скрыто подслушивает прошлое.

«Вы не ожидали нас! Но уже ничего не поделаешь, Амур и Психея! Привыкайте. А мы приучим окружающее к нам!»

Медленно и осторожно колокола на Спасской башне играют «Интернационал». С могущественного царского орла удалена золотая блестящая корона; скоро там будут блистать серп и молот – видимый знак смены эпох...

Народный комиссар Троцкий все понял. Он спешит на машине к вокзалу, к своему бронепоезду, к нападению.

Вокзал перекрыт и тщательно оцеплен. Перед поездом председателя Реввоенсовета стоят триста молодых большевиков в черных кожаных куртках, на груди и спине, а также вокруг бедер у них полные пулеметные ленты, на боку армейские револьверы, на черных меховых шапках красные советские звезды. На левом рукаве ниже плеча у них прикреплен большой металлический знак, который был вычеканен на монетном дворе и вызывал в армии большое восхищение, а также зависть.

Тридцать больших бронированных пульмановских спальных вагонов, бронированные паровозы стоят на рельсах.

Прочный цемент новой армии, думает Троцкий, это идеи Октябрьской революции, и теперь именно этот бронепоезд должен укрепить все фронты.

На каждом из тридцати вагонов есть собственные пулеметы, которые установлены за бронированными стенами. На поезде есть радиостанция с приемником и передатчиком, с помощью специальной поднимаемой антенны можно слушать примерно сорок станций, Науэн, Эйфелеву башню и, естественно, также Москву. Поезд будет знать все, что происходит в мире. Типография для печатания призывов, прокламаций, газет, для передачи всех важных сообщений и приказов есть на поезде. Большие запасы станковых пулеметов и боеприпасов, специальные вагоны для тысяч литров бензина. Автомобили, на которых можно проехать сотню километров от поезда, чтобы добраться до труднодостижимого фронта. Грузовики, которые могут доставить небольшую группу лучших стрелков из числа фанатичных большевиков и с ними пулеметы на тот участок фронта, где врагу удался прорыв. Сапоги, кожаные куртки, полевые бинокли, библиотека, своя электрическая станция и баня тоже имеются в наличии.

Этот поезд определил историю большевизма.

Медленно он приходит в движение. Хвостовой сигнальный фонарь заднего локомотива, который полным ходом помогает переднему, выскальзывает из крытого перрона вокзала, и звездной ночью, где-то далеко вдали этот печально знаменитый бронепоезд теряется из виду.

Чего он хотел на многих, удаленных друг от друга фронтах?

Он хотел только победы!

Он хотел уничтожения всего национального движения!

Естественно, непосредственные потребности армий были гораздо больше, чем запасы поезда, даже если их постоянно пополняли, но настоящая его помощь состояла в подстегивании красных войск. Поезд был независимым целым. Он мог связать фронт с прифронтовым тылом, и со скоростью более восьмидесяти километров в час он преодолевал огромные расстояния, координируя в самый решительный момент действия отдаленных друг от друга армий и фронтов. У него были неограниченные полномочия, он тотчас выяснял самые важные вопросы, выносил решающие приговоры, у него было право приказывать, помогать, хвалить, награждать и расстреливать.

«Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести человеческие массы на смерть, не имея смертной казни в арсенале командования», эти слова создал Троцкий для своего бронепоезда. И на самом деле эти триста большевиков применялись всюду, где, казалось, уже не было спасения, где красные войска отступали перед врагом и больше не могли собраться. Эти мужчины в черных кожаных куртках были фанатичными и безжалостными, они сами не щадили своей жизни, они умирали с полным воодушевлением, однако они так же безжалостно гнали на смерть других.

Бронепоезд стал самой важной составной частью Красной армии. Бесчисленные коммунисты были готовы на все, чтобы только служить за этими знаменитыми бронированными стенами.

Уже скоро ненависть врага преследовала его. Много покушений было совершенно, казаки окружали его, артиллерия обстреливала его, враждебные руки повреждали рельсы, минировали пути, самолеты преследовали его и осыпали его бомбами.

Этот поезд прошел двести тысяч километров, тысячи километров промчался вперед один из двух его паровозов с безотлагательными сообщениями, тысячи и тысячи километров прошли также его автомобили.

Судьбе было угодно, чтобы этот бронепоезд сотни раз оказывался как бы последней, решающей лопатой угля, которая в подходящее мгновение могла снова разжечь в полную силу уже почти угасший огонь.

Теперь этот поезд снова направляется навстречу фронту.

V

Ноябрь 1918 года.

Фронт стал беспокойнее. Все еще глубокий клин немецких войск и донских казаков лежал угрожающе на южном фланге противника, выдвинувшись далеко, за Дон, почти до Волги. Но дальше наступление не продвинулось.

Красные воспользовались передышкой, которую дали им разногласия европейских держав и различных группировок в стане белых. Они как будто из ниоткуда сформировали и укомплектовали новые войска и спешно бросили их, хорошо снабженные, на фронт.

Предвещающее беду свинцовое небо низко опустилось над степью. Застывший фронт терялся в меланхоличной дали.

Орудия молчали, мокрые и холодные стояли они на своих скрытых позициях, солдаты мерзли, лошади голодали, и скучивались все более плотно.

Только глаза дозорных, стереотрубы, оптические прицелы снайперов наблюдали неумолимо день и ночь.

От морозного воздуха веяло свежестью.

Одиноко в степи, как будто бы она поссорилась с близкой деревней и отделилась от ее общины, стояла хата-мазанка. Перед дверью стояли часовые и прикрывали руками лица от резкого ветра.

В большом низком помещении немецкие и русские офицеры сидели за очищенными щеткой столами. У окна играли в карты и шахматы. Один молодой лейтенант читал письмо, другой смотрел, погружившись в мысли, на запотевшие стекла и рисовал на них букву, снова и снова одну и ту же букву. Откуда-то доносилась игра на губной гармошке.

Иван Хоненко сидел рядом с Павло Родзянко у раскаленной буржуйки, широкая труба которой, собранная из маленьких кусков, проходила по всей комнате.

Хоненко устало смотрел вперед. Лицо его стало спокойнее, его форма, зеленая русская гимнастерка, бриджи, высокие сапоги были чистыми и ухоженными. Седые волосы были тщательно причесаны. Тонкие руки играли с серебряным портсигаром.

- Я никогда не забуду, – тихо говорил он, – что рассказывала мне Алекса – как красные расстреляли жену генерала Кошкина вместе с ранеными. И, все же, судьба была к ней добра. Той же ночью ее муж погиб рядом со мной. Выстрел в голову. Мгновенная смерть. Ты помнишь, Павло? Мы атаковали село, в котором Кошкин родился... У них был чудесный брак. Во время ее последнего прощания, когда он, генерал, в первый раз без лошади, стоял в одной шеренге с солдатами, он говорил ей: «Я всегда думаю о твоих глазах, Маруся. Я все еще вижу тебя маленькой девушкой-институткой». Как счастливо тогда улыбалась ему его жена!

Хоненко посмотрел на стену, на которой висели шинели, сабли, шапки и каски. – Наш круг становится все меньше...

- Слышишь, Иван, – Павло положил товарищу руку на плечо и говорил тихо. – Ирина Штрессер в последние дни страшно свирепствовала. Из пленных, которых захватили мы, русские, никто больше не остался в живых. Можем ли мы допускать это?

Хоненко ответил спокойно и невозмутимо: – Вспомни, что сделали с ее семьей. От такого я и сам бы обезумел.

- Но все же! – громко возразил Родзянко. Он встал и прислонился к стене. – Из боеприпасов, которые она бросила мне во время последнего, маленького боя, у меня еще осталось несколько патронов.

Он вытащил один из кармана. – Здесь, кончик обломан, видишь? А других патронов у нее вообще не было.

- Павло, будь справедлив! Не делали ли бы и мы то же самое? После всего, что причинили нам и нашим близким? Красные достаточно часто стреляют даже разрывными пулями «дум-дум». Кроме того, я больше не считаю Ирину здоровой. Взгляни! Разве здоровая, нормальная женщина выглядит так?

Ирина сидела на скамейке, прислонившись к стене, руки в карманах ее изношенных армейских брюк, длинные ноги в высоких сапогах закинута одна на другую. С боку на шее военная гимнастерка была расстегнута, из нее выглядывало основание ее маленькой груди.

Тонкая голова, по-солдатски коротко подстриженные черные волосы, неподвижный взгляд, все это делало из этой женщины трагическую фигуру.

Она полностью была погружена в свои мысли.

- Кобура ее «Нагана» даже не застегнута. У меня часто бывает такое ощущение, что она однажды и нас тоже застрелит из револьвера.

- Давай лучше оставим ее в покое!

- Когда-то пуля настигнет и ее. Или ты думаешь, что она сможет вновь вернуться к нормальной жизни?

Хоненко покачал головой. – Уже несколько последних дней она находится на самой передовой линии. Она делает самые дерзкие рейды, люди часто отказываются идти с нею. Тогда она совсем одна целыми днями бродит по ту сторону фронта в тылу у красных, с советской кокардой на фуражке, с заряженным револьвером в кармане. И она возвращается невредимой, как будто она заключила договор с дьяволом.

- Белые дьяволы – так нас всех называют, – мрачно произнес Родзянко. – Есть один человек, который, вероятно, смог бы ей помочь.

- Ты имеешь в виду Раппа? Она больше ничего не хочет знать о нем. Когда он начал работать в своем имении, она крикнула ему, что он трус, что он забыл о своем долге перед своими друзьями! Ей тоже предложили восстановить поместье ее родителей, но она резко отказалась. До тех пор пока еще жив хоть один красный, она поклялась, что не прикаснется к плугу.

- Возможно, она даже виновата в том, что Рапп теперь лежит в лазарете.

Хоненко пожал плечами. – На нее больше ни за что нельзя возлагать ответственность. Посмотрите, все же, на нее.

Мужчины снова взглянули на Ирину, которая, кажется, не слышала ни слова из того, о чем говорилось вокруг нее. Глаза ее были наполовину закрытыми, как будто бы она погрузилась в мечты.

Несколько дней назад, когда Рапп возвратился на фронт, Ирина захотела с дозором провести рейд в тыл врага. Там через реку шел мост, по которому, как было слышно, непрерывно катились эшелоны. Наблюдатели сообщали о прибытии подкреплений в последние дни.

- Я взорву мост, – сказала Ирина, – даже если мне придется сделать это в одиночку.

Тогда Рапп и Василь пошли с ней. В глазах Ирины мерцал опасный огонь, она едва могла дождаться часа, когда они на рассвете отправились в путь.

Мост был взорван. Но на обратном пути пуля попала в Раппа. Огнестрельное ранение в живот. Приложив все свои силы, Ирина и Василь смогли дотащить раненого в свой тыл. Ирина была невредима как всегда.

Теперь Рапп лежал на маленьком перевязочном пункте. Он пока что был нетранспортабелен, и Алекса заботилась о нем. Ирина, казалось, ничего больше не знала обо всем этом.

- Мы все еще утратим разум, – тихо сказал Хоненко. – Посмотри на Дорошенко, как он сидит и рисует. Всегда одно и то же. Либо один и тот же степной мотив, а именно место, в котором мы играли детьми, либо его мертвую Оксану с ребенком на руках. Он изображает ее как Мать Божью.

Петро Дорошенко сидел в ободранном кресле, и перед ним лежала грязная тетрадь. В углу рта он держал давно погасшую сигарету, волосы были тщательно причесаны, глаза пристально смотрели на бумагу, и его рука медленно скользила по листу, как будто бы она была абсолютно оторвана от тела.

На этой руке было только два пальца.

- Мы все знаем, как он взорвал склады боеприпасов в ближнем тылу красных. Оксана подарила ему железный крест. Теперь он стал неуязвимым для смерти. «Только когда красные будут изгнаны, только тогда я умру», так он говорил.

- Ну, друзья мои, – спросил Данило Капнист, – что это у вас тут за военный совет? Может я смогу помочь вам?

Он сел на пол и нерасторопно зажег левой рукой сигарету. Его правая рука была ампутирована до самого плеча. – К Рождеству, – сказал он уверенно, – мы все будем в Москве. Я даже уже хотел написать письмо моему портному. Жив ли он еще? Наверное, он теперь шьет форму для красных...

Родзянко хлопнул его по плечу. – Это начнется скоро. Мы должны двинуться на север. И у нас есть теперь полно патронов и снарядов?

- Я уверен, что немцы нанесут удар по Петербургу из Пскова. Там всего лишь пятьдесят километров. И в Петербурге нас ждут уже давно! Братцы! Дорогие мои! Как же зазвенят тогда наши колокола над всей Россией!

В печной трубе начал тихо выть ветер.

Пригнув голову в каске к шее лошади, всадник несется вперед под свинцовым небом. Копыта глухо барабанят по степной земле. Со звоном ломается лед примерзших луж. Перед покрытым дымкой горизонтом, поддвигающимися снежными тучами человек и лошадь неистово мчатся вперед как летучая тень.

Адъютант...

- Шах! – обер-лейтенант Унгер довольно прислонился к стене.

- Мат! – ответил Родзянко.

- Черт, вы все же выиграли!

Хоненко, который наблюдал за играющими, рассмеялся над разочарованным лицом Унгера.

Часы на стене одинокой хаты спешно прокашляли четыре раза. Унгер сдвинул шахматные фигуры на доске, вытащил портсигар из сумки и предложил другим сигареты.

Вокруг стола стояли немецкие офицеры и склонились над большой топографической картой. Полковник фон Бодмер карандашом отчетливо нарисовал крест. – И здесь граница, – сказал он и повернулся. – Скажите, дорогой полковник Хоненко, где находится, собственно, граница вашей казачьей империи? Сдается мне, что мы уже давно перешли ее.

- Граница нашей земли всегда там, где находится лука седла... Где мы – казаки, там также и граница.

- Итак, Москва?

- Так хочет Бог, да, – серьезно ответил Хоненко.

- Товарищи! На Москву! – закричал Унгер.

Бодмер сел на скамейку рядом с Хоненко.

Подрумяненные лица резко выделялись на фоне покрашенной в белый цвет стены; в чертах их лиц было странное сходство. Оба мужчины худые и высокие, оба в одинаковой позе, руки в карманах брюк, ноги вытянуты вперед. И как в светлых, так и в темных глазах одна и та же глубокая серьезность. Превосходство, чувство ответственности и смелость, которая стала естественной.

Два офицера...

- Из тыла все чаще приходят сообщения, что у ваших вождей возникает все больше разногласий, – горько сказал Бодмер. – А ведь как раз в этот час они все должны были бы как никогда прежде объединиться, когда речь идет о спасении собственного народа.

Хоненко молчал довольно долго. В помещении стало очень тихо. Немцы и русские внимательно смотрели на своих командиров, только Дорошенко тихо рисовал, наклонив грустное лицо низко к свету.

- К сожалению, вы правы, – ответил, наконец, Хоненко. Его голос звучал сурово. – Не красные погубят нас, а тылы. Не нижние, а верхние слои предали царя, не фронтовые офицеры, а «тыловые герои». Большинство генералов хотят прийти к власти, каждый хочет чего-то особенного, все считают себя патриотами, и при этом в России были лишь единицы сознательных патриотов. Они не знают народной общности, как мы, казаки. Мы – только один народ и одна станция.

При последних словах Родзянко встал и стал рядом с Хоненко. Другие русские тоже подошли поближе.

С другой стороны Бодмер переводил свой испытующий взгляд с одного человека на другого. Он заговорил очень спокойно.

- Между странами Антанты точно такие же расхождения во мнениях. Никогда еще политическое положение не было таким запутанным, как сейчас, как раз когда нужно открыто заявить о своей позиции и принять решительные меры.

- Поэтому мы также и не смогли выиграть войну! – закричал Родзянко взволнованно. – Хотят ли, например, англичане все еще нашей победы? Это неизбежно вызвало бы разъяснение положения на Дальнем Востоке, и Дарданеллы были бы нашими. У нас был бы свободный выход в Средиземное море, и мы этим угрожали бы Англии. Англичане никогда не допустят этого! А Франция? А английские и французские банки? Наши деньги, которые мы должны были зани-

мать у союзников, и мы теперь должны им? Мы, русские, танцуем так, как это нравится месье Фошу и компании.

- Наша страна погибнет от большой болтовни, – добавил печально Хоненко.

- Это правильное выражение! Ирина внимательно следила за беседой, теперь она вскочила и с горящими глазами стояла перед столом. – До тех пор пока весь Юг России не встанет как один человек, и не будет сражаться с красными, мы, русские, без немецкого содействия никогда не сможем рассчитывать на успех нашей борьбы.

- И что, по вашему мнению, является итогом «Белого движения», полковник Хоненко? – спросил Бодмер.

Хоненко четко ответил: – Я верю в Бога! Я верю, что всемогущий, не допустит победу зла над добром. Это смысл его законов. Я верю! Я твердо верю в то, что правда и чистота победят! Вероятно, не сейчас, – сказал он тише, – да и что значат уже наша жизнь и наше желание по сравнению со временем, однако, позже, так, как мы все каждый день испытываем чудо утренней зари... Да, я верю в Бога!

Всадник появляется из бесконечности степи. Теперь он достигает первых домов села. Эхо от быстрых ударов копыт отражается от низких стен хат, так подстегивая, что немецкие солдаты, которые спокойно отдыхают здесь, и крестьяне внезапно пугаются.

Ветер ворвался в село. На несколько секунд адъютант приподнимается.

Последние дома пролетают мимо. Ледяной северо-восточный ветер атакует его сбоку. Пена изо рта лошади летит ему в лицо. Как кошка он снова съеживается всем телом, прижимает голову к мокрой от пота шее животного и мчит к одинокой хате. Перед двумя часовыми он останавливает лошадь, спрыгивает из седла.

- Полковник Бодмер?!

Часовые вытягивается по стойке «смирно». – Слушаюсь, господин оберлейтенант!

У мужчины красное лицо с почти застывшими от холода чертами – он с трудом находит в себе силы, чтобы открыть дверь.

Маленькая, темная прихожая жарко натоплена. Обер-лейтенант Эберсбах пару раз глубоко вдыхает тепло, он трет себя по лицу, стягивает рукавицы и растирает окоченевшие пальцы.

Радостные, громкие голоса звучат из соседней комнаты. Данило Капнист прогнал хмурое настроение и вновь рассмешил всех. Он стоит в середине комнаты и рассказывает анекдот о том, сколько может выпить поп. Он выпятил живот и говорит низким гортанным голосом, подражая попу.

- Один человек как-то пришел к батюшке и спрашивает: – Сколько водки вы можете выпить, ваше преподобие? – Утром или вечером? – Утром. – Трезвым или после завтрака? – После завтрака. – Один или в компании? – В компании. – А за мой или за чужой счет? – За чужой счет. – Тогда, – говорит поп с сияющей улыбкой, – и глаза Данило превращаются в маленькие, хитро усмехающиеся щелочки, выпяченный живот качается от хорошего настроения, – ну, тогда я могу выпить просто бесконечно много.

Шумный смех звучит навстречу обер-лейтенанту Эберсбаха, который в этот момент открывает дверь.

В сумерках и в густом табачном дыму лица кажутся размытыми. Внезапно никто больше не говорит, только часы тикают дальше.

- Господин полковник! – говорит адъютант. Он стоит стройный и прямой на темном фоне прихожей, его молодое лицо чрезвычайно серьезно.

Бодмер, медленно облокотившись, встает со скамьи и проходит мимо молчащих офицеров. Молчание подавляет всех в комнате.

- Прошу! – Бодмер указывает на дверь, которая закрывается за ними.

Молчание продолжается.

Немецкие офицеры переглядываются. Один едва заметно пожимает плечами и наталкивается, когда он отворачивается, на внимательный взгляд Ирины Штрессер. Ирина прислоняется к краю стола, и она удивительно бледна.

Тихие шаги ступают по комнате... Немцы собираются ближе. Они стоят всего лишь в паре шагов от русских, и, все же, они внезапно кажутся далеко разделенными.

Ирина Штрессер смотрит на Хоненко. Он тоже молчит, как и его земляки. Он смотрит из окна на широкую степь, которая простирается до далекого горизонта. Его глаза немного зажмурены и колючи, но в них нет ни печали, ни страха.

На стене идут часы. Из помятого корпуса доносится их хриплый и каркающий звук. Время ползет дальше.

- Полковник Хоненко! – резкий голос Бодмера неожиданно врывается в тихое помещение. – Прошу вас ко мне для совещания!

Иван Хоненко встает. Несколькими жестами поправляет свою поношенную форму. Он выходит.

В прихожей адъютант прислоняется к печи.

Комната, в которую Бодмер входит первым, маленькая, почти пустая. Прямо у окна стоят стол и два стула. На столе лежат бумаги.

Бодмер не садится, он останавливается у окна, спиной к комнате.

- В Берлине произошла революция, – начинает он резко. – Собрана директория под председательством Фридриха Эберта. В городах, гарнизонах, в тыловых районах уже созданы солдатские и рабочие советы. Сегодня я получил дополнительные сообщения об этом – больше того, – он жестикулирует и несдержанно бьет кулаком по столу, – я получил приказы!

Хоненко не двигается, он не может разглядеть лицо немецкого полковника в темноте.

- Вот! – кричит Бодмер. Он поднимает бумаги вверх и бьет ими по столешнице. – Вы знаете, что это такое? Это...

Новый удар кулаком сопровождает каждое слово.

- Приказ об отходе!

Кулак раскрывается. Бодмер медлительным движением засовывает руки в карманы и снова поворачивается к окну.

Снаружи, над степью, ветер утих.

Теперь начнется снег.

- Хоненко... Отход немецких войск по всему фронту!

Внезапно его голос замолкает, он не может говорить дальше и прижимает лоб к окну.

В этот момент Иван Хоненко не чувствует ничего, кроме бесконечной боли всего его народа.

Медленно он поднимает руку и крестится.

- Антанта требует от немцев, среди прочего, отмены Брестского мира, требует возврата уже уплаченной нам красным правительством контрибуции в размере трехсот двадцати миллионов рублей. Она требует, не называя точного срока, вывода всех наших войск из России до нашей государственной границы 1914 года. Но это, тем не менее, только тогда, – говорит он с особым подчеркиванием и снова оборачивается к Хоненко, – если войска Антанты займут проведенную нами линию фронта.

- А вы верите в это? – спрашивает Хоненко горько.

- Нет, полковник Хоненко, я в это не верю! И сегодня я узнал из одного очень хорошо информированного источника, что русская общественность не верит в занятие оккупированных нами в настоящее время областей войсками русских союзников. Отовсюду, из Украины, Крыма, юга России, из неофициально правящих и политических групп потоком текут бесчисленные просьбы к союзникам об интервенции. Но до сих пор войска Антанты заняли только портовые города. Никаких признаков их дальнейшего продвижения не видно.

Они молчат.

- Это все, – говорит, наконец, Бодмер.

- ... и это значит..., – Хоненко говорит эти слова почти шепотом, – что мы, немногие, которые еще будут бороться против превосходящих сил красных, обречены на смерть.

Он идет к выходу, останавливается, немного выпрямляется, потом он распахивает дверь, проходит через прихожую и открывает вторую дверь.

- Братцы!

Русские офицеры сразу поднимаются. Они тихо подходят к нему и группируются вокруг него.

- Немецкие войска только что получили приказ оставить свои позиции и двигаться на родину. Пока что мы должны молчать об этом. Нельзя передавать дальше никаких приказов! Это ясно? Мы будем и дальше оставаться на занятых позициях!

Головы мужчин опускаются, их руки совершают крестное знамение.

- Обер-лейтенант Эберсбах! – Бодмер стоит на пороге двери. – Сегодня в шесть часов вечера я прошу всех господ офицеров прибыть на совещание.

- Слушаюсь, господин полковник!

С серьезными озабоченными лицами немцы приближаются к их русским боевым товарищам.

Бодмер быстро уходит обратно в прихожую, надевает тулуп и каску, застегивает ремешок на подбородке, затягивает ремень и незаметно покидает хату.

Он шел и шел. Через лужи и грязь. Туда, где еще стреляли и сражались. Он пришел на резервную позицию. Солдаты встали по стойке «смирно». Он поднял руку к каске, каждое приветствие было для него тягостным. Солдаты видели его лицо, слышали жесткий шаг, внезапно замолкали и смотрели вопросительно. Их полковник никогда еще не проходил так мимо них. Их взгляды долго следовали за ним.

Он шел дальше.

Темнота быстро усиливалась.

Он знал здесь каждый клочок земли, каждую воронку от снаряда...

Мы вынуждены вернуться, думал Бодмер, потому что тыл рухнул. Революция! Почему? Сейчас, когда мы стоим перед поворотным моментом?

Перед его глазами возникло и исчезло много картин сражений – жизнь в траншеях – взгляд на часы перед атакой – товарищи, которые жили вокруг него, страдали, надеялись и умирали. Он очень отчетливо видел их перед собой, как они держали в руках фотографии своих родных, писали прощальные письма, держались, месяцы и годы, непреклонно, отчаянно, твердо, верные самим себе, этому отечеству...

Что теперь? Что теперь будет? Что ожидает нас всех в этом отечестве?

Шальная пуля прожужжала мимо. Он яростно сжал кулаки. Не был ли это знак?

- Полковник! – услышал он внезапно очень близко. Он посмотрел вверх. Он пришел к полевому караулу.

Вокруг него были усталые, серьезные лица. Он смотрел на своих товарищей, и они внимательно вглядывались в жесткое и сдержанное лицо их полковника. Его рука твердо легла на плечи одного старого солдата.

- Ладно, ладно, – возразил он глухим голосом, когда мужчина встал навтыжку. Ему было почти стыдно перед его седыми солдатами, этими мужчинами, у которых самих были взрослые сыновья на фронте. Неужели все жертвы были напрасны?

- Что стряслось у полковника...? Они пожимали плечами и смотрели ему вслед, когда он пошел дальше к наполовину разрушенной снарядами хате.

Рапп приходил в себя. Он испытывал безумные боли и мерз. Хуже всего мучила его жажда, но он ничего не мог пить. Он в основном не желал себе ничего другого, кроме как снова очень мягко свалиться в новое бессознательное состояние полузабытья, стоило ему только очнуться.

Капитан Минссен, который лежал за ним у стены, беспокойно шевелился. С утра у него был сильный жар. Это при каждом огнестрельном ранении в живот, которое не могло быть сразу прооперировано, означало конец. Рапп это знал. Здесь никого не оперировали, их только смогли дотащить до этого места, чтобы у них была крыша над головой в этом разрушенном домике. Теперь он сам ждал этого жара.

Рапп пытался повернуть голову, чтобы что-то разглядеть. Было чертовски темно, через маленькие окна пробивался серый свет. Это могла быть вторая половина дня. Если бы только не эта жажда! Они все страдали от нее.

- Алекса, шептал он.

- Сестра несет воду, – отчетливо ответил лейтенант Ленц, – у нашего фенриха было кровоизлияние, теперь он больше не движется. Похоже, ему конец.

- Вы знаете, что там с русским?

- Понятия не имею. Он, кажется, снова потерял сознание. Можно даже позавидовать, тогда, по крайней мере, не чувствуешь ничего. Единственный глоток воды был бы избавлением.

Рапп молчал.

- Эй, – сказал Ленц, – почему вы не отвечаете? Он тяжело дышал. Рапп не мог ответить, он снова впал в полузабытье.

Кто-то кашлял, другой стонал взволнованные, ужасные слова. Снаружи донесся крик, внезапно вдали затарахтел пулемет.

Все время Рапп видел освещенные солнцем, колышущиеся от ветра нивы – степь простиралась – пятно пестрых цветов. Тогда внезапно, совсем близко перед ним... серьезное лицо под стальной каской.

Это лицо не исчезало; оно рассматривало его.

- Бодмер? Теперь Рапп снова очнулся.

Бодмер поднялся. – Больно? – спросил он.

Рапп молчал. Что-то должно было произойти, что-то исключительное. Они также в последнее время избегали видаться больше, чем это было необходимо.

- Где сестра Алекса? – Бодмер сказал как нечто совершенно естественное.

Как из пола поднялась черная стена. Рапп застонал. За этой чернотой отзвучал вопрос; полковник исчез и с ним вся комната.

Бодмер склонился над лежащим без сознания человеком, он несколько секунд внимательно рассматривал впалое лицо с резкими опускающимися вниз углами рта, светлой щетиной и закрытыми веками... затем он медленно отвернулся.

В темноте он едва ли мог что-то разглядеть. Его ноги осторожно скользили по земле. Он склонился над следующей постелью, еще над одной. Там лежал русский и бредил, капитан Минссен тяжело хрипел.

Когда Бодмер подошел к постели Ленца, он нашел его тоже без сознания – за это время тот легко ушел от боли в забвение.

Наконец, Бодмер склонился над кроватью в углу и замер на месте. Молодой фенрих показывал ему, светло сверкая из темноты, свое застывшее, мертвое лицо. Над худым, едва накрытым телом распространялись большие темные пятна. Одна рука лежала мирно вытянутая на груди.

В этот момент заскрипела дверь – луч света мелькнул над землей, осветил солону, постели, бледные лица, потом конус света попал на Бодмера. Он поднялся.

- Кто там? – спросил он ослепленный. Свет стоял на месте.

- Бодмер? – прошептал голос Алексы. Она поставила фонарь на пол и отставила в сторону ведро с водой. Бодмер приблизился к ней.

Освещенное снизу, ее лицо казалось странно бледным и полным страха.

Сверхъестественно большая тень его фигуры заполнила хату.

- Алекса!

Она должна была напрячься, чтобы понять его.

- Я пришел из-за вас.

Она вздохнула. Ему на одно мгновение показалось, что он заметил почти нежную улыбку, которая сделала ее строгий рот более мягким. Ему было тяжело говорить.

- Нет никакой возможности вывезти отсюда людей?

- Почему? – спросила она испуганно.

- Нельзя оставлять их слишком долго в зоне обстрелов вражеской артиллерии, – ответил он уклончиво.

- Мы будем наступать? Она говорила так же тихо, как он.

- Нет! Рапп выполнил свое задание, когда он с баронессой взорвал мост. Снабжение красных перерезано.

Она стояла совсем тихо.

- Так что же? – спросила она торопливо. – Что случилось? Ведь вы же не пришли бы без причины...?

Она взглянула на Раппа.

Бодмер сделал глубокий вдох. – Мы получили..., – он быстро оглянулся в сторону стонущего Минссена – – приказ на отход. В Германии революция.

С невыразимо безнадежным движением Алекса подняла руку и сняла чепчик.

- Значит, все зря? – спросила она беззвучно. – Все, что мы делали... четыре года... все было напрасно? Она схватила его за руку, как будто хотела убедиться, что это действительно был Бодмер.

- Ни один отдельный человек сегодня еще не может это оценить, – сказал он уклончиво. – Для каждого, кто был на фронте, это, естественно, удар в лицо.

- А мы?

Она опустила голову, так что он больше не мог разглядеть выражение ее лица. – Войска должны будут оставить свои позиции?

- Да. Приготовления нужно начать безотлагательно.

- Это невозможно! Ведь это же означает победу красных!

- Я должен повиноваться, – четко произнес он. – За мной стоит моя бригада, мои солдаты, мои офицеры. Я должен вернуть их на родину. Нас отделяет от Германии более двух тысяч километров.

- А белые, те немногие мужчины, с которыми мы неделями сражались плечом к плечу? Что будет с ними?

- Я не могу и не имею права не подчиниться приказу, Алекса! Да и разве мои солдаты заслужили того, чтобы тоже погибнуть в русском хаосе?

- Тогда уходите.

- Что это значит?

- То, что я остаюсь!

Он стал совсем бледным.

- Русские войска обречены на гибель! У них нет боеприпасов, снабжения. Они совсем одиноки; они измотаны после четыре с половиной лет войны. Я не преувеличиваю, Алекса! Это только лишь вопрос времени. Они проиграют.

Он вздрогнул от чудовищности своих собственных слов. – Смелость этих людей... Он замолк. – Им можно простить все, все!

- Но как же я могу уйти, – спросила она, – от него? Ее тонкое лицо грустно улыбалось.

Его взгляд долго охватывал всю ее фигуру. Руки в толстых, оборванных рукавицах, тяжелый овчинный тулуп, блеклая от вечных стирок юбка, бесформенные сапоги.

- Простите, Алекса.

- Я понимаю – вы хотели спасти из этих шести обреченных на смерть, по крайней мере, меня.

Снаружи все умолкло.

- Я должен идти, Алекса, – прошептал Бодмер. – Я хочу попрощаться с этими людьми.

Он повернулся, переступил через фонарь в темноту комнаты.

- На русском все еще его форма?

- Да.

- Он должен получить другую форму, немецкую. Красные тогда, вероятно, пощадят его.

- Этих людей нельзя поднимать.

- Тогда пойдем, мы, по крайней мере, накроем его немецкой военной шинелью.

Они осторожно накрывали раненых теплее и покрыли также русского немецкой шинелью.

Бодмер снял свою меховую шубу. Он встал на колени рядом с Раппом и осторожно закутал его в нее.

- Холодно, – бормотал он.

Как будто прощаясь, его рука скользнула по Иоганну Раппу.

Он подошел к стене и накрыл шинелью мертвого фенриха.

Снаружи была ночь.

- Идет снег, – тихо сказал Бодмер, как будто его голос мог еще отсюда помешать сну его товарищей.

Он встал навтыжку перед девушкой как перед наивысшим начальником, затем повернулся, и темнота сразу проглотила его высокую фигуру.

Алекса осталась в огромном одиночестве начинающейся пурги.

Тем же вечером командиры русских частей собрались на совещание.

- Братцы! – старый генерал посмотрел на серьезные лица своих товарищей. – Мы должны удержать наш фронт. По крайней мере, еще несколько дней. Каждый из вас знает, что мы здесь находимся на самой передовой позиции. Каждый знает, что ожидает отходящие немецкие войска в наших тылах и во всем их хаосе. Мы считаем нашим долгом дать немцам возможность организованной эвакуации. Особенное внимание уделяйте перебежчикам, красные никоим образом не должны узнать, что немцы нас оставляют. Кроме того, у нас остается несколько немецких тяжелораненых!

Ирина Штрессер отошла прочь от группы, подошла к стене, надела свою военную шинель, туго охватила ее ремнем на талии, вытащила из кармана советскую кокарду и нацепила ее на шапку. Затем она взяла свой револьвер, собрала разбросанные по столу патроны, рассовала их по карманам, натянула шапку набекрень, как носили красные, и подошла к двери.

- Ирина...? Могу я спросить, куда вы идете? – внезапно спросил генерал. Все товарищи посмотрели на нее.

- На фронт.

Дверь за нею захлопнулась.

Совсем близко от полуразрушенной обстрелами хаты, в которой лежал Рапп и другие раненые солдаты, Ирина нерешительно остановилась. Но потом она твердо сжала револьвер в кармане. Она пошла дальше, не простившись.

Этой ночью уже прошел снег. Рассвет поднимался над землей.

Она добралась до самых передовых постов. Там она легла на землю, кивнула Василию, который узнал ее, и поползла в сторону красных.

Потом наступил день.

Как белое море лежала степь. Ветер ревел.

В плотной вьюге двигались, согнувшись, серые солдатские колонны. Их шаг был нетверд. Они устали, но они почувствовали это только теперь, потому что перед ними лежал белый, бесконечный путь на родину.

- Руки вверх, собака! Руки вверх! – рычал Василь изо всех сил на красногвардейца, которого он уже душил за шею.

- Василь, – прохрипел другой с налившимся кровью лицом. – Василь! – он высоко поднял руку.

- Ваше высокоблагородие!... Полковник Капнист, – заикался казак. – Ради Бога, я действительно не узнал вас. Да и как я мог? У вас на шапке красная звезда.

Справа и слева сбегались часовые.

- Братцы, – Данило Капнист начал левой рукой приводить в порядок свою форму, – у нас будет спокойно еще много дней. Где полковник Хоненко?

- Он у правой сотни. Да вот как раз он идет...

Хоненко сердито приблизился. – Что за крик? Капнист, брат! Что там на другой стороне?

- Гляди, Иван, какой толк еще может быть от калеки! У меня был самый большой успех у красных. Советская звезда на шапке, только одна рука и куча ругани в адрес белых. Ах, какой все же наивный наш народ, доверчивый, какой глупый и поддающийся подстрекательству. Красные вовсе не такие уж красные, и если не считать китайцев, то эти парни там хотят только мира. Но вот комиссары!

Хоненко вытащил фляжку. – Вот, давай, выпей глоток водки. В степи стало чертовски холодно.

Они сидели рядом в снегу. Данило опустил руку с фляжкой и смотрел в одну точку. Он трясся, будто мерз.

- Иван! Сотни красных лежат отравленные на Зеленом холме. Это ужасно – сотни – с искаженными лицами, открытыми ртами, судорожно сжатыми конечностями. – Ирина Штрессер лежит в центре среди них. Теперь я нашел ее.

Хоненко держался очень прямо.

- Ты знаешь, что она сделала? Ирина привела всю банду в один сгоревший замок. Она ведь там знает каждый уголок, наверное, она рассказала им, что там еще есть вино в бочках. Красные вытащили его, напились – и отравились. Я предполагаю, что их солдаты заставили и ее пить вместе с ними. Она сделала чистую работу. Теперь у нас долго будет тихо, мы можем удерживать прежние немецкие позиции, да и раненые будут спасены. Ну, дай мне еще выпить. Я не хочу больше думать о холме. То, что я там увидел, хуже, чем много лет войны.

- Ирина Штрессер..., – сказал Хоненко серьезно и передал другу походную фляжку. – Пусть покоится с миром.

Он горько засмеялся. – Но мы должны атаковать Зеленый холм. Нам нужны боеприпасы, одежда и новое мужество и успех для наших солдат.

Капнист опустил фляжку. – Штурмовать, говоришь? Я проведу туда казаков без единого выстрела...

Спустя полчаса стрелковая цепь поднимается и, нагнувшись, бежит по степи. Но скоро они замедляют беглый шаг и распрямляются. Не слышно ни единого выстрела.

Бойцы взбираются на холм. Все еще никто не стреляет. Солдаты начинают быстро раскапывать снег и твердую землю, копают окопы, устраивают пулеметные гнезда, Зеленый холм захвачен.

Куда бы они ни смотрели, всюду лежат трупы отравленных красноармейцев. Несколько казаков начинают раздевать мертвых братьев и забирать себе их одежду и боеприпасы. В подвале разрушенного замка разводят огонь. От него распространяется приятное тепло. Наконец, снова можно высушить одежду. Пахнет сытной едой.

- Ирина Штрессер, – очень тихо говорит Хоненко. Он стоит на коленях рядом с одним казаком, согнувшись над мертвой. Он снимает меховую шапку. Снег ложится на его черные волосы, в которых уже так много седых прядей. Он, прислушиваясь, вглядывается в степь, затем медленно поднимает правую руку и крестит погибшую и самого себя.

VI

Отход немецких войск с Украины означал катастрофу для всего населения южной России. Также положение казаков на Донском фронте стало критическим. Военная мощь немцев была сломлена революцией в Берлине, и ниб их непобедимости поблек. Страна была охвачена волнениями, никто не знал, кто друг, а кто враг. Ежедневно происходили нападения. Людей грабили и убивали, начались восстания.

Почти за одну ночь вся картина изменилась. В далекой дали исчезли цели национально сознательных русских захватить с немецкой помощью Москву и Петербург, окончательно победить большевизм и освободить родину от смуты и разрушения.

Кто еще мог бы помочь России? Откуда все еще могла бы прийти помощь? Но ведь страны Антанты, прежние союзники царской России, обещали помощь! Их армии уже высадились в Одессе, Севастополе, Николаеве, Феодосии, Ялте, Батуме, а также в Ростове. У них есть боеприпасы, у них есть все!

Это новая надежда южной России!

Почти одновременно с отводом немецких войск поток красных армий начинает разливаться по южной России, а слабые силы белых отступают. Те, кто не хочет попасть в руки к красным, бегут. Одни в черноморские порты, туда, где стоит флот Антанты, другие к казакам на Дон. Путь на Голгофу лежит перед беженцами с Украины.

Беспрерывными колоннами, дни и ночи, сотни тысяч людей текут через холмы, долины, болота и степи вдоль ведущих на юг дорог.

Мужчины, женщины, дети, старики, студенты, рабочие, бывшие магнаты и рядом с ними нищие, все жутко измученные длящимися неделями пешими маршами, плетутся с пустыми глазами, охваченные грызущим, отчаянным страхом, по ставшим абсолютно непроходимыми проселочным дорогам. Мгновения самого великого самопожертвования, но также и самого грубого, самого низкого эгоизма – это никого не заботит, это больше не замечают, так как каждый знает, что также для него может наступить тот час, когда он больше не сможет быть мыслящим человеком.

Больших перегруженных повозок, на которых сидели уставшие люди, которые везли с собой свои богатства или последние пожитки, становится все меньше. Лошади, голодные и уставшие, падают и околевают в самой глубокой грязи до-

рог и в бушующей пурге. Только чтобы проложить путь самим себе, люди помогают убрать с дороги эти повозки. О тех, кто остается рядом с мертвой лошастью и своими пожитками, больше никто не думает. Справа и слева трупы, бесценные богатства между жалкими пожитками бедной, несчастной жизни.

И пока все дальше отходящие на запад немецкие войска должны были теперь снова силой прокладывать себе путь на далекую родину в страшной борьбе и изнуряющих форсированных маршах, красные уже залили почти весь юг России.

Надежда на энергичную помощь армий Антанты, к которым убегало население, была только фантомом, ужасным разочарованием, так как уставшие, измученные многолетней войной, небольшие воинские части больше не хотели сражаться. Большевистские идеи частично уже охватили также их.

Неожиданно их командование отдает приказ оставить занятые порты. Следует ускоренная эвакуация в Константинополь. С ними убегает и часть гражданского населения.

Только Донской фронт отчаянно защищается от большевиков и выдерживает их атаки. Но и его сопротивление не длится долго, он тоже разваливается под натиском численно превосходящих сил красных. Утомленные казаки едва ли могут сражаться.

Они насыпали, одними голыми руками, маленький земляной вал. За ним они лежат, плотно прижавшись к земле, руки на спусковых крючках винтовок, и внимательно прислушиваются. Никто ничего не говорит. Молчание парализует всю линию. Уже примерно полчаса снова и снова появляется одно и то же привидение.

Рапп увидел его первым, очень отчетливо.

Теперь снова...

Там, за низким земляным валом, вверх выныривает голова. Беззвучно как привидение. Лицо с темной бородой, без шапки, светло освещенное лунным светом. Выстрел резко разрывает тишину.

Степанов, рядом с Раппом, тихо охает. Его лоб глухо ударяется о землю. Тело падает как подкошенное. Выстрел в голову.

Белые яростно стреляют. Черная голова медленно исчезает, они снова не попали в него.

- Сволочь, – бормочет Рапп. Он немного отодвигает мертвого Степанова, потом он поспешно заряжает винтовку. В любую секунду луна опять может появиться из черных, разорванных туч, и тогда лицо стрелка возникнет там снова.

Этот человек там, наверное, безумен, думает Рапп, пока он, как и его товарищи, затаив дыхание, напряженно ждет. Спокойствие, с которым это лицо появляется, стреляет, и исчезает, настолько неестественно, что собственные нервы видят в этом привидении больше, чем просто хладнокровного снайпера.

Каждая его пуля с ужасающей точностью поражает кого-нибудь из них, причем точно в лоб!

Степь тянется бесконечно. Все больше туч накапливаются перед луной, толкают друг друга и закрывают более светлые пятна. Внезапно порыв ветра поднимает снег вверх, метет его по воздуху, закрывает поле зрения. Свистящий, протяжный звук наполняет степь.

- Буря! – говорит тихо генерал Волков, который лежит слева от Раппа. – На сегодня, кажется, кончилось, луна больше не появится.

Вражеский фронт исчезает за новым поднимающимся облаком снега.

- Холодно.

Рапп стягивает перчатки и пытается дышать на окоченевшие жесткие пальцы. За ним кто-то ползет мимо, оттягивает еще дальше назад тело Степанова и ложится на место мертвеца.

- Идите назад, – говорит Волков. – Вам следовало бы больше беречь себя. Пусть девушки дадут вам водки. Пока пурга не закончится, здесь у нас будет, наверное, поспокойнее. Ну, идите уже, Рапп, вы нам пока действительно не нужны.

Рапп ползет назад.

- Скажите Ольге, что она должна кое-что сделать для своего отца и позаботиться на квартире о «хорошей» еде.

Рапп ползет еще несколько метров, потом он поднимается и, нагибаясь, идет дальше.

Только теперь он чувствует, что его тело все еще разбито. Проклятье, что можно терпеть так мало. Три месяца назад он был ранен. Он хрипло проклиная эту рану в живот. Потом он заходит на перевязочный пункт.

Алекса как раз закутывает какого-то раненого в одеяла. Она кивает ему, ее лицо, только что еще серьезное и деловое, проясняется, как только она видит его. Каждый раз он видит в ее взгляде: Ты жив, слава Богу!

Ольга Волкова заходит и пододвигает ему ящик. – Вот, садитесь здесь. Она с любопытством наклоняется вперед. – Он все еще очень бледный, Алекса, но ничего страшного.

Все здесь заняты процессом отправки. Раненых с перевязочного пункта перевозят в деревню Шувалово, там будет устроен построй, и если бы смена белых не заставила себя ждать уже два дня, то уже все люди могли бы отправиться туда.

Снаружи, в буре, стоят телеги, некоторые покрыты только брезентом, раненые лежат на соломе, завернутые в одеяла. При каждом порыве ветра кто-то стонет, другие лежат апатично в лихорадочном бреду или в бессознательном состоянии.

- Мне нужно выпить водки, – говорит Рапп.

Алекса приносит ему походную флягу, и некоторое время тихо стоит возле него, пока он пьет. Она хочет в каждую секунду чувствовать его близость, даже если расставание после этого становится еще хуже.

- А вы, Ольга, должны позаботиться о «хорошей» еде, – говорит Рапп. – Вы должны кое-что сделать для вашего отца.

- Вы все будете рады, если вообще найдется хоть какая-то еда, не так ли? – серьезно отвечает Ольга.

В этом усталом лице едва ли еще можно узнать былую Ольгу Волкову из Петербурга. Каждый раз Рапп в потрясении отворачивается. С начала войны она сестра милосердия на фронте. После крушения старого режима она, как все борцы с большевизмом, отправилась со своим отцом и матерью на юг. Здесь Волковы хотели и дальше исполнять свой долг. Рапп вспоминает, как Ольга, когда они встретились снова, рассказывала странно безразличным, бесцветным голосом:

- Я потеряла свою мать. У нее не было сил идти. У нее был жар. Воспаление легких. Мы должны были всю неделю ночевать в открытой степи. Потом знако-

мые взяли ее с собой на свою телегу. Там кто-то умер, и место освободилось... Она умерла, я это знаю... Для нее больше не было спасения... Где-нибудь, в стороне от дороги, будет лежать и ее труп тоже. Труп лишь утомляет лошадь...

Татьяна Волкова! Рапп в последний раз видел ее тем вечером в Петербурге – в мягко спадающем платье, с прекрасными мечтательными глазами.

Возле нее – Хаберманн...

Труп лишь утомляет лошадь...

Сколько может вынести человек!

Теперь остался только лишь генерал Волков и Ольга, отец и дочь. Александр Волков, сын, погиб в битве при Гумбиннене в самом начале войны.

- Еще водки? – спрашивает Алекса.

Рапп качает головой. Он сидит на ящике, осунувшийся и усталый, опустив голову.

Когда Алекса проходит мимо него, он говорит: – Ах, девочка. Он говорит едва слышно, но таким отчаянно печальным тоном, что она не находит ответа. И, все же, два этих слова это очень много. В них лежит вся нежность, которую Рапп еще может дать – и все доверие.

Первые телеги с ранеными отъезжают. Все происходит поспешно и без большого шума.

Над степью ревет начинающаяся пурга.

- Позаботься о том, чтобы скоро пришла смена, – говорит Рапп и кладет на мгновение руку на плечи Алексы. – Прощай, девочка.

Он стоит и смотрит вслед им, как обе женщины рядом друг с другом последними исчезают в темноте, и следуют по дороге за телегами. Они шагают как солдаты. Овчинные тулупы делают их фигуры бесформенными, холщовые мешки на веревках закинута у них на плечи.

Алекса еще раз поворачивается, но она больше не может разглядеть Раппа. Она поднимает руку, чтобы помахать в неизвестность на прощание.

Перед ними громко и спешно катятся колеса, расстояние между телегой и обеими женщинами увеличивается все больше. Наконец, когда они достигают дороги, по которой беспрерывно течет поток беженцев, когда они идут с этим потоком, телеги уже исчезли у них из виду.

Свинцовое небо становится все темнее. Начинает падать густой снег. Над людьми бушует суровая буря.

Быки мычат, лошади ржут – иногда человек громко рыдает от отчаяния.

На краю дороги лежат бесхозные вещи. Всюду видно, как люди роются в них.

- Может и мы посмотрим, вдруг найдем там что-то для наших? – спрашивает Ольга и уже идет в сторону, не ожидая ответа. И она начинает рыться, искать. Она вытаскивает из кучи маленькую детскую лошадку, держит ее одно мгновение в руке и потом откладывает в сторону почти бережно. Две куклы с оторванными головами, в самодельной одежде из остатков материи, картины, библия, самовар, осколки посуды. Большая тяжелая жестяная бутылка... Водка!

Они находят маленький шкафчик. Он наполнен продуктами. Алекса спешно опустошает его, и они размещают ценности по своим холщовым мешкам, которые становятся теперь почти неподъемными.

Внезапно, когда Алекса поворачивается, она видит, что Ольга осела на землю. Она больше не может идти.

- Вставай! – кричит она. – Что это с тобой, Ольга! Здесь нельзя выбиваться из сил, нельзя просто лечь на землю! Ну, вставай же!

Она пытается поднять девушку. – Ты должна встать!

Ольга, шатаясь, поднимается, не говорит ни слова, идет дальше, держась за руку Алексы, шаг за шагом. Мешки, веревки которых врезаются глубоко в плечи, снова грубо тянут их вниз. Вдруг Алекса спотыкается, падает, и Ольга падает вместе с ней. Труп женщины лежит поперек их дороги. Рядом с нею, наполовину заснеженные, разбросаны несколько меховых шуб.

- Взяли! – приказывает Алекса. Они хватают покойницу и оттягивают в сторону. – Теперь и я тоже больше не могу. Хотя бы закутайся, мы можем, наверное, немножко отдохнуть.

Они сидят, съезжившись, и плотно укутавшись мехами. Запах духов струится из мехов – ужасно в этой ночи, полной бедствий и страха.

- Когда мы доберемся до Шувалово?

- Только к утру, – отвечает Ольга апатично.

Потом они больше ничего не говорят. На большом удалении время от времени слышен гром отдельных орудий.

Все более громкая, усиливающаяся буря еще неистовствует теперь в степи. Склонившись, люди борются с нею.

Женщина в овчине и косынке тащится мимо, она несет ребенка на руках и пытается защитить его от бури. За ней плетутся два старых человека, мужчина и женщина, с узелком на спине. Несколько солдат, с рукой на перевязи или с повязкой на голове. Собака, которая пробегает возле всех, как будто ищет своего хозяина.

Какой-то высокий мужчина обнял рукой женщину. Они шагают увереннее, чем другие. На одну секунду Алекса видит лицо женщины. Она молода и очень нежна, глаза у нее наполовину закрыты, воротник ее прекрасной шубы поднят вверх.

Время от времени какой-то человек падает, и его сразу относят на обочину дороги. Там он и остается лежать. Снег засыпает его.

Ольга не смотрит на этих людей, она думает о своей матери.

Из человеческого потока доносится глухое, зловещее бормотание, лишь иногда прерываемое душераздирающими криками.

Внезапно белые пространства степи, кажется, оживают. Неясные привидения и духи просыпаются. Они выползают из-под снега, падают бесчисленными рядами с черных, несущихся облаков, и неистовствуют над всем. Как черти они свистят, режут, смеются, кружатся вокруг умирающих людей, сбивают шапки, срывают шубы и летние пальто с беженцев, они колют тысячами игл и пронизывают их тела, наполняя их слабостью и парализующим забвением.

Тысячами голосов ревет пурга всю ночь.

В сером свете начинающегося дня девушки почти добрались до Шувалово. Только теперь они отчетливо видят, что происходило этой ночью вокруг них.

Возвышенно лежит степь. Безмолвно люди бредут дальше. Крики, ругань, мольба – все умолкло.

И в самом центре этого молчания, навстречу текущему, убегающему потоку, марширует колонна на фронт.

- Смена!

Многие люди отходят к обочине, пропускают солдат и смотрят им вслед.

Солдаты, офицеры, в поношенной до неузнаваемости форме, растоптанных сапогах, грязных валенках и обмотках.

Плечом к плечу, с немymi, серьезными лицами, маршируют рядовые, капитаны, полковники, бывшие командиры батальонов и полков, кадеты, кандидаты в офицеры, прапорщики, студенты и гимназисты.

Когда колонна исчезает вдаль, поток беглецов снова собирается и течет дальше.

Через полчаса село Шувалово появляется в утреннем свете немного в стороне от дороги – примерно двадцать одинаковых низких хат с соломенными крышами и известковыми стенами.

К вечеру пришли сменившиеся войска. Ровный шаг солдат звенел на замерзшей земле по всему селу.

Рапп первым вошел в хату, в которой разместились Алекса и Ольга. Затем снаружи донесся голос генерала Волкова.

- Вот этот, пожалуй, не хотел? – спрашивал он у входа в хату.

Василь, вестовой Раппа, застрелил крестьянина, который не пускал солдат к себе на постой из страха перед наступающими красными.

Генерал Волков вошел в теплое, низкое помещение хаты.

В углу молча стоял Рапп и обнимал Алексу. Он отпустил ее и повернулся.

В этот момент вошел Иван Хоненко, за ним еще несколько человек. Они растегнули тулупы, бросили их на пол и улеглись на них.

Ольга вытащила из печи горшок с едой и поставила его в середине комнаты. Все начали черпать из него ложками, торопливо и молча, только Хоненко, совершенно истощенный, лежал с закрытыми глазами.

- Хоненко, хлеб! – Рапп склонился над мужчиной и засунул ему хлебную корочку в рот. Хоненко медленно начал жевать.

- А ты, Ваня? – шептала Алекса.

- Ах, девочка, я сыт.

Когда он поднял голову, он увидел, как седой генерал Волков с трудом жевал, пока его грязная рука длинными, тонкими пальцами совершала знак креста над его угасшим лицом.

Алекса сидела возле Раппа, прислонившись к стене, тесно прижавшись плечом к нему. Она жевала хлеб и озабоченно рассматривала его сбоку. Но он отсутствующе смотрел мимо нее в окно.

Каким уставшим он выглядел!

Пока он был так безрассудно смел, как раньше, всегда рвался туда, где было опаснее всего, она почти не боялась за него. Теперь на ней тяготел страх как вечное бремя; людей, внутреннее сопротивление которых ослабевает от усталости, это всегда поражает первым. Нужно было вырвать его из этого состояния.

Пуговицы его русской рубашки были оторваны, на локте большая дыра, его руки слабо лежали на коленях.

Медленно она полезла в карман своей юбки и вытащила кусок колбасы. Алекса колебалась. Будет ли он есть? Затем она сунула колбасу ему в руки.

Все еще отсутствующе, он уставился на колбасу и начал есть.

Алекса улыбалась.

Внезапно распахнулась дверь.

- Сестра Ольга Волкова? – кричал мужчина с белым, обмороженным лицом.

Ольга встала. – Да? – спросила она.

- Я должен доставить вас, пожалуйста, сразу же отправляйтесь в подразделения генерала Михайлова. Он сам послал меня к вам. Вы там очень нужны. На фронте четыре сестры умерли от заражения крови...

Ольга уже натягивала грязный овчинный тулуп.

- Снаружи уже стоит оседланная лошадь, – произнес человек, все еще не отдышавшись. Он принялся растирать кулаками свое застывшее лицо, губы его едва могли шевелиться.

Ее взгляд скользнул по присутствующим. Быстро и тихо она коснулась плеча отца. Генерал положил свою щеку на ее огрубевшую ладонь.

Затем она вышла. У двери она затянула ремень потуже и перекрестилась.

Дверь за нею захлопнулась.

Две лошади помчались неистовым галопом.

И снова ветер начал плакать снаружи...

Этой ночью Алекса лежала возле печи рядом с Раппом. Кожаное пальто, которое когда-то дал ей красный комиссар, служило подстилкой, овчина накрывала их. Мужчины во сне тяжело дышали, кто-то иногда громко говорил во сне, вскакивал, выкрикивал приказы. Из угла, в котором лежал Иван Хоненко, время от времени доносились тихие стоны.

На этом человеке лежала в суровой ясности судьба его товарищей и иногда, кажется, подавляла его.

Там они лежали. Алекса, единственная женщина среди обреченных на смерть. Ей вспомнились слова Бодмера: им можно простить все!

Ее судьба была неизбежно связана с судьбой этих мужчин. Как и жены казаков, она тоже двигалась по стране вместе с их отрядом, с Раппом. Прошрое, кажется, было одним лишь сном, зато настоящее было здесь, жестокое и осязаемое.

- Девочка, – прошептал Рапп.

Он крепко прижал ее к себе. Ее щека касалась его шершавого, огрубевшего лица.

- Ты тоже не спишь?

Он молчал довольно долго, в то время как его рука твердо легла на ее плечи. Алексе хотелось, чтобы она так всегда оставалась рядом с ним, ни о чем не думая, только с сознанием близости любимого человека.

- Это нужно когда-то сказать, – внезапно начал он снова и поднялся немного, чтобы нагнуться над ней. В полумраке комнаты она могла разглядеть лишь контуры его головы. – Это нужно когда-то сказать, – повторил он хрипло, – кто ты для меня. Он легко провел рукой по ее лицу и крепко прижался щекой к ее лбу. – Но ты это и так знаешь.

Она охватила его голову руками.

- Что случилось с нами! – бормотал он. – Возможно, уже никогда снова не станет легче, вероятно, я погибну. И, может быть, я никогда уже не смогу быть для тебя больше того, кем я есть сегодня. Он вздохнул.

- Алекса... Единственное, что еще иногда делает меня счастливым, когда мы лежим там в траншеях, – это мысль о тебе – ты всегда здесь. Ты следуешь за мной, не колеблясь и не медля.

Он снова замолчал. Она лежала тихо, затаив дыхание. Его голос, его слова делали ее невыразимо счастливой.

- Я знаю, – сказал Рапп и коснулся ее лба губами, – что ты даешь мне все, что один человек только может дать другому.

Он откинулся назад и вытянулся, все еще обнимая ее. – Это, наверное, нужно было когда-то сказать, потому что кто знает – смогу ли я еще сказать об этом позже. Ты должна знать, как я отношусь к тебе.

Вскоре он заснул.

Алекса, бодрствуя, лежала на его руке.

Хоненко и она были единственными, кого сон не привел в состояние забвения.

Они, кажется, были единственными, кто чувствовал боль этого времени. Каждый сам по себе.

Этой ночью Рапп заболел. Уже довольно долго он отчаянно боролся с возрастающей слабостью. Теперь она полностью свалила его.

- Тиф, – констатировала Алекса. – К счастью, завтра нас доставят на ближайшую железнодорожную станцию, а оттуда мы поедem в Таганрог. Это приказ командующего генерала.

Рапп молчал. Он смотрел на серьезное лицо девушки, державшей его горячую руку. Он хотел еще что-то сказать Алексе, но не находил слов, его душу одолели мучительные спазмы от внезапной боли. Она положила шинель ему под голову и тщательно укрыла. Рапп посмотрел на Хоненко. Он лежал неподвижным, с открытыми глазами, сложив обе руки на груди. Думал ли он о ком-то, о его невесте, обо всем том, что они прошли, о том, что еще предстояло им, об их гибели, где-то в бою? Или же этот одинокий мужчина просил об избавлении, потому что он не мог пережить победу врагов?

- Попробуй уснуть, Ваня, – услышал он голос Алексы у своего уха и почувствовал ее теплое дыхание. Как странно звучали эти слова в этой хате, всего в нескольких километрах от врага. Сколько заботы крылось в этих простых словах, страха за невыразимо маленькую нерешительную надежду на маленькое счастье. – В Таганроге наш лазарет будет реорганизован, ты выздоровеешь, отдохнешь и тогда...

Он позволил ей говорить дальше. Он уже схватил ее руку, и положил на нее свою голову.

- Я всегда думаю о тебе, Алекса, всегда. Всегда.

Хоненко тяжело вздохнул и закрыл глаза.

Всю ночь Алекса заботливо суежилась у постели Иоганна Раппа.

Наступило утро, холодное, мрачное, парализующее. Больных и раненых быстро грузили на повозки и отвозили на вокзал.

Хоненко некоторое время назад принял командование батареей. Он остался со сражающимися войсками.

Из-за непрерывных атак красных белая пехота вынуждена была отступить. Хоненко оставил на огневой позиции две пушки для прикрытия отхода, пока последний багажный вагон не отъехал на несколько километров, потом галопом поскакал назад, мимо двух других пушек, которые со своей стороны открыли огонь. Из-за неожиданно быстрой атаки Хоненко потерял два орудия, которые не успели вовремя забрать с передовой. Он видел, как красные перебили всех артиллеристов, которые стреляли до последнего мгновения. Вскоре после этого у него кончились снаряды для двух оставшихся пушек. Дальше, все дальше отступали казаки, в непрерывных, тяжелых боях, которые приносили большие потери обеим противоборствующим сторонам.

Алекса с несколькими врачами руководила лазаретом в Таганроге. Большое административное здание было переделано в дивизионный госпиталь. В нем были кровати, матрасы, медикаменты и перевязочный материал в большом количестве, только врачи и сестры были слишком плохо обучены и слишком неопытны в самом примитивном уходе за больными. В большинстве случаев это были дочери и жены офицеров из сражающихся войск. Быстро и строго были введены чистота и дисциплина, и «немецкая сестра», как все только и называли ее, стала для многих спасающей душой лазарета. Они ждали ее прихода, ждали ее распоряжений, приветливых, одобряющих слов.

На фронте удача, кажется, покинула белых. Большевики подступали все ближе. Это особенно угнетало больных, которые были прикованы к постели. Страх и отчаяние часто доводили лучших друзей, приятелей и товарищей по несчастью до бешенства.

Но и в эти дни Алекса сохраняла свое спокойствие. Рапп был с ней, поблизости от нее, она должна была пройти лишь пару шагов, и она уже могла снова видеть его, говорить с ним, пожимать его руку. Он был с ней, и она говорила это себе каждый раз, когда подходила к постели какого-то другого больного. Тогда она улыбалась, тихо, довольно, и другие видели это и воспринимали эту улыбку как знак полной защищенности. – На фронте дела у нас идут хорошо. Натиск красных ослабевает, и в нескольких местах мы даже смогли отбросить их назад.

Когда наступала ночь, мужчины молились. Они верили в свою победу.

Почти каждое утро Алекса находила время для прогулки с Раппом. Он хромал рядом с нею, а она подпирала его. – Ну что за старика я себе выбрала, Ваня! Но я так сильно люблю этого старика, что не обменяла бы его на всех молодых, – шутила она. – Собственно, он мог бы уже ходить и без палки, но мне почти кажется, как будто он хочет особенно хотел воспользоваться моим уходом за ним, больным. Как? Разве это не так, барон Рапп?

- Да, да, любимая, ты права. Пока я живу, ты должна заботиться обо мне, и еще один день после моей смерти.

- Через день после твоей смерти, Ваня? Ах, это еще долго продлится. Знаешь, у нас, женщин, есть интуиция. И мое предчувствие всегда говорит мне... Эй! – внезапно воскликнула она – взгляни, кто там идет!

- Хоненко! – закричал Рапп и замахал руками и своей палкой. Внезапно он был совершенно здоров, как будто бы у него ничего больше не болело.

- Где вы попрятались? Я искал вас всюду. Вы оба мне срочно нужны. Очень важное дело. Я получаю тяжелый бронепоезд с двумя корабельными 150-мм орудиями с броненосного крейсера. Как раз сейчас их на военном заводе устанавливают на соответствующие платформы от пульмановских вагонов. Мы получаем вагоны, грандиозную «базу». Мы очень быстро примемся за работу и, самое позднее, через две недели снова поедem на фронт. Я имею в виду: мы, – прервал себя Хоненко, – ты, Алекса, как сестра милосердия, и ты, Рапп, как... как..., ну, скажем, как мой адъютант! Согласны?

- Конечно! – закричали Алекса и Рапп.

- Я вытащу тебя из военного госпиталя, это будет моей заботой, а у тебя, Ваня, будет немного времени отдохнуть, ведь в первые дни у тебя не будет утомительной работы.

(«База» – поезд, служивший для обслуживания и ремонта боевой части бронепоезда, размещения его штаба, отдыха личного состава, в общем, его подвижный тыл. База обычно состояла из товарных и пассажирских вагонов: вагон для командования, вагон-канцелярия, вагон-клуб, санитарный вагон, вагон-кухня, вагон-мастерская, товарные вагоны для продуктов, резерва боеприпасов, хранения запчастей и инструментов и т.д. – прим. перев.)

Хоненко сдержал свое слово, даже больше того, бронепоезд был готов быстрее, чем думал артиллерийский командир.

На военном заводе работали днем и ночью. Корабельные орудия были уже смонтированы, платформы бронировались, отдельные вагоны готовились. На боковом станционном пути завода стояли несколько других пульмановских спальных вагонов. Рапп получил от дирекции кухонную посуду и матрасы, мастерились топчаны, в транспортные вагоны устанавливались печки, затаскивались снаряды, пулеметы уже были установлены, рядом с ними размещались боеприпасы и пулеметные ленты.

Алекса тоже трудилась не покладая рук. Она сотрудничала с молодым врачом и подготавливала санитарный вагон. Незаменимый Василь также помогал всюду. Еще нашелся бывший повар из отеля «Астория» в Петербурге и заботился о хорошем самочувствии будущего экипажа бронепоезда. Его кулинарные изыски радовали по вечерам усталых, много потрудившихся людей, и преподнесенное им вино делало их всех твердыми и уверенными.

Рапп и Алекса виделись каждый день. То там, то здесь Рапп видел, как белый чепец девушки появляется и исчезает, взгляд, движение рукой, короткие кивки и улыбка – тишина, которая была в нем, постепенно снова уступала место сильному, радостному чувству.

Она видела его, как он возится с пулеметами, следит за погрузкой боеприпасов, она слышала его громкий голос, ругань, ободряющие слова, шутки, часто крепкие и прямые, как когда-то в Петербурге, в порту, при разгрузке «Адлера II».

Вечером она сидела рядом с ним и со здоровым аппетитом ела на одной из бронированных платформ, потом он подмигивал ей и улыбался, толкал ее локтем в бок и поддразнивал. Хоненко вмешивался в их беседу, рассказывал анекдоты и поднимал тосты за здоровье других. Кто-то играл на балалайке и пел. Никто не хотел поддаваться произволу судьбы.

Потом бронепоезд и его «база» были готовы. Алекса украсила жилое помещение. Картины, пестрые лампы, любая мелочь свидетельствовали о присутствии этой женщины, которая всегда тихо, без усталости, дарит часть своей большой любви к единственному мужчине столь многим людям.

Пришел назначенный день. Собралась огромная толпа, в ее центре старый священник; с поднятым крестом он благословлял серый поезд из стали.

Трудным, невообразимо трудным был путь этого поезда.

Когда он шел на фронт, красные стояли уже непосредственно перед Новочеркасском, столицей Области Всевеликого войска Донского. Каждый, кто сидел за бронированными стенами и башнями этого поезда, знал, что за ним стояло оказавшееся под угрозой казачество, отечество. Он знал, что поддаваться, уступить было нельзя, оставалась только лишь борьба не на жизнь, а на смерть.

Воздействие тяжелой корабельной артиллерии было ужасно. Для собственных войск, однако, оно означало новое мужество и воспламенение новой уверенности.

Красные под Новочеркасском! Для донских казаков, кажется, наступил их последний, самый тяжелый час.

В этот час вмешивается генерал Антон Деникин. Форсированным маршем его войска с Кавказа идут на помощь истекающим кровью казакам. Казаки, воодушевленные этой помощью, снова собираются с силами, переформируются, и теперь они вместе готовятся к новому удару по красным.

Новый поворотный момент в борьбе против большевиков!

Каждый день приносит белым победы и взятия городов. Их наступление идет все дальше на запад и север.

Также Антанта снова дает о себе знать. Она посылает боеприпасы, орудия, танки, пулеметы, самолеты и целые горы форменной одежды. Она посылает все то, что «осталось» от «другой» войны, в чем она больше не нуждается. Да, она даже признает генерала Деникина как Уполномоченного представителя Юга России и не просто так посылает ему своих военных советников – это все не безвозмездно. В обмен на свои поставки она требует русский керосин, нефть, уголь, она хочет, чтобы признали долги царской России, и она снова берет Черное море и порты под свой контроль.

Быстро развивается начатое наступление генерала Деникина. Продвижение потоком разливается по северу и западу южной России: Одесса, Киев, Орел, Курск, Воронеж, Царицын взяты.

Цель Деникина – Москва!

Было лето 1919 года.

VII

«Бронепоезд тяжелой корабельной артиллерии» не знал ни дня покоя, ни одной ночи он не мог где-то остановиться или вернуться к своей базе. Какой-то паровоз подтягивал этот состав из транспортных вагонов вслед за ним, и когда бронепоезд прибывал, солдаты падали от истощения.

В вагонах тогда все было уже подготовлено для солдат. Они могли помыться, поесть, отдохнуть и хорошо расслабиться в офицерском клубе. Повар готовил фантастические блюда. Первым делом Алекса всегда искала Раппа – все ли с ним в порядке? В бронепоезде почти не было раненых в это время непрерывного наступления.

Он приветствовал ее весело, и даже если он был черным от копоти и дыма, он обнимал и целовал ее так, что у нее перехватывало дыхание. Он, кажется, стал выше и шире.

Василь превратился в прекрасного артиллериста. Оба морских офицера, которые последовали за своими любимыми орудиями, образовали с другими офице-

рами и рядовыми одну семью верных, смелых друзей. Они все окружали Алексу, единственную женщину, дарили ей бесчисленные маленькие подарки на память, которые позже украшали стены офицерского клуба.

Цель Деникина – Москва!

Двенадцать казачьих полков проламывают фронт красных. В их рядах находятся два старых друга бронепоезда – Дорошенко и Капнист. Казаки прорываются вперед в самый глубокий тыл и приводят врага в панику. Дорога на Москву открыта, и пройти нужно всего двести километров. Отважные, как их предки, атаманы ведут казаков, которых больше не может окружить никакая сила.

Паника царит в красных штабах в Москве. Лишь благодаря случайности, печально знаменитый поезд председателя Реввоенсовета Льва Троцкого не попадает в руки казаков. Лишь летчики могут еще поддерживать связь между казаками и командованием.

Об этом как раз беседуют на базе. Теплая летняя ночь, и вокруг стола, который вынесли из вагонов на открытую площадку, они все сидят и болтают.

- Слушай!...

Слома голову подъезжает всадник, спрыгивает из седла и спрашивает хриплым, едва понятным от неистовой скачки голосом: – Господин полковник... Хоненко?

- Это я, братец, – отвечает полковник неестественно спокойным голосом. Другие давно умолкли.

- Срочный приказ командующего генерала Волкова! Ординарец срывает фуражку с головы. Он лишь с трудом может держаться прямо.

Хоненко встает, достает карманный фонарик, и в хмуром свете тлеющей батареи он пытается расшифровать слова. Он едва успел прочитать несколько предложений, когда его громкий, ясный голос кричит совершенно изменившимся тоном: – Господа офицеры! Немедленно разбудить личный состав. Бронированный паровоз – на полный ход, мы сейчас же отъезжаем!

- Слушаюсь! – как один человек отвечают офицеры, и уже стол брошен. Только лишь пару секунд Алекса остается сидеть, потом она вскакивает.

Куда? Она этого не знает. Она испытывает парализующий страх перед этим внезапным отъездом. Она подбегает к бронепоезду, влезает в вагон, хватается марлевые бинты, лекарства – все в порядке, всего вдоволь. Что теперь?

Все готовятся. Все забыли о ней теперь... даже Рапп. Он возится с Василем на передней контрольной платформе, она видит, как оба мужчины выносят множество пулеметных лент и заряжают пулемет. Рапп на контрольной платформе... Если с поездом по дороге что-то случится, то он первый. В его руках вся ответственность. Взорванный путь, взорванные, заминированные мосты, прямые попадания – у этих людей нет возможности вернуться. У них нет лошадей. Они все дальше прорываются через территорию, захваченную врагом...

- Господин полковник, – она уже слышит доклад дежурного офицера, – бронепоезд к отправке готов. Контрольная платформа в порядке.

- Спасибо, – Алекса слышит ответ Хоненко. – Братцы! – Они уже окружили его. – Сегодня особенно многое зависит от нас. Я получил сообщение, что красная кавалерия грозит тылам наступающих на Москву казачьих полков. Задание нашего бронепоезда: задержать прорыв красных и при возможности блокировать им пути отхода. Все зависит от этого! Я буду на переднем броневагоне. Очень внимательно следите за самым малейшим сигналом, который я вам подам. Ну, с Богом! Дайте сигнал к отправлению.

Алекса бежит к контрольной платформе.

- Наша барышня, – говорит Василь и пристально смотрит одним глазом вниз на железнодорожную насыпь. – Наша барышня, господин барон!

В желтом свете керосиновой лампы Рапп видит стоящую Алексу.

Она смертельно бледна, и у нее необычайно большие глаза. Темной ночью она внезапно кажется такой маленькой, так сильно нуждающейся в защите. Она говорит ему что-то, но он больше не может слышать ее, так как огромный паровоз за его спиной уже полностью развел пары. Он видит, как она поднимает руку и крестит его, Василя, и весь этот серый, грозный поезд. Она протягивает ему маленький серебряный крестик, который она всегда носила на шее. Он берет его, прячет под рубашкой. Он видит, как она еще несколько шагов идет рядом с движущимся поездом, видит, как она спотыкается на грубых щебеночных камнях и падает. После этого ее белый чепчик тоже исчез в темноте.

Это большое утешение, когда есть кто-то, кто благословляет тебя, замечает Василь и крестится.

Утром четвертого дня, ночь как раз начала светлеть, на широком степном горизонте стояла слабая, светлая полоса, бронепоезд вернулся. Гремя, выплевывая искры, мчался он, по обе стороны от него скакали казачьи полки.

Красная кавалерия своим авантюрным ударом по ближним тылам белых все же заставила их отойти. Наступление Деникина остановилось, прорвавшаяся далеко вперед белая конница вынуждена вернуться.

Внезапно визжат все тормоза, весь бронепоезд вскрикивает – останавливается. Расстрелянная, горящая куча лежит на боковом станционном пути – база! Маленькое здание станции – гора развалин.

В свете огня солдаты спрыгивают из поезда и блуждают вокруг обломков. Вдали донские казаки, в сумрачном утре только череда неясных теней. В огне, то здесь, то там, еще взрываются патроны. Два ручных пулемета, несколько убитых солдат, в стороне, неподалеку, почти неузнаваемый и уже наполовину обуглившийся труп коменданта станции.

- Назад на поезд! Полный ход на паровозе! – кричит Хоненко. Его едва можно узнать – одичавший, грязный, его форма потрепана. – Подъем! – кричит он на солдат, грубо подталкивает их к поезду. Кулаками он колотит их по спинам. – Подъем! Ну, давайте, вперед!

Уже он цепляется где-то за отъезжающий поезд. Он смотрит назад... ждет...

Он не ждет долго. Оглушительный взрыв потрясает воздух, и горящая база, куча обломков и мусора, поднимается в воздух и падает вниз. Но он спас их, своих людей, которые не хотели расставаться со своей базой. Только теперь они понимают своего полковника, его проклятия и бранные слова.

Мужчины, которые возвращаются из сражения, из уничтожения, из братоубийства, въезжают в светлое утро. Все же, не только что перенесенные, ожесточенные бои угнетают их, а уничтожение их базы, домашнего очага, к которому они все были привязаны. В ней тут и там был уютный угол, дорогая картина, грустная песня, товарищ... Также веселый голос немецкой сестры больше не будет звучать...

Лежала ли она под обломками санитарного вагона, была ли она угнана красными в плен или расстреляна? Рапп хотел искать ее, чтобы сказать ей то, что он уже больше не смог произнести при прощании. Может быть, она ускользнула, сбежала в близкий, маленький лес, который рос вокруг базы...?

Все дальше поспешно удалялся медленно стихающий огонь.

- Путь взорван! – сообщает пост на контрольной платформе. Они уже снова выпрыгивают из поезда, начинают лихорадочно работать лопатами, руки таскают

новые рельсы, саперный офицер командует хриплым голосом, несколько человек забежали вперед, влезли с помощью железных «кошек» на столб и пытаются теперь укрепить провод на линии. Штык спешно обматывается соединительным проводом, втыкается в землю, телефонист напряженно слушает. Тихо. Связь нарушена.

Снова и снова скачут галопом мимо поезда рассеявшиеся донские казаки, некоторые из них безжизненно висят в седлах, истекая кровью. За ними сразу же должны следовать красные в неистовой спешке.

Дрожащие руки саперов нетерпеливы, лишь их опытный офицер не теряет спокойствия. Уже в пулеметы заправлены ленты, каждый ожидает приближающегося врага. Лишь медленно поезд движется дальше, взорванный участок теперь остается за ним.

Залитый солнцем летний день лежит над степью.

Рапп не отставляет полевой бинокль от глаз. Он смотрит на далекие пространства, обыскивает опушку леса, и на его измученном лице возникает скверная, некрасивая улыбка. Он знает, что это напрасно. Колеса под ним грохочут, толстый дым локомотива укутывает его снова и снова – так проходит время.

- Мост взорван! – снова кричит голос с передней платформы. Опять солдаты выпрыгивают из поезда. Хоненко бежит вперед в сторону моста, рядом с ним саперный офицер. Они видят, что им понадобятся две или три недели, чтобы отремонтировать мост. Это слишком долго, это невозможно, красные могут нагрязнуть в любую минуту.

- Поезд нужно взорвать!

Так же поспешно они приступают к последней работе. Теперь красные приближаются, выныривая группами из-за близкого холма. Бронепоезд, его пулеметы, пушки, винтовки, все открывает по ним ураганный огонь, не целясь, не раздумывая, для картечи используется все, что может вылететь из ствола, и не отклониться в сторону. Лошади ничего не могут сделать против орудий и брони, красные быстро заметили это и, делая большой крюк, убегают на юг.

- Это были наши последние снаряды.

- Но теперь у нас есть, по крайней мере, несколько лошадей.

Все еще отдельные казаки проходят мимо, это в основном раненые, некоторые ведут за собой вторую, третью лошадь погибших. Хоненко останавливает их,

пулеметы и раненых грузят и отправляют вперед. Остальным придется идти пешком, после того, как они взорвут поезд.

Они заложили динамит под колесами, повредили замки орудий, заминировали паровоз, все нужно сделать очень быстро, красные могут вернуться в любой момент.

Теперь разряжаются патроны! Весь поезд, кажется, утонул, локомотив ложится на бок с оглушительным шипением. Только теперь опускаются руки людей. Их бронепоезд... они любили его. Их дерзкие, славные поездки, крестовый поход за отечество... всё, конец.

Молча они приступают к маршу, их тридцать человек. Они перегружены боеприпасами и винтовками, это их единственная надежда ускользнуть. Куда? Куда-нибудь на юг, к исходному пункту их первой поездки.

Они идут и ищут. Они ищут своих рассеявшихся товарищей из резервной команды. Если они ускользнули от нападения на базу, то они могут идти только одной этой дорогой – на юг, вдоль железнодорожного полотна.

Рапп больше не смотрел вдаль, он больше не искал. За него это делал товарищ, которому он дал свой бинокль.

В раздумьях Рапп склонил голову. Все больше его мысли судорожно концентрировались вокруг последнего прощания с Алексой. Он проклинал себя за то, что перед отъездом он так и не сказал ей ни одного ласкового слова, когда она стояла внизу на железнодорожной насыпи, темной ночью, одна. У нее было предчувствие, что она больше не встретится с ним... Ее маленький крест... Он провел грязной рукой по груди – крестик все еще был с ним.

- Ваня, – хлопнул его по плечу Хоненко, – тебе опять не хватает парочки красных, чтобы взбодриться, или как? Но надо надеяться, что они появятся не так скоро, люди полностью измождены.

- Я упрекаю себя. Я был к Алексе...

- Ты прав, Рапп, упрекай себя. И в следующий раз делай это лучше.

- Я был к ней часто несправедлив, но мы все обречены на скотскую жизнь, так что тут удивительного? Однажды она была малодушной и просила меня, чтобы мы все-таки вернулись в Германию, у нас там было бы все для жизни. Много месяцев ее отец больше не писал ей, даже тогда, когда мы были в Таганроге. Я не мог слышать это, Хоненко, и говорил с ней очень грубо.

- Только если она не объявится через две или три недели, ты можешь пасть духом.

- А где мы тогда будем? Вероятно, мертвы или окажемся где-нибудь далеко, каждый день на новом месте, и она не найдет меня.

Хоненко молчал. Рапп был прав. Они шагали дальше, все время вдоль железнодорожной насыпи – они все больше не искали.

К вечеру луна поднялась над степью. Ночь была теплой, и степная трава пахла сытой землей. Лежащее сбоку село светилось своими белыми хатами-мазанками. Хорошо знакомый запах родины и их прежних владений встречал их – молодой, свежий укроп.

Село казалось вымершим. Сюда приходили то красные, то белые, одни прогоняли других, и каждый отбирал у крестьян последнее. Сельского старосту вытаскивали из дома, он должен был дать им лошадей.

- Братцы, – сетовал он, – ну откуда же я могу их взять? Я вам Богом клянусь, у нас ни одной лошади нет. Вчера, это было к полудню, мимо нас тоже проскакали белые. У них были еще сытые, свежие лошади и продовольствие.

- Откуда они пришли? Что это были за войска?

- Я в этом ничего не понимаю, ваше благородие, но шли они с того же направления, что и вы с вашими людьми. Они вроде бы говорили, что они были с базы бронепоезда, на которую внезапно напали красные.

- А женщина среди них была? – спросил Рапп, и его сердце замерло.

- Женщина с поваром. На поваре еще был белый халат, и несколько солдат сопровождали их.

Рапп нашел Алексу.

Полковник Хоненко получил новый бронепоезд. Те же самые руки снова соединили его, и снова его пулеметы и орудия должны были извергать смерть и уничтожение на врагов.

Маленький домашний очаг, который Алекса создала своему любимому и его друзьям в старом вагоне офицерского клуба, погиб в пожаре. Но лишь коротко отдыхали после этого ее израненные, огрубевшие руки. Они, как казалось, сначала потеряли последнее мужество. Но радость встречи, новая надежда снова

вспыхнула в ней и заставила ее рьяно помогать общей работе. Она обустроила также новую базу. Может быть, и она тоже снова будет уничтожена, вместе со всем, что она с помощью своих мыслей и своей любви собрала в этих стенах для Раппа и других бойцов? И все же благосклонная судьба до сегодняшнего дня хранила этих друзей от смерти. Будущим были Рапп и жизнь. Смерть была бы концом для него и для нее.

Они отступали, непрерывно, на Кавказ, потом в Крым. С той же самой быстротой, с которой когда-то наступали белые, красные теперь рвались на юг. Они снова захватывали город за городом.

Наступила осень 1919 года. Высоко стояло зерно на полях, никто его не жал. Экипаж бронепоезда почти не покидал вагоны. Они стали их родным домом. В них солдаты сражались, ели, спали – и умирали.

Алекса стала совсем непритязательной, осознанно, не сопротивляясь этому. Без зависти она смотрела на женщин и девушек в тыловых городах, как они наряжались для своих мужей и кавалеров, носили красивые платья, пользовались дорогими духами и обладали чудесными длинными ресницами. Для Алексы была только одна косметика – холодная вода. Когда она сидела поблизости от базы и ей больше не нужно было заботиться о больных, тогда она собирала полевые цветы в степи или в лесу, возвращалась с большими букетами в помещение офицерского клуба в вагоне, и украшала его для всех этих мужчин, глаза которых светились, когда они видели немецкую сестру, могли подать ей руку, слышали ее спокойный голос. В застиранной блузке, в куртке, которая уже давно утратила свой прежний цвет, или в петлице ее незаменимого кожаного пальто тогда был василек, цветок мака или большая маргаритка.

Она была близким другом этих мужчин. Они говорили с нею обо всем, суровым и грубым тоном, с выражениями, которые употребляют мужчины, для которых смерть ничего больше не значит. Эти простые казаки, едва умевшие читать и писать, кандидаты в офицеры, бывшие офицеры генерального штаба и офицеры-фронтовики, они брали тогда ее руку и начинали говорить с ней, как с товарищем, взгляд на жизнь которого не обнаруживал ни малейшей тени колебания, с женщиной, перед которой жизнь безжалостно и грубо раскрыла все свои тайны и мучения.

Алекса сидела рядом с ними и молчала. Этим мужчинам, которые каждый день на своем бронепоезде уходили в бой, не нужны были какие-то слова утешения. Они говорили с ней – это было все.

И когда кто-нибудь из них умирал в тесных стенах этого серого чудовища, последний его взгляд был направлен на немецкую сестру, которая держала его руку и клала его голову к себе на грудь. Последние его слова предназначались ей. В большинстве случаев это была просьба сообщить о его гибели тем, кто сопровождал умирающего всю свою жизнь, а сейчас бесприютно скитался где-нибудь.

Капля за каплей ложилось горе этих мужчин на душу девушки, и ей часто казалось, что и ее путь на пороге этого бронепоезда тоже должен был когда-то закончиться. То, что лежало вне этих бронированных стен, представлялось ей чуждым и нереальным. Она больше не испытывала страха смерти и не боялась видеть, как умирают другие, но она боялась жизни вне этой общности.

Рапп в ее представлении все больше становился непобедимым титаном этой ожесточенной братоубийственной борьбы. Его когда-то ярко-синие глаза были теперь серыми и холодными, белокурые волосы стали бесцветными и свалывшимися, одежда была небрежная и разорванная. В одежде начали заводиться паразиты. Часто у них целыми днями не было времени даже умыться. Они все были похожи на дикарей, окруженных современной техникой взаимного уничтожения.

Вечером Рапп, смертельно усталый, лежал на топчане, и Алекса присаживалась к нему. Они говорили мало, а если и говорили, то в большинстве случаев о всяких второстепенных вещах. Но каждый из них чувствовал близость другого, теплое соприкосновение руки, щеки. Потом он засыпал, и колеса катились в ночи, в новый бой.

Генерал Деникин не смог удержаться долго также в отрогах Кавказа. Он эвакуировал остатки своей армии по Черному морю в Крым и передал главное командование над всеми еще сохранившимися войсками генералу Петру Врангелю, которого на английском миноносце привезли из Константинополя в Крым.

Бронепоезд Хоненко носился по югу России. То здесь, то там его окружали красные, повстанцы и банды «революционных» разбойников, которые в эти дни нового, полного крушения искали себе добычу. Под защитой бронепоездов остатки белых армий все больше пробивались в Крым и собирались там.

«Русский народ, помоги мне спасти твое отечество!» – раздавался призыв генерала Врангеля. На слова уважаемого воина снова откликнулись все те, кто видел в этом высоком, стройном человеке в казачьем мундире последнюю надежду на успех.

В Крыму Врангелю удалось с невероятной быстротой реорганизовать армию.

Когда Германия капитулировала, когда ее старые границы на востоке были полностью уничтожены, тогда Польша вышла на сцену, чтобы добиться нового господства.

Маршал Юзеф Пилсудский – основатель Великой Польши!

Но на его пути к власти лежит красная Москва.

Вождь польского национального движения внимательно следил за всеми событиями в России. Великая и неделимая Россия, возрождение которой как раз и было желанием белых генералов, была для поляков не менее опасна, чем красная Россия, которая в любую минуту может уничтожить польские силы.

Лучше против большевизма! – думает маршал и решает принять поединок против еще слабого Кремля, чтобы одним решающим ударом возвысить Польшу до великой державы, которая должна простираться от Балтийского моря до Черного.

Один только приказ, и 60 000 штыков и сабель бросаются на Красную армию. Симон Петлюра, национальный вождь Украины, присоединяется к Пилсудскому.

Их наступление – сплошное триумфальное шествие. Польская и украинская армия уже отбросили красных за Киев. Генерал Эдвард Рыдз-Смиглы и Петлюра во главе авангарда занимают Киев.

Но красный Кремль не сдался. Диктатор Ленин приказал перейти в контрнаступление. Знаменитый бронепоезд Троцкого действует снова.

Даже те люди, которые не служили большевикам, сразу вызвались пронзить русским штыком старого заклятого врага Польшу, форпост капиталистической Европы, да так, чтобы острие этого штыка через Варшаву дошло до самого Рейна!

Михаил Тухачевский, гвардейский офицер, прозванный «Мишкой», становится командующим трех красных армий.

«На горе всем мы разожжем красный пожар в Европе! Проломим фронт в Европе!»

Красный Кремль атакует! 150 тысячам поляков, в том числе 15 тысячам кавалеристов, противостоят 180 тысяч красных с 30 000 всадниками.

«Даешь Варшаву! Даешь Польшу! Долой коридор! Растоптать его копытами красных коней!» Как один человек кричат это красные вожди и Красная армия.

Со ста тысячами штыков Тухачевский прорывает фронт. Один город за другим падает в его руки, и красные, у которых закружилась голова от легких побед, снова и снова кричат: «Даешь Варшаву! Даешь Польшу! Даешь всю Европу!»

Паника охватила поляков, парализующий ужас тяготеет над отброшенной назад, разваливающейся польской армией, которая теперь потоком откатывается к Висле. Вся Европа уже видит, как красный штык пробьет уничтоженную Польшу. Опасность растет, так как Красная армия с темпом наступления 50 километров в день продвигается на запад. Ленин уже хочет разрезать карту Европы так, как ему будет угодно.

Тогда Франция посылает в Варшаву одного из самых способных офицеров генерального штаба Максима Вейгана и штаб офицеров генералиссимуса Фердинанда Фоша.

Англия предлагает свои услуги посредничества для достижения мира.

Большевизм громко объявляет миру свои условия: «Версальский договор и хуже для всей Европы!»

Тухачевский уже перед Варшавой. Приближается последний час – уничтожение!

Семен Буденный, командир красной конницы, тоже направлен туда, чтобы ускорить решение всей силой своей кавалерии. И другие надежные красные командиры Гражданской войны также движутся к Варшаве.

И тут генерал Врангель, забытый Антантой, атакует красных из Крыма. Его армия еще окончательно не снаряжена, но он больше не может позволить себе ждать.

Армии Третьего Интернационала стоят перед Варшавой. Телефонные провода лопаются от приказов и взаимной ругани, командиры не могут согласовать свои действия, так как победа и уничтожение врага так близки, и каждый из них хочет добиться этого.

«Чудо на Висле!» Действительно, именно чудо совершил маршал Пилсудский с генералом Вейганом. Он догадался о последнем наступлении Тухачевского, и благодаря генералу Врангелю, который отвлек значительные части Красной армии на Крым, полякам всего в двадцати километрах от Варшавы удается нанести врагам решающее поражение.

Назад, все дальше назад текут красные.

Европа еще выдержала.

Кремль знает теперь только одного врага – Врангеля!

«Все на борьбу с Врангелем! Отомстим за поражение под Варшавой!» Таков новый лозунг Москвы.

Еще раз глаза мира смотрят на маленький Крым, где должна решиться судьба огромной русской империи.

Также бронепоезд Хоненко снова переходит в наступление. Это весна 1920 года.

Врангель побеждает, красный фронт ослаблен, так как все имеющиеся в распоряжении большевиков войска были брошены на Польшу. Врангель продвигается вперед, снова захватываются деревни и города, которые теперь уже в шестой раз за эти страшные годы меняют владельца. Бронепоезд Хоненко всегда стоит под парами, неумоимо едет он от одного боя, от одного прорыва к другому. На целые дни они должны оставлять базу, и Алекса со страхом ждет гудка возвращающегося поезда, ждет первого приветствия Раппа, когда он, грязный и смертельно истощенный, вылезает из своего броневагона. Часто они далеко отрываются от собственной пехоты, отправляя вперед только казачьи дозоры, чтобы быстро разведать, проходим ли участок. Часто войска справа и слева от них атакуют какую-то деревню, укрепленную позицию, и бронепоезд своими пушками и пулеметами определяет победу.

Ясное летнее утро. Офицерский полк, состоящий преимущественно из бывших царских офицеров и юнкеров, марширует в авангарде рядом с железнодорожной насыпью. Старые и молодые полковники ведут его. Во главе шагает старый генерал. Он идет широкими, тяжелыми шагами и опирается на палку, его зубы твердо кусают неизменную трубку. Он часто был ранен, его позвоночник поврежден, и потому ему трудно держаться прямо.

Генерал Волков скачет им навстречу вдоль железнодорожной насыпи. С тех пор как тогда его дочь Ольга в последний раз безмолвно попрощалась с ним, чтобы умереть, как его сын, как его жена – с тех пор генерал стал совсем белоснежным. Лицо его, кажется, застыло.

Усталая лошадь сильно покрыта пеной, он поворачивает голову к молодым, уверенным юнкерам, кричит им что-то. Но те ничего не могут расслышать из-за шипения локомотива. Медленно бронепоезд подъезжает к отряду.

Глухой выстрел. Высоко наверху с треском взрывается шрапнель.

Начинается сражение.

Офицерская часть выстраивается в цепь и идет в атаку, спокойно, как на учебном плацу, без спешки. Отряд исчезает за холмом. Бронепоезд подъезжает, все солдаты на своих местах, пушки заряжены. Рапп снова на посту наблюдателя на передней платформе.

Перед ним лежит деревня. Белым цветом светится церковь, и крест сияет над ней. Перед церковью стоит большевистская батарея и бессистемно стреляет в направлении железнодорожной насыпи. Но снаряды все время ложатся с перебоем. Огонь из винтовок и пулеметов на лугах и полях становится все сильнее. Пули свистят вокруг Раппа, иногда пуля с твердым, звонким лязгом бьет в бронированную стенку. Бронепоезд пока молчит.

Белые залегли на землю. У них здесь хорошее укрытие, и они ждут, пока подвинется их легкая батарея. Перед ними лежит маленькая, заболоченная река, им нужно ее обойти. Красные стреляют как сумасшедшие. Теперь уже красная батарея пристрелялась. Посреди цепей белых стрелков взрываются снаряды и выбрасывают в воздух высокие фонтаны черной, комковатой земли.

Тогда Хоненко приказывает открыть огонь. Одно из двух корабельных орудий гремит, тяжелый снаряд с низким звуком вылетает из ствола. Уже через мгновение вражеской батареи не видно, огромное облако накрывает полдеревни. Рапп наблюдает. «Недолет!» Красные орудия продолжают стрелять. Видно, как белые относят назад раненых со своих позиций. Как осиный рой свистят и поют теперь пули вокруг бронепоезда.

- Второе орудие – огонь! – командует Рапп.

Оглушительный гром!

В первый момент он не знает, что это: попадание собственного снаряда или вражеская шрапнель, которая разрывается прямо над его головой. Он плотно прижимается за бронированной стенкой. Вокруг него настоящий град пуль. Потом взгляд вперед – что же произошло? – Там, где стояла вражеская батарея, поднимается огромное черное облако, из которого раздается продолжительный

грохот и треск. Вверх взметается красное пламя – попадание в штабель ящиков со снарядами. Вражеские пушки молчат.

В этот момент по проселочной дороге подвозят белую полевую батарею, совсем без прикрытия. Вражеские пулеметы лают как неистовая свора, кадеты устанавливают орудия на позиции, заряжают их, измеряют дистанцию. Не прошло и полминуты, как первый снаряд уже несется к околице, во вражеские траншеи.

И одновременно всюду, из высоких хлебов, за кустами и полевой межей, поднимаются царские офицеры, старые и молодые, здоровые и больные, генералы и юнкера, и идут вперед, рассыпаясь в цепь, прижав винтовку к боку. Часть их не хочет сначала обходить реку и бросается прямо в заиленную воду, переходит вброд и плышет.

- Огонь! – командует Рапп. На этот раз снаряд взрывается посреди деревни. Красные думают, что черт вырвался у них за спиной. Снаряды белой артиллерии взрываются в их рядах, и бронепоезд теперь снова начинает двигаться. – Полный ход! – кричит Хоненко. – Все к пулеметам!

И как огнедышащая змея поезд врывается в деревню, настильным огнем покрывает позиции противника, за одну минуту очищает вокзал, едет обратно – но тут красные уже исчезли. На краю деревни стоят белые и берут последних красноармейцев в плен.

Красные бросили свои пушки, их обоз хаотично убегает куда-то далеко за поля, где-то среди бредущих беженцев. Деревня взята, офицерский полк входит в нее.

В деревне нет ни одной живой души. На улицах лежат трупы. Царит жуткая тишина, только время от времени еще слышится выстрел.

Рапп идет с Хоненко по деревне, они встречают генерала Волкова, который пожимает им руку и собирает часть. Потом они стоят перед несколькими трупами, разбросанными в стороны прямым попаданием в повозку со снарядами. Кем они были? Зачем они все еще боролись, после четырехлетней войны? Борьба не на жизнь, а на смерть?

У хаты на рыночной площади, где наскоро расположился штаб, стоит группа пленных командиров Красной армии. Хоненко замечает одного своего знакомого. Он смотрит на него с самым глубоким презрением, страшное ругательство летит в бледное как смерть лицо бывшего товарища. Если бы здесь не было

охраны штаба генерала Волкова, то Хоненко, вероятно, вытащил бы револьвер и разделался бы с красными без церемоний – как Ирина Штрессер.

Тогда генерал Волков выходит из хаты. Он безмолвно идет вдоль ряда пленных, каждому он резко смотрит в глаза. Потом он отворачивается и через плечо бросает своему адъютанту: – Передать военно-полевому суду!

Теперь красные начинают оправдываться, они кричат все одновременно, они знают, что речь идет об их жизни.

- Нас насильно заставили. Наши семьи в руках комиссаров как заложники. Нас всех бы расстреляли, если бы мы не пошли в Красную армию!

Волков рассматривает их молчаливо, каждого по отдельности. Он знает из бесчисленных примеров, что они говорят правду. – А вы хотели бы сражаться на нашей стороне, против красных? – внезапно спрашивает он.

Не у всех это вызывает настоящее воодушевление, скорее это лишь надежда, что их не поставят к ближайшей стенке. Но все соглашаются, срывают с себя красные знаки и кокарды и распределяются по отдельным подразделениям.

Вечером в церкви собрался офицерский полк. Также команда бронепоезда была там, и некоторые из бывших красных командиров. Они публично просили прощения. Глубокая благоговейная атмосфера покаяния воцарилась на несколько минут в деревенской церкви. Также некоторые из крестьян снова появились, испуганно они жалась в углах, скользили на каменном полу перед алтарем. Некоторым из них было за что каяться, ведь им тоже пришлось совершать измену против измены.

Вечером, когда Рапп уже где-то улегся, чтобы недолго поспать – база бронепоезда могла последовать за бронепоездом только на следующий день – он слышал из разных хат, как более старые крестьяне стегали молодых нагайкой. Это был домашний самосуд над поддавшимися большевистской агитации парнями, которые сражались на стороне красных.

Поддержанным непрерывными атаками Врангеля полякам удалось «Чудо на Висле». В Риге начались мирные переговоры с врагом.

Но то, что было спасением для Польши, означало гибель для Врангеля. Теперь лучшие красные полки освободились и направлялись на Крымский фронт.

«Все на борьбу с Врангелем!» – звучал лозунг. Форсированными маршами, стягивая последние резервы, Красная армия концентрировалась на юге. Врангель должен был быть уничтожен, иначе большевистской России не будет покоя.

У бронепоезда было несколько дней отдыха, база была подтянута, можно было почистить орудия и пулеметы, пополнить запасы боеприпасов и продуктов. Каждый чувствовал, что это спокойствие было лишь мнимым, что новая атака могла произойти в любую минуту.

Алекса сидела у Раппа. Санитарный вагон был пуст, так как всех раненых можно было отправить в тыл. Товарищи приходили и уходили, и никто, кажется, не обращал внимания на них двоих.

Он долго смотрел на нее. Она обстригла себе волосы по-солдатски, это было практичнее и не требовало большого ухода.

- У тебя теперь совсем другое лицо, Алекса, – сказал он. – Без волос ты выглядишь гораздо моложе. Да, – засмеялся он, как будто бы он даже был рад этому, – вши съедают нас. Мы уже заразили ими и базу.

- Это не так уж ужасно. Вши – типичное сопутствующее явление любой войны.

- Даже так, ты думаешь? И в скольких войнах ты участвовала? У тебя, кажется, большой опыт! – он снова рассмеялся.

- Но Ваня, дорогой, война без вшей? Даже у полковника Бодмера они были.

- Хоненко засунул свою первую вошь в ствол винтовки и потом выстрелил. Я никогда еще не видел нашего Василя таким удивленным. «Вши – это же домашние животные, они даже греют людей», сказал он тогда очень возмущенно.

Рапп положил руку на ее коротко подстриженную голову, и его рот склонился низко к ее рукам.

- Начинается!

Василь распахнул дверь.

- Господин полковник просит немедленно прибыть к нему на совещание.

- Любимая...

Он уже исчез.

Перед бронированным локомотивом стоял Хоненко с картой и вокруг него его команда.

- Ситуация выглядит следующим образом: конница Буденного появилась на нашем левом фланге. Генерал Врангель принял решение окружить красную конницу и уничтожить ее. Наш бронепоезд получил задание при любых обстоятельствах помешать прорыву красных назад по железнодорожной линии на север, где находятся главные силы красных. Вот так! Дать сигнал к отправлению!

Эта ночь очень темная и тихая. Но еще чернее ночи контуры бронепоезда, который медленно приходит в движение и ускользает почти беззвучно.

База остается.

Все дальше катится серо-черное чудовище, пока с рассветом не достигает указанного на карте Хоненко места. Поезд останавливается в засаде за склоном. Пар убавляют. Поезд стоит и ждет. Четыре 75-мм пушки, двадцать пулеметов напряженно ждут свою добычу.

Хоненко приказывает одному поручику надеть металлические «кошки», залезть на телеграфный столб и оттуда наблюдать. Солдаты в приподнятом настроении, они верят в свою удачу и успех.

Вдали слышен злой грохот орудий.

Казак-ординарец скачет сюда галопом. Он кричит, сложив руки у рта: – Приказ командира части! Двигаться дальше и остановиться на перекрестке двух дорог, которые проходят мимо железнодорожной линии. Командир просит обратить особое внимание на это пересечение дорог, так как он сам получил приказ заманить кавалерию красных на это место.

Полным ходом бронепоезд едет к указанному месту.

Уже тархтят вдали пулеметы. Появляются четыре самолета, они летят необычно низко. Из них тоже бьют тяжелые пулеметы. Под ними неистово несется огромное облако пыли, в нем можно разглядеть фигуры отдельных всадников. Они все приближаются. Можно отчетливо видеть, что красные мчатся как раз к тому перекрестку двух дорог, который бронепоезд должен накрыть своим огнем.

- По местам! Бронепоезд к бою готов! – командует Хоненко. – Дистанция тридцать...

Эти секунды кажутся вечностью, когда останавливается дыхание. – Огонь! Бронепоезд раскрывает свою огненную пасть. – Двадцать пять! Огонь!

Всадники валятся с коней, начинается полный беспорядок. – Двадцать! Беглый огонь!

Из всех люков и амбразур гремит гром навстречу красным, летчики кружатся на высоте едва ли ста метров над ними и засыпают их градом пуль, между ними взрываются снаряды пушек бронепоезда.

Дорога, спасение красных, заблокирована, они не могут перейти ее, хотя все новые всадники напирают.

Руки лихорадочно работают, стреляют, заряжают, стреляют, заряжают, пулеметы лают непрерывно, вода в охладителях кипит; широкие ладони солдат на гашетках выпускают одну очередь за другой по падающим на землю всадникам. Теперь те находятся всего в ста метрах от бронированных стен. Стволы раскалились; даже не целясь, пушки стреляют просто в кучи всадников и животных.

Красные применили здесь восемнадцать кавалерийских полков, в сопровождении нескольких батарей, которые должны были сначала выдвинуться против Польши. Их задачей было нанести очень мощный и неожиданный удар с фланга по армии генерала Врангеля, прорваться далеко в ее тыл и отрезать перешеек Перекоп, самый важный доступ в Крым. Но генерал Врангель своевременно распознал планы красных и сорвал их своей собственной инициативой. Красная конница была окружена со всех сторон и уничтожена почти полностью. Контратака белых оказалась такой неожиданной, что они смогли захватить в плен тысячи всадников и заполучить их лошадей.

Бойня заканчивается. По степи вперемешку лежат трупы на трупах, между ними носятся бесхозные кони. Глубокая траншея у железнодорожной насыпи наполнена мертвецами.

Хоненко приходится отрывать руки Раппа от гашетки пулемета, они так судорожно сжали ее, как будто не могут больше ее отпустить. Он расстегивает ему воротник рубашки, потом поливает голову Раппа водой.

Хоненко кратко благодарит своих подчиненных и отдает приказ о возвращении на базу.

- Она уже машет, она ждет нас, – говорит полковник по прошествии некоторого времени и дает свой полевой бинокль Раппу, когда они подъехали к базе.

- Я знаю, – отвечает друг, – и ты это тоже знаешь. Она ждет нас, всегда. Она всегда с нами, с нашим поездом.

Они начинают махать. – Смотри, Ваня, как радуется Алекса. Она нас встречает с цветами!

Она стоит перед грозным бронепоездом, ее тонкое лицо обрамлено белым чепчиком, в руках она держит огромную охапку больших маргариток. Машинист паровоза замедлил ход, Рапп высовывается далеко наружу, и вот он уже поднял девушку в вагон.

- У, грязнули! – пытается шутить Алекса, хотя все видят ее большое волнение. – Вот, тебе цветок, и тебе тоже...

С одного вагона на другой солдаты перебрасывают друг другу маргаритки.

Появляется солидная бутылка водки. – Это уже которая по счету? – она смотрит на мужчин по очереди. – Никто из вас не пьян. Это меня удивляет!

- Пей, Алекса, у тебя есть право первенства.

И Хоненко подает ей бутылку, которую девушка приставляет ко рту.

Но потом она сильно плюет с края движущегося поезда. – Это ничего для дочери моего отца.

- Я кое-что принес тебе, сестра Алекса.

Василь долго копается в кармане, и другие с любопытством смотрят на него. – Это может быть только в этом кармане, так как другие разорваны. Тогда англичане прислали нам не особо хорошую форму. – О, вот же он! Орден! От красного командира.

- О, Василь, даже от командира!

- Ну да... что-то в этом роде похожее, – она прерывает Василя и смотрит на офицеров.

- Ну, да, да, это как раз что-то в этом роде похожее. – И Хоненко хлопает его по плечу.

Радость победителей была недолгой. Начались новые, страшные атаки.

Спустя несколько дней начался окончательный отход армии Врангеля.

Почти каждый в Белой армии участвовал в Мировой войне и с начала 1918 года в Гражданской войне против красных. Их силы очень уступали значительно большей в численном отношении армии Советов, которую всегда могли бросить против Врангеля, а свои понесшие потери части могли отправить далеко в свой тыл.

Войска Врангеля больше не были достаточно стойкими, чтобы выполнять свои задачи после этих бесчисленных недель и месяцев почти непрерывной борьбы. С напряжением последних сил Врангель попытался теперь изгнать красных из своего тыла после их прорыва и обеспечить своим окруженным частям отступление в Крым.

Испытанный в боях бронепоезд Хоненко под названием «Офицер» стоял на вокзале города Мелитополя, на удалении ста километров от Крыма, поезд командующего генерала Волкова находился рядом на параллельном пути. Всего в нескольких шагах от него остановилась также база бронепоезда.

Снаружи царил жуткий мороз. В этом году такой сильный холод совершенно неожиданно вторгся в южную Россию и уже покрыл все окна вагонов толстой коркой льда. Сильный ветер непрерывно свистел, никто не решался дотронуться рукой до бронированных стен. Самой большой заботой Хоненко и его саперных офицеров было обеспечение паровоза достаточным количеством топлива, чтобы тот мог длительно стоять под паром. Ни одна из подводящих труб не должна была замерзнуть. Смена охраны на бронированных платформах происходила каждый час.

В вагоне офицерского клуба уютно и тепло, сегодня электрический свет, питаемый от магистральной линии вокзала, горит исключительно хорошо. Вечер. Алекса, Рапп, Хоненко и другие офицеры сидят вокруг круглого стола и болтают. Бывший известный певец Мариинского театра, теперь коротко подстриженный и одетый в английскую форму, садится за пианино. Легко скользят его огрубевшие руки по клавишам, он поет старую знакомую песню: «Замело тебя снегом, Россия...» Они все молчаливо сидят и внимательно слушают, и тоска просыпается в них. В их мыслях перед ними возникают картины, которые они уже давно считали забытыми.

Но едва эти грустные звуки затихли, как певец начинает уже дикую плясовую песню. Они поют о казаках, их атаманах и разбойниках, которыми они теперь стали сами.

В белом фартуке и дерзкой кавказской шапке заходит повар. Его появление вызывает радость. У парня хитрое лицо и непреодолимая способность шептать офицерам на ухо о самых утонченных и самых изысканных блюдах.

- Ну, Николай, чем ты хочешь порадовать нас? И что мы сможем есть завтра?

- Как насчет шашлыка, господин полковник, по-кавказски? Знаете, поджаренный со всех сторон на вертеле, много раз повернутый, политый, специями только немного посыпанный, – и пальцы мужчины сопровождают его слова, – сначала на очень большом огне, тогда поры мяса закрываются, сок остается в нем, и затем остается только тлеющий маленький огонь, совсем небольшой, и немного дыма.

- Ну, тогда слава Богу! – смеется Рапп. – Другими словами, Николай, если сейчас есть шашлык, то это значит, что та повозка с яйцами, которую мы тогда захватили у красных, наконец уничтожена. Ты целыми днями давал нам на каждого по пятнадцать яиц!

- Так точно, повозка яиц съедена.

- Алекса, – поворачивается к ней Хоненко, – что ты думаешь о кавказском шашлыке?

- Господин полковник! – Внезапно дежурный офицер подошел к Хоненко и прерывает радостное настроение присутствующих серьезным выражением своего лица. – Командующий генерал Волков просит вас срочно к себе.

Хоненко вскочил, он быстро надевает свой овчинный тулуп. Рапп помогает ему в этом, подает ему ремень с револьвером и большую казачью фуражку. Дверь громко захлопывается, веселое настроение исчезло.

Ледяной ветер бьет в лицо Хоненко как кнутом. В полумраке отдельных электрических ламп мало что можно увидеть. Он продвигается ощупью между сцепленными вагонами, все дальше, затем он стоит перед вагоном командующего генерала. Часовые отдают ему честь, он поднимается на три ступеньки и уже видит в тесной двери пульмановского спального вагона растерянного молодого офицера, кубанского казака. Это адъютант командира. Его лицо бледное, невыспавшееся и усталое. – Генерал Волков ждет вас, господин полковник.

И он стучит в дверь смежного купе.

Телефон и телеграфные аппараты стоят у стен, карта генерального штаба, перед ней генерал Волков, стройный и высокий, возле него начальник штаба. Хоненко видит их серьезные, озабоченные лица. Их указательные пальцы скользят по большой карте.

- Ваше высокопревосходительство! – докладывает о себе Хоненко.

- Подойдите к карте, – говорит очень коротко Волков. – Настоящее положение следующее: сильные конные полки Буденного в нашем самом глубоком тылу. Они взорвали железнодорожную линию в Крым. Мы, таким образом, отрезаны от Крыма, значит, также от Перекопа. Мы должны безотлагательно атаковать эту конницу, осуществить прорыв, чтобы сначала прикрыть тыл нашим воинскими частям и большому количеству поездов с гражданским населением. Генерал Врангель приказал: Отход на всем фронте до Перекопского перешейка.

- Слушаюсь, ваше превосходительство!

- У полков донских казаков уже есть приказ атаковать противника будущим утром. Ваш бронепоезд должен оказывать любую поддержку казачьей коннице. Далее я отдал приказ, чтобы вас с бронепоездом сразу же как авангард пропустили на место прорыва красных и на занятую врагом станцию Новоалексеевка. Мой штабной поезд едет за вами.

- Слушаюсь! Мой бронепоезд может отъехать через десять минут.

- Хорошо, господин полковник, я благодарю вас. Наш прорыв должен удался. Помните, что за вами движутся тысячи беженцев. Езжайте с Богом!

Начальник штаба подводит Хоненко к выходу, но тот уже спрыгнул через три ступеньки и бежит к своему паровозу. Свет раскаленной топки бьет ему в лицо, и он чуть не столкнулся с осматривающим состав дежурным офицером.

- Поезд немедленно отправляется в направлении Крыма! – кричит он ему. – Боевую часть бронепоезда немедленно перенаправить в южном направлении. Нашу базу подцепить к бронепоезду и взять с собой!

Он бежит к вагону офицерского клуба, перепрыгивает ступеньки и уже стоит среди своих товарищей. – Господа офицеры, враг находится в нашем тылу перед Перекопом. Железнодорожная линия взорвана. Я получил приказ немедленно использовать бронепоезд и любым путем восстановить связь с Крымом.

Мы отъезжаем немедленно! Нашу базу мы берем с собой. Если ее обстреляют, то все переходят на боевую часть поезда.

Затем он молчит несколько секунд, в то время как глаза всех следят за его ртом и угловатыми чертами его лица. – Господа офицеры! За нашей спиной находятся тысячи беженцев. Мы их последняя защита. База будет переполнена ранеными. Дежурное отделение, – говорит он повышенным голосом, – на платформе! Я нахожусь на локомотиве.

Железная дверь захлопнулась за ним.

Ледяной, беззвездной ночью грохочут колеса черного чудовища. Все лампы выключены.

Огни станции появляются вдали, и скоро Хоненко через амбразуры видит, как поднимается сигнал: «Свободно».

Только чуть-чуть поезд замедляет ход. Возле паровоза бежит комендант станции и кричит: – Путь свободен!

Он уже остался сзади. Поезд проходит еще две станции, на третьей он останавливается. Вокзал переполнен сотнями людей, железнодорожных вагонов, повозок, лошадей, которые столпились в боязливую кучу.

- Господин полковник, связь со станцией Новоалексеевка прервана со вчерашнего дня! – кричит Хоненко комендант станции. – В восьми верстах отсюда железнодорожное полотно взорвано, Новоалексеевка занята красными, все близлежащие села тоже. У меня здесь горы продуктов, всевозможный материал и сотни беженцев, которые ждут здесь уже несколько дней. Куда мне всех их направить? У меня, к счастью, есть восстановительный поезд, который может произвести любой ремонт пути и железнодорожного полотна. Он в вашем распоряжении.

- У нас задача, – отвечает Хоненко и спускается с локомотива, – при любых обстоятельствах и любым путем проложить нам и беженцам дорогу в Крым.

Шепот, похожий на шум волны, пробегает над едва различимыми головами массы. – На рассвете, – слышно, как передают люди от одного к другому слова Хоненко, – конница донских казаков придет сюда. Мы вместе двинемся против красных.

Постепенно становится светлее. Сотни людей ждут, и, все же, тягостная тишина распростерлась над ними.

Начинается нереально прекрасное, возвышенное утро. На горизонте поднимается нежный свет, и ночной купол неба, кажется, раскрывается на востоке. Степь лежит, покрытая инеем вплоть до дальнего горизонта, белая, неподвижная, тихая. Прямо вверх поднимается дым из трубы локомотива.

На маленькой крыше паровоза можно отчетливо разглядеть силуэт Хоненко. Он смотрит в бинокль. Потом он приподнимает выше левый рукав, смотрит на часы.

- Приготовиться к бою!

Каждый услышал его голос. Беззащитные люди застывают. Только экипаж бронепоезда поспешно хлопчет, стволы орудий и пулеметов двигаются, поднимаются несколько выше... Хоненко все еще смотрит в свой бинокль. Кто это приближается сейчас к поезду: прорвавшиеся красные или донские казаки? Напряжение охватило всех. Все видят только своего полковника.

- Наши! Донцы! – кричит Хоненко. – Красные так спокойно не стали бы приближаться к бронепоезду.

В строгом порядке, с серьезными, почти неподвижными от холода лицами, конные сотни скачут к вокзалу и к бронепоезду. Впереди командир в сопровождении своих офицеров, в их середине флаг, который несет высокий, широкоплечий вахмистр. Громкое «Ура!» казаков приветствует товарищей с поезда. Они знают, что он поможет им в бою. Настроение у всех сразу поднимается, и бойцы даже обмениваются шутливыми словами.

Оба командира договорились. Авангард казаков сообщил, что красные еще спят. Поэтому их нужно атаковать немедленно. Бронепоезд поддерживает нападение. Раздаются приказы, казаки организуются, выстраиваются, бронепоезд двигается за ними. На параллельном пути отъезжает и восстановительный поезд.

Взорванная железнодорожная насыпь достигнута, поспешные руки уже принимаются за дело, и начинают лихорадочно работать. Артиллеристы наблюдают через прицелы.

Теперь издали слышен громкий крик «Ура!» казаков. Они уничтожают врагов в селах. Спустя короткое время красные батареи открывают огонь, но бронепоезд быстро заставляет их замолчать. Отдельные всадники несутся по сельским улицами, бросаются навстречу казакам, но обращаются в бегство и пулеметы бронепоезда косят их ряды. Враг бежит.

Лихорадочно работают саперы под защитой «Офицера». Все дальше поезд едет, медленно, с перерывами, чтобы снова останавливаться.

Но дорога еще далеко не свободна. Ежеминутно красные могут вернуться с новыми батареями и конными подразделениями. Наконец, станция Новоалексеевка достигнута. Она разрушена, вагоны разграблены, расстреляны, мука, сахар, продукты лежат рассыпанными по земле, среди них трупы немногочисленных защитников.

Двухпутная дорожная насыпь выдвигается все дальше вперед, саперы все еще работают с лихорадочной быстротой. Им помогают те, кто сейчас не нужен на другом участке. Хоненко снова стоит на маленькой крыше локомотива и всматривается в горизонт через свой полевой бинокль. Врага нигде не видно.

Рапп позже сменяет его. Алекса отчетливо может его разглядеть. Окруженная боязливymi людьми, плачущими женщинами и детьми, которых белые взяли с собой на базу, сама опасаясь нападения, она начинает надеяться. Может быть, это последняя дорога этих одиноких, сражающихся людей? Может быть, в конце этой дороги все же ждет избавление?

Полдень, они справились! Связь с железнодорожной линией в Крым установлена!

Непоколебимый в своем спокойствии, повар базы бронепоезда только что приготовил свой кавказский шашлык. Он сердится, потому что даже самые большие гурманы просто проглотили его жадно и поспешно, и даже не похвалили.

Поезд командующего генерала Волкова проходит по параллельному пути. В двери на пару секунд появляется стройная, высокая фигура старого воина. – Полковник Хоненко, я благодарю вас и ваших людей за этот успех. Но вы должны оставаться здесь, пока не проедут последние поезда. Как арьергард придут еще два бронепоезда. Они очень ограничены в своей боеспособности, так как везут бесчисленных раненых. Они потеряли свою базу.

Беспрерывно катятся поезда, бесконечные ряды грузовых вагонов, мимо ждущего бронепоезда, в большинстве случаев открытые товарные вагоны, переполненные беженцами. Рапп видит один вагон, на нем сложены замерзшие, окоченевшие трупы. И рядом с путями, насколько хватает глаз, тянутся одна за другой упряжки, окруженные возвращающимися донскими казаками, и необозримая масса людей, которые не смогли получить повозку. У них ноги обмотаны дерюгой, соломой и сеном, на превратившихся в бездонную грязь дорогах они мучительно плетутся вперед, ледяная вода и снег проникают сквозь одежду.

Дальше, все дальше, к Крыму, к спасительному перешейку. Кто отстает, тому конец. Многие падают и остаются лежать неподвижно. Они не ранены, не больны. Они лишь обессилели. То, что происходило тогда на Дону, когда белый фронт начал отступать после ухода немцев, было детской игрой в сравнении с этим последним отходом армии Врангеля и населения южной России. Каждый чувствует: это конец, и эта безнадежность делает все еще страшнее. Речь идет просто о жизни, о последнем, что осталось у них.

Час за часом проходит, тогда поток беженцев ослабевает. Поезда больше не приходят. Угрожающе пыхтит сюда первый бронепоезд. На его платформах, едва накрытые одеялами, соломой или брезентом, лежат раненые и умирающие. Они частично уже замерзли. Потом подходит второй бронепоезд, настолько поврежденный вражескими пулями и снарядами, что колеса его паровоза только едва могут крутиться. Из всех стыков вырывается пар, дымовой трубы нет, бронев вагоны превратились в сгустки льда. Также он переполнен ранеными.

Оба бронепоезда пропускаются, и лишь после них следует «Офицер».

Скоро наступит рассвет.

- Приготовиться к бою! Приготовиться к бою! – В грохоте катящейся стали наблюдатель постоянно кричит одни и те же слова.

Они ждут – красные не атакуют. Но прилетают первые снаряды! Они подтянули свои батареи! За ними поджидают в засаде их конные отряды.

Четыре пушки «Офицера» против четырехкратного перевеса!

Лучшие артиллеристы наводят орудия. На базе, на задней платформе установлены два пулемета. Василь командует ими.

Здесь, там, на удалении всего нескольких метров от бронепоезда, рвутся снаряды. Все дальше продвигается расстрелянный бронированный товарищ. Он почти достиг моста. «Офицер» следует за ним, останавливается, и артиллеристы снова стреляют.

Попадание посреди моста! Паровоз товарища подбит. На тонком краю опор моста смелые бойцы пытаются сбросить его вниз. Подъемный механизм грохочет. Жизнь всех других товарищей зависит от того, удастся ли им это, так как разрушенный локомотив заблокировал дорогу.

Красная артиллерия молчит.

Красная кавалерия атакует.

Призрачны, нереальны тени несущихся всадников. Только с короткой дистанции все двадцать пулеметов бронепоезда открывают огонь. Теперь также Рапп обслуживает один из пулеметов. Пулеметы на таком коротком удалении эффективнее пушек. Там он падает на мгновение, что-то попало ему в голову. Кровь течет у него по щеке. Но он быстро встает, оттесняет в сторону товарища, который хотел занять его место, стреляет дальше. Также подбитый бронепоезд стреляет. Вероятно, на нем остались лишь раненые, которые и обслуживают пулеметы.

Первый натиск отбит. Между тем враждебная артиллерия придвинулась поближе. Она хочет расстрелять оба остановившихся поезда. Однако она отважилась подобраться слишком близко. Два, три, пять орудий удается заставить замолчать.

С моста с треском летит вниз в воду подбитый паровоз. Теперь «Офицер» напирает сзади, все дальше, толкает перед собой бронепоезд, оставшийся без паровоза.

Прямые попадания ложатся на мост и в оба последних вагона базы. Как и приказано, личный состав базы под вражеским огнем переходит на бронепоезд. Алекса тоже поднимается в броневагон, со своей задачей заботиться о раненых. Бронепоезда продолжают стрелять.

Невидимые руки расцепляют сцепку двух последних вагонов. Новое попадание, еще одно. Под бронепоездом лежит глубоко внизу, зловеще, черная вода. И вот они уже за мостом.

Страшный взрыв потрясает воздух. В свете его зарниц рушится мост, на нем как раз еще отцепленные расстрелянные вагоны и... кое-кто из старых товарищей.

Наступает ночь, огонь умолкает.

В бесконечной дали вспыхивают звезды с чудесной ясностью. По ту сторону моста, на станции Чонгар, беженцы разожгли костры, у которых они попадали на землю, обессиленные.

Бронепоезд Хоненко взорвал большой Чонгарский мост.

Этот доступ в Крым уничтожен.

Но мост через Чонгарский пролив – это не единственный доступ в Крым. В одном месте, в семидесяти километрах к западу от Чонгара, этот полуостров связан с сушей перешейком. Древние укрепления, когда-то построенные турками против украинских казаков, блокируют этот доступ на цветущий, богатый полуостров. На перешейке лежит Перекоп, старинный турецкий замок. Тот, кто удерживает эту полоску земли шириной всего семь километров, тот владеет и всем Крымом. Потому что к западу от Перекопского перешейка разливается открытое Черное море, а на востоке простирается залив Сиваш, необозримый лабиринт мелей, мелких бродов, островов и болот.

Вероятно, что иногда, когда благоприятный ветер с северо-запада вытесняет воду из Сиваша на восток, какой-то охотник с его ищейками может решиться перейти эту опасную площадь. Но сначала он будет долго креститься и держать свой нос по ветру. Потому что если ветер внезапно переменится, то у охотника не будет надежды на спасение. Тогда вода с востока потечет под Чонгарским мостом назад через опасную поверхность, болота станут озерами, мели и острова исчезнут, а также весь бассейн между Чонгаром и Перекопом превратится в бурлящую, зловещую водную поверхность, «Гнилое море».

Белые знают об этом.

Красные знают об этом.

Тот, кто твердо держит в своих руках Перекоп, тот держит и Крым!

Сюда отступила большая часть армии Врангеля.

21 октября 1920 года эти замерзшие, ослабленные, деморализованные остатки белых заняли позиции у Перекопа и на Сиваше. Семнадцать линий проволочных заграждений лежали перед турецкими валами, через каждые пятнадцать метров стоял станковый пулемет.

Выходящая в Крыму газета «Вечернее Слово» писала 22 октября:

«В ближайшие дни красные попытаются атаковать Перекопский фронт, чтобы прорваться к своей цели. С нашей стороны мы можем только одобрить эту попытку красных.

Пусть они разобьют свои головы о крепость Перекоп! Не видать им Перекопа, как своих ушей. Но чем больше лучших красных полков будут уничтожены при этой попытке, тем быстрее полная деморализация охватит последнюю часть Красной армии. Чтобы защищать Перекопский перешеек, наша армия, соб-

ственно, слишком велика. Поэтому значительная ее часть сможет, наконец, отдохнуть после тяжелых осенних боев. Нет, большевизм будет побежден. И этот счастливый день больше не заставит долго себя ждать. О беспокойстве не может быть и речи!»

Но генерал Врангель знал горькую правду лучше, чем газетные авторы. И он эту правду сказал.

«Уже два последних месяца красные концентрируют все свои войска против Крыма. Две последние недели русская армия отражает натиск вдесятеро превосходящего ее врага. Раздетая, замерзшая и больная, она истекает кровью и, тем не менее, защищает последний клочок ее родной земли. Если чудо не произойдет, то очень близок тот час, когда эта почти безоружная и абсолютно обескровленная армия будет растоптана красной лавиной».

Читатели газеты не поверили генералу.

VIII

Совсем недалеко от Крыма, в знаменитом родовом имени семьи Фальц-Фейнов, в Аскании-Нова, посреди большого парка, лежит маленький, приветливый дом.

На календаре 27 октября 1920 года.

В воздухе отчетливо чувствуется близость моря. Хлещущий шторм лишил деревья их последних листьев. Маленькими кучками они кружатся по покрытому инеем парку.

Перед домом ждут несколько ординарцев. Парни удерживают беспокойных лошадей. Все молчат, бросают взгляды туда-сюда.

В этом доме находится штаб красного командующего Михаила Фрунзе. Сегодня он созвал в штаб красных командиров. Они сидят вокруг большого круглого стола, на котором лежит карта генерального штаба. То стоя прямо, то склонившись над столом или опершись на локоть, Фрунзе говорит. Его голос суров, нетерпелив. Его глаза снова и снова поднимаются к самым верным вождям большевизма, к надежным командирам гражданской войны Блюхеру, Ворошилову, Буденному, Корку, Каширину. Время от времени те утвердительно кивают головой.

- Враг отошел и спрятался в Крыму! – энергично говорит Фрунзе. – Последний ускользнувший в Крым бронепоезд полковника Хоненко взорвал за собой большой мост через Чонгарский пролив и защитил этот переход, прикрытый плотными проволочными заграждениями. На Перекопском перешейке лежит «Турецкий вал». Товарищи, мы все знаем, что только длящийся сутками, самый тяжелый артиллерийский огонь может уничтожить эти каменные массивы. Перед валом лежат семнадцать линий проволочных заграждений. Брать Перекоп лобовым штурмом, означает... заставить войска зря истечь кровью. Море белые засыпали минами. И все же мы сломим, сомнем Перекоп!

Кулак красного командующего с грохотом опускается на стол.

- Мы больше не можем допустить зимней кампании! – Ворошилов слегка поднял руку и говорит. – Мы не допустим это! Теперь враг деморализован, мы не можем позволить ему передышку. Ему нельзя дать возможность подтянуть резервы, потому что его резервы – это вся капиталистическая Европа. Кто тогда будет уничтожен? Мы! Только если белые будут изгнаны из Крыма, большевизм сможет окрепнуть и приступить к мирной восстановительной работе.

- Партия за наступление! – Широкие руки Блюхера сжимаются в массивные кулаки, и темные глаза вспыхивают. – Самые радикальные и самые фанатичные сыновья большевизма присланы сюда, курсанты красной военной академии. Все они за наступление. Решение должно быть принято, а жертвы – это дело второстепенное!

Фрунзе снова поднимается, в руке он держит красный карандаш. – Дозоры сообщили, что Сиваш, «Гнилое море» обмелел. Шторм дует с северо-запада, и он отогнал всю воду из Сиваша в море, так что остается только лишь несколько глубоких луж, и теперь они покрыты ледяной коркой. Здешние крестьяне под угрозой смертной казни готовы теперь провести нас по известным им тропам, мимо «Турецкого Вала», непосредственно в спину Перекопских укреплений.

Фрунзе проводит карандашом по карте. – Товарищи, я прошу вас быть очень внимательными!

Карта заполняется красными точками, линиями, стрелами, и там, где лежит «Гнилое море», они становятся особенно плотными. Все линии и стрелы указывают на единственный пункт на побережье Крыма. – Здесь, – Фрунзе ударяет кулаком по столу, – здесь будет нанесен главный удар! Здесь у «Турецкого вала» вторая часть войск подойдет для атаки и этим будет сдерживать белых там на их позициях. Товарищи, мы должны добиться этой победы к годовщине нашей большевистской октябрьской революции!

- Правильно, правильно! – соглашаются красные командиры.

- Командир 51-й стрелковой дивизии товарищ Блюхер! – обращается Фрунзе к нему. – Я приказываю вам – под вашу личную ответственность – безотлагательно начать уничтожающее и безжалостное наступление на «Турецкий вал» и захватить его при всех обстоятельствах – чего бы это ни стоило!

- Есть! – голос Блюхера звучит решительно.

- Командиры 52-й и 15-й дивизий, – продолжает Фрунзе, – я приказываю вам форсировать Сиваш в указанном мной месте. Товарищ Каширин с его кавалерийской дивизией остается в резерве. Вы тоже будете брошены на Сиваш. Товарищ Буденный, я приказываю вам атаковать Чонгарский мост! Товарищ Ворошилов как политический комиссар наблюдает за проведением операции. Наступление должно произойти сегодня ночью точно в одиннадцать часов. Товарищи, я определенно повторяю, Перекоп нужно взять в любом случае! Я прикажу расстрелять всех, кто побежит назад!

Спустя всего несколько минут командиры запрыгнули в седла своих нетерпеливых лошадей и ускакали.

У маленького окна светлого дома стоял командующий и глядел на старый парк. Лицо его было очень серьезным. Потом он поднял глаза наверх, посмотрел несколько секунд на качающиеся кроны деревьев, серое зимнее небо и несущиеся по небу облака. Он уже хотел было отойти в сторону от окна, потом он еще раз посмотрел вверх, его взгляд стал мрачным. «Все же, ветер... не переменится ли он?»

День прошел, наступила ночь.

Штаб командующего Фрунзе был выдвинут вперед, он находился непосредственно на том месте, где предстояло форсировать Сиваш. Это была разбитая снарядами хата без окон и дверей. В углу сидел Фрунзе. Вокруг него, сидя на корточках на полу, радисты и телефонисты.

Фрунзе посмотрел на небо.

Ветер переменился...

- Товарищ Фрунзе! – Конный связной на покрытой потом лошади останавливается в паре шагов перед ним. – Наступление началось, войска уже пересекли Сиваш. Белые отвечают самым сильным огнем.

Фрунзе только кивает. Телефонист подает ему трубку. – Командир 51-й дивизии сообщает: первый штурм Перекопа отбит с большими потерями. Несколько батальонов потеряли более шестидесяти процентов своего состава. Второй штурм начнется немедленно. Вражеский огонь...

Связь прервана.

Радисты и телефонисты снова трудятся.

Небо над Перекопом становится раскаленным. Бесперывная канонада грохочет и постоянно приближается. Отчетливо можно увидеть разрывы снарядов тяжелых орудий.

Спускается туман, и конные связные появляются снова и снова из тумана, всегда возбужденные, почти испуганные.

- Командир 51-й снова на связи! – кричит воодушевленно телефонист и подает Фрунзе трубку. Фрунзе вырывает ее у солдата из руки и прикрывает ухо другой рукой. – Второй штурм начался! – кричит в мембрану голос телефониста на «Турецком валу». – Под уничтожающим, дьявольским огнем белых батарей мы прорвали все семнадцать рядов проволочных заграждений. В одном месте некоторые даже уже запрыгнули на вал. Происходит контратака белых офицерских частей. Под страшным градом пуль бесчисленных пулеметов наши войска лежат прямо перед валом. Наши потери очень велики – невообразимо велики... Предстоит третий штурм.

- Взять Перекоп, – говорит Фрунзе вполголоса и возвращает телефонисту трубку, – это граничит с безумием.

Этой ночью ветер превратился в шторм. Он сначала прогнал всю воду из Сиваша в море, теперь он снова гонит ее назад.

«Гнилое море» становится все полноводнее, с каждым часом.

- Товарищ Фрунзе! – снова конный связной с Сиваша. Фрунзе подбегает к своей лошади. – Враг косит наши ряды и угрожает сбросить в поднимающуюся воду Сиваша. Вода непрерывно поднимается. Встречный ветер усиливается. Тропы уже залиты, мы больше не можем найти их. Перед нами убийственный огонь белых батарей и пулеметов, за нами поднимающаяся вода!

- Вперед! – кричит Фрунзе и сжимает кулаки. – Скажите всем, что есть только один выход – вперед! В воде утонут все. Сразу же приступайте к насыпанию троп, подтягивайте быстрее все резервы. Только вперед!

Телефонисты сразу же передают приказы.

- Командир 51-й сообщает: начался третий штурм с применением всех резервов. Наши войска ужасно... – Мембрана умолкает.

Фрунзе ищет конницу в туманной, темной дали.

Грохот кавалерии приближается.

- Товарищ Каширин, – Фрунзе хватает командира за гимнастерку, – сразу через Сиваш в огонь! Теснить всей конницей! Для вас в Сиваше есть только один выход – вперед! Всех, кто повернет назад, уничтожать!

Грохот артиллерийского огня на Перекопе достигает силы урагана.

Огненно-красное небо пылает.

Как поток, соскальзывающий вниз с гигантского мельничного колеса, скачут под ним конные эскадроны.

- Командир 455-го полка погиб.

- Нет связи с командиром 51-й.

- В Сиваше тонут лошади и люди.

Фрунзе молчит. Только захват белых позиций еще может спасти войска, так как за ними непрерывно поднимается вода, в которой они должны будут утонуть.

- Товарищ Фрунзе! Товарищ Блюхер у аппарата!

Лицо Фрунзе напряжено до предела.

Он слушает...

Радисты и телефонисты взволнованно смотрят на него.

Внезапно они видят, как лицо их командующего расслабляется.

Медленно он возвращает трубку.

- Поздравляю, товарищи! Врангель сокрушен! Нашим третьим штурмом Перекоп взят! Враг бежит! Блюхер переносит свой штаб в Крым!

Три бронепоезда стояли у взорванного «Офицером» Чонгарского моста, главное командование было в руках полковника Хоненко. По обе стороны поездов были выкопаны траншеи. Несколько в стороне стояли несколько батарей, среди них тяжелые 200-мм орудия.

Однажды утром поступил приказ отправить базу «Офицера» в порт Севастополь.

В последние минуты Алекса еще смогла перевязать голову Иоганну Раппу. Он выглядел ужасно. Он повалился в угол броневагона, полностью истощенный.

Она накрыла его, это была лишь грязная овчина, с кровавыми пятнами и во многих местах разорванная. Снаружи было холодно, и красные снова начали открывать огонь. Бронепоезда были для них верной целью. Справа и слева отвечали батареи белых, тяжелые орудия бронепоездов тоже стреляли.

База была вынуждена вернуться. Все другие были обречены на смерть. Это был только вопрос нескольких дней, пока и красные тоже подтянут свои тяжелые пушки.

Долгие годы Алекса повиновалась, подчинялась всем приказам. Теперь она отказывалась ехать в тыл – будь, что будет!

- Алекса!

Внезапно Рапп открыл глаза и позвал ее. Она быстро встала на колени рядом с ним.

- База покидает нас, она уходит в Севастополь. Если мы, последние, не сможем здесь удержаться... нам придется бежать... достань нам всем гражданскую одежду. Даже если и этот фронт рухнет... мы сделали все, что только было в человеческих силах... Алекса, жди меня, пожалуйста, жди меня. До последнего мгновения мы будем здесь держаться, но потом...

Его покрытая грязью рука поднялась и легла ей на плечо, потом он перекрестил ее впалое, искаженное от боли лицо.

- Иди, любимая. Может быть, это последнее прощание. Ты можешь спасти нас всех, пожалуйста...

Она шла очень медленно и чувствовала, что она шаталась.

Почти каждый день красные пытались переплыть Чонгарский пролив – напрасно. Вода шириной пятьсот метров была непреодолима, и их попытки высадки на лодках, понтонах и сколоченных плотках разбивались в яростном пулеметном огне белых.

Тяжелая артиллерия у красных отсутствовала – белые могли держаться. О том, что происходило за их спиной и на Перекопском фронте, они не знали.

В ночь с 28 на 29 октября позиции белых на Перекопе и на Сиваше пали. Только у Чонгарского моста пехота Буденного и Ворошилова не смогла захватить ни пяди земли.

Но сопротивление Хоненко было бесполезным.

29 октября паровоз с адъютантом Врангеля примчался на Чонгарский мост. Как раз происходила новая атака. Снова бронепоезда, батареи и пулеметы косили плотные цепи пехоты Буденного и Ворошилова. Рапп как наводчик сидел за орудием полевой батареи, которая понесла большие потери. Он выпускал по врагу снаряд за снарядом из горячего ствола. Вокруг него гремели взрывы, осколки снарядов с треском отлетали от орудийного щита. Он ничего не видел и не слышал.

Адъютант спрыгнул с локомотива и стоял перед полковником Хоненко. Тот схватил его за руку. – Смотрите, за этими человеческими стадами могут только стоять пулеметы!

Он указал на цепи атакующих.

Адъютант даже не взглянул туда, только на лицо полковника.

- Генерал Врангель приказал... немедленно оставить позиции. Красные прорвались через Сиваш!... Дальнейшее сопротивление бесполезно. Вам нужно сразу же на поездах отправляться в порты!

Хоненко со смехом вскрикнул. Адъютант отошел от него назад. Не сошел ли этот человек с ума? Полковник смеялся громко и звучно. – Вот он, итог белого движения!

Он сорвал меховую шапку с головы, он широко разорвал рубашку на груди.

Затем он кричал каждому приказ об отходе. Они сбегались взволнованно. Они тоже не хотели верить в это.

Только один поймет это, и он – и еще несколько других – не подчинятся приказу, останутся здесь до последнего патрона. И теперь именно он один должен прийти!

- Где Рапп? Где Рапп?

Хоненко схватил за грудь бежавшего к нему командира батареи. – Я отправил к вам Раппа, лучшего артиллериста, и еще Василя, его друга. Где они? Где Рапп?!

Командир батареи молчал. Он боялся полковника.

- Собака! Какой из вас командир батареи?! Где Рапп?! Где его денщик?!... Погибли?

Хоненко осел. Вокруг него солдаты бежали к бронепоездам.

Где-то вдали огонь стихал. Он казался далеким, очень далеким от него – он больше его не слышал.

Через шестьдесят три месяца войны огонь умолк вокруг него.

Втиснувшись в свой санитарный вагон, Алекса все еще исполняла свой долг перед ранеными. Все вагоны базы были жутко переполнены стонущими, кричащими людьми. Вокзалы были наполнены беженцами, по проселочным дорогам тянулись бесконечные ряды повозок всякого рода. Все стремились в портовые города.

В то, что войска смогут долго удержаться на этом последнем маленьком кончике полуострова, никто больше не верил. Эта уверенность была отчаянием, и это отчаяние гнало людей в страшной поспешности к портам, самой последней возможности убежать от красных.

Мучительнее, чем их паническая спешка был один вопрос, который они все снова и снова задавали самим себе: сколько кораблей мы сможем там найти?

Также для Алексы Хаберманн наступил час, когда она думала только лишь об Иоганне Раппе и о себе самой. Все, что выходило за пределы этого, стало для нее незначительным.

Скорчившись на полу, уставившись неподвижным взглядом на свои ящики с перевязочным материалом и лекарствами, она также ничего больше не чувствовала, кроме своего неистово бьющегося от нетерпения сердца. Бутылки с надпи-

сями, вата, бинты, шприцы, все это она когда-то достала для него и других, которых здесь больше не было, которые, возможно, никогда больше не придут.

И работа, бессонные ночи, лишения, страх за Раппа, все это теперь должно было оказаться бессмысленным, должно было быть напрасным?

Рапп – его просьба еще отчетливо звучала у нее в ушах. Его лицо стояло перед нею, хотя она давно закрыла глаза от измождения. Он никогда еще не говорил с ней так. Он предвидел конец, свой конец, и она – она ушла, дала себя уговорить. Он попросил меня об этом! так она пыталась оправдываться. Она спорила с собой самой и проклинала свою уступчивость.

Колеса под грязным полом безразлично грохотали дальше как часовой механизм, и в их монотонном шуме в ее голове начали появляться картины прошлого, они кружились, сменяли друг друга, перемешивались, спешили дальше... они исчезали, расплывались.

«Севастополь!»

Алекса прокричала это слово так же громко, как другие. С их отъезда с Чонгара прошло три дня. Теперь у каждого была еще возможность попасть на корабль и спастись.

Ни у кого здесь не было представления о фронте, и никто не хотел верить сообщениям солдат.

Погрузка раненых происходила очень быстро.

«Преступное легкомыслие!», хотела кричать Алекса всем, она хотела предостеречь их всех и сказать им правду во всей ее безжалостной грубости. Все же, она молчала, ее голос остался бы гласом вопиющего в пустыне. Тыл производил безобразное и отталкивающее впечатление. Она видела, как какой-то раненый бил костылем офицера, так как тот требовал от него, больного, отдания чести.

Алекса искала и нашла, наконец, маленький дом, в котором жила княжна Фахрутдинова.

Татарка стояла перед домом и очень напряженно смотрела на дорогу. Она ждала уже давно...

Жестко звучали слова Алексы, когда она рассказывала этой молодой женщине о своем страхе за Раппа и Хоненко.

Молча они вошли в дом. На полу была насыпана солома, много людей, кажется, жили и спали здесь. Два стола, несколько стульев, это было все.

- В гавани стоит баркас, – сказала татарка и посмотрела на дверь, как будто кто-то должен был прийти в любую минуту. – Я его купила. Он маленький и вряд ли переплывет Черное море, но, все же, это, вероятно, спасение. Если море останется спокойным, мы все убежим... куда-нибудь. Я спасла еще несколько драгоценностей. Это все, что у меня есть. Имение опустошено, сожжено.

Поспешно она снова подошла к двери и посмотрела на дорогу. – Здесь еще несколько костюмов для них... если они все-таки придут...

Татарка села на скамейку перед домом и тихо заплакала.

Снаружи весь город, кажется, внезапно был охвачен волнением.

Как воровка Алекса сорвала с гвоздя пиджак и брюки и твердо держала их в руках. Теперь Иоганн Рапп должен был прийти. Да, он даже обязан был прийти!

Проходили дни.

Севастополь был в панике.

В маленьких комнатах, полных соломы, паразитов и безобразного беспорядка, только что царил лихорадочная активность. Теперь они снова были тихи и покинуты. Только Алекса и татарка подошли к двери и смотрели на дорогу.

Они ждали... ждали...

- Баркас поможет нам ускользнуть, – снова и снова повторяла татарка.

Теперь весть о прорыве красных в Крым была известна всем. Люди пытались убежать, но они больше не знали куда.

Перед ними лежало Черное море.

К полудню они, наконец, приехали! Они шатались, они едва могли идти. Первым среди них, даже здесь еще, шел Иван Хоненко.

- Где Рапп...? – Алекса крепко вцепилась в него. Полковник выглядел ужасно, его едва можно было узнать.

- Где Иоганн Рапп?! – кричала Алекса и трясла ослабевшего человека.

- Погиб.

И она, в том же виде, в каком она была, в кожаном пальто, беззвучно вышла на улицу. Другие даже не обращали на нее внимания.

На улице шум и толкотня убегающих людей бушевали вокруг Алексы. Ее толкали со всех сторон, все хлынуло только в одном направлении – к гавани.

Был вечер, прохладный ветер поднимал на воде невысокие волны. Корабли стояли в открытом море, русские, французские, английские, американские.

- Когда нас будут грузить на корабли? – спрашивал боязливый голос.

- Я этого не знаю. Вероятно, вообще не будут. Сначала нужно погрузить тысячи раненых, женщин и детей.

- Какое мне до этого дело? Я хочу убраться отсюда!

- У тебя есть какая-то еда? – спрашивал другой голос.

- Нет, у меня ничего нет. Уже два дня я ничего не ел...

Алекса снова шла назад в город, без дороги и цели.

Худая лошадь с соскобленной шкурой и торчащими ребрами тянула старую пушку. Когда лошадь проходила мимо кучи сена, она пыталась схватить несколько стебельков, робко и устало.

Примерно двадцать или тридцать вооруженных людей шли за нею. Они возвращались туда, откуда сплошным потоком текли все, на последний фронт. Алекса пошла с этой маленькой группой. Она шагала рядом с мужчинами. Она не знала ничего, кроме того, что она всегда принадлежала к этим обреченным на смерть.

- Куда ты идешь, сестра? – спросил один из солдат и с легким нажимом взял ее за плечо. – Иди назад. Мы последние! Никто больше не сопротивляется красным.

Она остановилась. Без Раппа ее путь закончился.

Солдаты исчезли в темноте.

Перед английским штабом толпились оборванные, полностью опустившиеся люди. Многие из них были в бинтах. Они хромали, их руки безжизненно свисали.

- Почему эти офицеры и солдаты так плохо одеты? – кричал на кого-то взволнованный голос англичанина на ломаном русском языке. – Ведь мы же доставили одежду для нескольких дивизий! Куда все это делось?

- Они пропивают все, что им дают, – ответил один.

- Сукин сын лжет! – загорланили голоса. – Он продает нам форму за тысячу рублей! У нас нет денег! Мы прибыли с фронта, мы истощены, ранены! Застрелите собаку!

Затрещал выстрел, и когда толпа разошлась, труп мужчины лежал перед входом.

Всю ночь напролет Алекса бесцельно бродила по этому городу. Она даже не знала, зачем она пришла сюда, и куда она идет, и что будет с нею. Она шла и шла... Она думала, что видит вокруг себя зияющий ад. Она еще пыталась чувствовать что-то, боль, какую-то усталость тела и духа – но все было пустотой, и картины вокруг нее скользили мимо, как чужая, далекая жизнь, которую вовсе нельзя было чувствовать, так как эта жизнь была ложной, лживой и безобразной.

Внезапно кто-то схватил ее за руку и оттащил на несколько шагов с улицы в тусклую комнату. Незнакомое, потное лицо с дико спутавшимися волосами. Его рука держала длинный нож с множеством зазубрин. Мужчина раскрывал ножом консервные банки, распиливал их и тихо смеялся при этом. – Мое дело идет хорошо, многие клиенты...

Он насильно запихнул ей колбасу в рот, засунул ей что-то под руки, потом снова поспешно вытолкнул ее на улицу.

Как оцепенелая она шла дальше. Солнце всходило. Но все сохраняло серый цвет и расплывшиеся контуры. Шум на улицах усиливался, поспешность и паника людей, кажется, увеличивались.

Лениво маленькие волны подбегали к берегу. Один день прошел или несколько, все было одинаково, как бушевание и неистовство в городе, как множество растерянных людей, которые все чего-то ждали.

Только Алекса не ждала ничего.

Внезапно прогремел выстрел. Эхо распространилось над городом. Снова выстрел – и еще один. Было четко слышно, как где-то взрываются снаряды.

- Англичане стреляют с военных кораблей, – говорил какой-то голос. – Красные под городом...

Женщины вели или несли своих детей, которые жалобно плакали. Иногда некоторые останавливались, оглядывались и кого-то искали. Но они не находили никого, хотя они ждали очень долго.

Над головами время от времени с жужжанием пролетали пули, тут и там падали люди. Матери пытались руками спасти детей от смерти, как будто бы руки могли удержать пули.

Над Английским клубом еще развевалось огромное знамя Великобритании. Британцы, кажется, непоколебимо сохраняли свое хладнокровие.

- В нашем городе к морю вообще нельзя было даже подойти, – говорил один мужчина. – Все улицы, мол, все пляжи, все было заполнено лошадьми. Плотно прижатые друг к другу стояли они – породистые, великолепные кони рядом с маленькими крестьянскими лошадками, лохматыми и запущенными, почти все с ранами, с соскобленной шкурой и выпирающими ребрами. Среди них было и много кобыл с их жеребятками.

- Да, это я тоже видел, – сказал другой голос. – Кое-кто из казаков, наверное, думал, что сможет еще спасти, по крайней мере, лошадь...

- Некоторые, возможно, бывшие коневоды, шли между лошадьми. Там был и отец Михаил с конного завода Раппа. Лошади были для него всем. Они ржали навстречу ему и клали ему свои головы на плечо.

- Да, очевидцы рассказывали мне, что отец Михаил застрелил своих лучших лошадей из своего «Нагана» и последнюю пулю пустил себе в голову. Я могу это понять...

- И когда казаки были на корабле, началось ржание многих тысяч коней. Лошади подняли головы, их взгляды уставились на корабли, и снова, снова и снова доносились к людям эти потрясающие, грустные, жалостливые звуки. Они стояли и ждали... ждали... надеялись...

- Официальный орган красных «Известия» сообщает, что было поймано шестьдесят тысяч лошадей.

- Да, это вполне возможно.

- Это же генерал Волков, – прошептал голос.

Алекса вздрогнула.

Навстречу текущей потоком массе шел старый седой генерал. Он шел спокойно и медленно, руки за спиной. Он надел все свои медали. Отчетливо виден был орден Святого Владимира. В глазах старика было видно прощание.

Он никого не видел. Он шел туда, откуда масса хлынула в паническом ужасе, и для него было естественным, что для этого своего последнего часа, для своего последнего шага, он надел все самое лучшее. Он шел в одиночку и без боя в смерть – в избавление.

- Как ужасно, как стыдно для нас... мы убегаем! – сказал какой-то мужчина и громко всхлипнул.

В гавани громоздились горы пожитков. Стояли люди, плотно прижатые друг к другу. Немногочисленные корабли были совершенно переполнены беженцами. Как большая змея, толпы текли по трапам. Грубые бранные слова требовали спокойствия и дисциплины.

- Назад! Ведь вы же не ранены, и вы не военный! – кричали в адрес молодого, бледного и оборванного мужчины.

- Нет, я поручик, мне ампутировали правую руку. Я был на Перекопском фронте.

- Сейчас многие так утверждают! Если бы вы были в армии, у вас была бы форма!

- Полковник, вы же сами знаете, сегодня даже больше нельзя достать себе хлеба. Я совсем умираю с голоду. Разве вы не видите?

- Это все меня не касается. Форма должна быть!

- Великий Боже! Американцы пропускают нас, но собственные люди преграждают нам дорогу, – тихо произнес женский голос.

Молодой человек робко отошел назад и всхлипнул.

- Соизвольте сесть где-то в другом месте, а не на мои вещи! Я не хочу, чтобы вы замарали мои вещи! Ведь у вас же вши! – кричал визгливый голос.

- Сукин сын! Вот тебе горсть вшей! – И солдат сильно ударил другого кулаком. Мужчина с обливающимся кровью лицом упал и остался лежать.

Несколько темных фигур в солдатских шинелях протиснулись поближе к горе багажа и возились там. Пользуясь неразберихой, они воровали.

Алекса отошла в сторону, долго смотрела на толпу и ушла. Она не знала, куда...

Горы нагроможденных продуктов, банки с английскими и французскими надписями, бесчисленные мешки с мукой и сахаром вразброс лежали вокруг. Боеприпасы, оружие, форма, одежда, машины, мотоциклы, велосипеды, несколько пулеметов, все то, что подтащили совсем недавно, лежало вокруг – оно стало бесполезным.

- Назад! Только раненые, женщины и дети будут погружены на госпитальное судно! – кричал голос.

- Ну тогда хотя бы скажите мне, по крайней мере, куда пойдет это судно. Моя жена уже на корабле и оба моих ребенка.

- Этого никто не знает. Французы сами вряд ли это знают.

- Но это же негуманно!

Со всех сторон Алекса слышала шум моря. Становилось холодно и сыро. Она дрожала от холода, съежилась и села.

Над городом раскинулось безоблачное, сверкающее звездами небо. Божественно далекое, недостижимо холодное, безразличное.

Быстрая лодка прогудела ей несколько раз, английские голоса что-то кричали девушке. Но Алекса не шевелилась. Не все ли равно? Ведь во всем этом больше не было никакого смысла.

Шесть долгих лет, бесчисленные дни и ночи всегда держаться за одну единственную мысль и надеяться – это было большое, счастливое блаженство. Здесь – на крайнем краю мола чужого города на Черном море – ее сила закончилась.

Рапп был мертв. Его никогда больше не будет рядом, со всем тем, что она любит в нем.

Никогда больше... никогда больше...

Бушующая, темнеющая вода манила...

Снова нетерпеливо загудела лодка. Она кричала назойливо, тормоша, как будто хотела разогнать ее мысли.

- Хэлло! Маленькая дама! Кам он! Английский морской офицер стоял перед нею.

- Оставьте меня..., пожалуйста, оставьте меня... я не хочу... не хочу..., пожалуйста! – умоляла девушка.

Но офицер схватил ее за талию, поднял ее вверх, уже держал ее в руках. Тогда она больше не сопротивлялась. Она слишком устала. Он прыгнул с нею с последних камней мола вниз в лодку, которая ждала его. Он держал ее в руках, пока этот маленький баркас не подплыл к серебристо-серому броненосцу. Англичанин поднялся на забортный трап и с трудом протискивался сквозь толпы людей. Алекса видела кое-где замки пушек, из них струился дым. Пахло горячим смазочным маслом.

Лестницы, яркий свет электрических ламп, крохотная комната, полная женщин, чистый пол... Мужчина положил ее.

- Мария не смогла расстаться со своим мужем, она осталась с ним...

- «Анастасия», говорил мне Григорий заботливым, озабоченным голосом, «Бог с тобой, я уже как-нибудь»...

Кто-то начал плакать тихо и безнадежно.

В горах за городом снова начали тархтеть пулеметы. Раздавались неистовые удары копыт, лошади кричали от боли. Сильный пожар вспыхнул в городе. Огонь распространялся все быстрее. Взрывы чудовищной мощности взметали горы обломков в раскаленный воздух.

Броненосец вздрогнул, его машины начали работать. Медленно шел он в открытое море.

- Смотрите, смотрите, множество лодок, больших, маленьких, совсем крохотных – они плывут с нами!

- Тысячи людей! Должно произойти чудо, чтобы они смогли преодолеть море!

Тихо усеянное звездами небо простиралось над морем, берегом, городом – над победой красных.

XI

Английский военный корабль медленно скользил по Босфору в гавань Константинополя.

Через плотные человеческие массы тянулась по палубе огромная якорная цепь. Молча все смотрели на вид города.

Другой мир, вдали от родины, начинался для них. Что таил в себе этот новый мир?

Слова иностранной речи доносились до ее слуха. Вероятно, они выучат этот язык, научатся его понимать, но он никогда не заменит им звуки родины. Всегда они останутся чужаками среди миллионов этих людей.

По забортному трапу беженцы хлынули на маленькие лодки, которые проворно сновали туда-сюда между кораблем и пристанью. И когда день прошел, английский корабль был почти пуст; англичане осторожно спускали в лодки последних больных и раненых.

Алекса уже некоторое время лежал одна в маленькой каюте. Она слышала глухое, непрерывное человеческое бормотание, в него вклинивались отдельные голоса, ребенок плакал, отдавались команды, пароходы трубили, шаги долго звучали по примыкающему коридору.

К вечеру дверь открылась, и через секунду на пороге стоял морской офицер. Он был высокий и сильный, он сверкал чистотой и ухоженностью. На гладко выбритом лице скользила приветливая улыбка. Он приблизился медленно и вежливо, рука несколько небрежно приложена к козырьку форменной фуражки.

- Простите, мадам... Вы говорите по-английски?

- Да, – ответила Алекса. Она пыталась спрятаться под своим кожаным пальто. В этой чистой кровати, в чистой каюте она вдвойне чувствовала, насколько грязной она была, как вши сейчас, стоило ей только очнуться от изнеможения, снова начали ее мучить.

Она повернулась к стене, но в следующее мгновение она начала чесать свою коротко подстриженную голову, и услышала свой тихий стон.

- Вы спасены, мадам. Теперь вы находитесь под защитой Его величества короля Великобритании, – сказал офицер.

Целая пропасть лежала между этими двумя мирами.

- Мое начальство поручило мне обеспечить вам любую защиту. Мы находимся в Константинополе. Могу ли я узнать ваши желания?

Алекса отрицательно покачала головой.

- Вы, несомненно, нуждаетесь в спокойствии и отдыхе. У нас есть военные госпитали в городе. Или вы, вероятно, желаете, чтобы я поставил в известность о вашем пребывании ваши власти здесь?

- Нет, ради Бога, нет! – Алекса села в кровати. – Я была сестрой Красного креста при немецкой оккупационной армии на Украине. Я отказалась возвращаться на родину. У меня есть документ.

Она разорвала толстую подкладку своего кожаного пальто, достала сложенный и добросовестно упакованный в целлулоид маленький листок и подала его офицеру.

Не моргнув и глазом, с той же приветливой улыбкой англичанин развернул грязный листок и внимательно его прочитал.

- Я весьма благодарен вам, этого достаточно. Итак, я могу доставить вас в английскую клинику, мадам?

- Нет, – сказала девушка тихо, – зачем?

- Но, все же, вы же не можете так..., – англичанин запнулся. – Я вижу, что вы не очень хорошо себя чувствуете.

- Нет, я не хочу. Я хотела бы только сойти на берег.

- Как пожелаете. Я, когда я забрал вас там сверху с мола, думал, что я должен был выполнить свой долг также перед вами.

- Я забыла поблагодарить вас за это, сэра.

Она встала и хотела протянуть ему руку. Но ее силы оставили ее, она закачалась, попыталась за что-то схватиться, потом она еще заметила, как британец подхватил ее, и потеряла сознание...

Умные серые глаза смотрели через блестящие очки, чистое спокойное лицо, два лица других сестер. Маленький стол с перевязочным материалом и блестящими

инструментами, быстрая, колючая боль в руке, и снова парящее бессознательное состояние распространилось по ее телу.

Из далекой дали, совсем тяжелое, бодрствующее чувство протекало медленно по ней. Приятное ощущение чистого белья, мягкой кровати и чистого слегка пахнущего лекарствами воздуха лениво текло через конечности, медленно распространялось в мозг. Веки поднимались.

Она лежала в маленькой комнате военного госпиталя. Горящая лампа была добросовестно укрыта абажуром, окно было плотно занавешено, и все было наполнено глубоким, отчужденным спокойствием.

Она проснулась полностью и напряженно слушала эту тишину.

Через занавешенное окно, рама которого была открыта, не проникало ни звука.

Занавес над этим окном постепенно становился светлым, время от времени он двигался, и запах чистого, душистого утреннего воздуха дул в маленькую комнату.

Потом кто-то тихо открыл дверь, осторожные шаги приблизились к кровати. Белокурая сестра, с веселыми как у ребенка глазами, которые своей светящейся голубизной, кажется, нежно обнимали кого-то, склонилась над Алексой.

- Доброе утро, – произнес ее приветливый голос на английском языке. – Доброе утро. Я оттяну занавес в сторону. Там так красиво снаружи. Всю ночь бушевал шторм, теперь снова светит солнце.

Она подошла к окну, сдвинула занавес назад, и сразу маленькая комната стала светлой и уютной.

- Вот ваш термометр. Но я думаю, что у вас нет температуры. А я пока принесу ваш завтрак, небольшой тост, вероятно, вареное всмятку яйцо, фрукты? Я принесу вам все это, а вы можете есть, что захотите. Но сначала смерьте температуру.

Алекса не двигалась. Она закрыла глаза. Было ли то, что она только что увидела и услышала, правдой? Мир, полный спокойствия, беззаботности? Только теперь она почувствовала, как бьется ее сердце, только теперь она действительно проснулась, очнулась.

Она боялась этого спокойствия.

Сестра вкатила столик внутрь, поставила перед кроватью и взглянула на Алексу. Она хотела что-то сказать, ее рот уже раскрылся, но внезапно она выбежала из комнаты и испуганно зашептала: – Великий Боже!

- Другой мир..., – тихо сказала Алекса. Она удивилась своему собственному голосу.

Затем врач стоял перед нею и заинтересованно смотрел на нее. С ним были две сестры.

- Нет, нет, это совсем исключено. Нервы! Реакция, не более того, – сказал врач. Он подошел к ней. – Как вы себя чувствуете, сестра Хаберманн? Вы хорошо спали? Дайте-ка мне вашу левую руку. Так – я хочу посмотреть, что там у вас с пульсом.

Он достал свои большие золотые часы и долго смотрел на циферблат. – Вы не голодны, не хотите позавтракать?

- Могу ли я остаться здесь? – спросила она.

Присутствующие удивленно переглянулись.

- Ну, конечно, вы останетесь здесь, пока вы полностью не выздоровеете. Мы будем заботиться о вас, чтобы вы снова были здоровы.

- Голод..., пожалуйста, есть... все так прекрасно..., – Алекса начала тихо всхлипывать.

Только очень сумбурно вспоминала она позже эти первые дни. Она знала, что она ела, что все блюда имели великолепный вкус, что у людей вокруг нее были тихие, успокаивающие голоса, и они заботились о ней. Через окно каждый день светило солнце, и всегда ее маленькая больничная палата была светла и приветлива. Цветы стояли на ее столе и рядом с ними маленькая картонная коробка.

Однажды врач вернулся. – Сестра Хаберманн, – спокойно начал он, – теперь, когда вы поправляетесь, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

- Да, я уже знаю, доктор, я должна уйти. Хорошо, я уйду, – сказала она устало и почувствовала, все же, в то же время, как большой страх вспыхивает в ней

- Нет, наоборот, вы можете оставаться, сестра. Это кое-что иное, – ответил мужчина нерешительно и взял коробочку со стеклянного ночного столика. – В этой коробке ваши драгоценности. Они слишком ценны, чтобы мы могли хранить их здесь дальше. Я хотел бы услышать ваши распоряжения.

- Но у меня нет драгоценностей.

Он осторожно возразил.

- Нам пришлось сжечь вашу старую одежду, а также кожаное пальто. Но перед этим мы благоразумно, как и в случае со всеми другими беженцами, все точно проверили и разрезали. И мы нашли в кромке кожаного пальто вот эти драгоценности.

Он открыл коробку и показал Алексе драгоценные камни. – Вероятно, вы еще можете вспомнить о них? Во время бегства, или когда-то в другое время... вы второпях зашили эти драгоценные камни в пальто, чтобы спасти их.

- Я была немецкой сестрой милосердия Красного креста, и получала жалование только от этого ведомства. Я никогда не владела драгоценностями. Они не принадлежат мне. Да и само пальто мне не принадлежит. Я получила его от красного комиссара, когда ухаживала за его ребенком, и у меня просто нечего было больше надеть. Тогда моя куртка была полностью разорвана. Потом пришли белые...

Она закрыла лицо обеими ладонями и снова начала тихо плакать.

- Это все давно прошло, и вы больше не должны вспоминать об этом времени. Все это уже в прошлом. Это был плохой, ужасный сон. Не думайте больше об этом, сестра Алекса. Когда вы снова будете здоровы, езжайте на родину и снова встретитесь с вашими родителями, вашими родственниками и знакомыми. Подведите черту под тем, что когда-то было.

Врач положил свою руку ей на плечо, как будто хотел растормошить ее и прогнать ее печальные мысли.

- Впрочем, сегодня к вам придут гости. Вы можете радоваться. Это лейтенант Джеймс Ховард. Он всегда осведомлялся о вас. А теперь я уйду, я оставлю вас в одиночестве, чтобы вы успокоились.

Врач нерешительно встал, затем он, покачивая головой, вышел из комнаты.

Вслед за тем пришла маленькая белокурая сестра. Она принесла с собой несколько вещей и положила их на кровать, излучая радость.

- Мисс Алекса, – произнес ее нежный голос, – я принесла вам здесь несколько вещей. Я услышала от главного врача, что к вам сегодня придут, и тут я подумала, что вы, наверное, захотите немного принарядиться. Здесь блузка из креп-жоржета, немного пудры, также духи, маникюрные ножницы, пилочка. Когда я выхожу на прогулку, что, к сожалению, бывает редко, я всегда хорошо принаряжаюсь. Мы здесь только английские сестры, девушки из хороших кругов, и, все же, нужно показывать за границе, какие мы, англичанки.

Лексика красивой сестры, кажется, была исчерпана. Она смотрела на Алексу, полная надежды. Но Алекса молчала и отсутствующим взглядом смотрела на маленькие подарки, блузку и все, что сестра принесла ей.

- Мисс Алекса, я помогла бы вам, если вы мне позволите? Я приведу вас в порядок, и вы сами будете этому рады.

Уже англичанка схватила ее руку и начала надпиливать ей ногти. При этом она рассказывала ей, как ее зовут, откуда она родом, как долго она уже в Константинополе и на службе.

Какой красивый у нее рот, думала Алекса, какие веселые глаза и приятный голос. Какая она юная и симпатичная, какая чистая и ухоженная. У нее точно никогда еще не было в жизни горя. Тогда, когда разразилась война, она сама тоже была юной... а сегодня?

– Не причинила ли я вам боль пилочкой? – спросила англичанка.

- Нет, дорогая сестра, вовсе нет, я только кое о чем подумала, – отвечала она.

- Мы здесь всегда слышим от наших репортеров так много ужасного о России. Недавно я видела фотографии, это было ужасно. Представьте себе, прекрасная, широкая улица, дома на которой наполовину разрушены обстрелами, без окон, и на мостовой бесчисленные трупы. Английский репортер сфотографировал это. Вообще у него было так много пугающих снимков.

Дверь тихо раскрылась, другая сестра заглянула в комнату. – Пациентка не спит? К ней пришли.

После этого в комнату вошел лейтенант Джеймс Ховард.

Он принес цветы, поприветствовал ее с безупречной вежливостью английского офицера, который видит перед собой иностранку, и любезно кивнул сестре Милли.

Та пододвинула ему стул и покинула комнату.

- Я рад видеть, мисс Хаберманн, что вы поправляетесь, и я хотел бы надеяться, что вы станете абсолютно здоровой в самое короткое время.

- Я благодарю вас за пожелания, которые наверняка исполнятся, но я не благодарю вас за то, что вы тогда забрали меня сверху с мола.

- О, это вызывает у меня сожаление. Мы все только выполняли свой долг. Я подумал, что вы тоже хотели убежать. Ведь положение в России превратилось в полный хаос, от которого хотелось бы спасти каждого человека.

- Мой жених погиб на Перекопском фронте. Что мне здесь делать? Мне здесь не место.

- А вы определенно знаете, что ваш жених погиб? – спросил англичанин.

- Ну да, конечно.

- Подтверждено ли это официально?

- Официально нет! Да и кто тогда мог бы вести списки погибших? У нас не было еды, нечего было надеть, это было невозможно. Только от товарищей можно было услышать, что тот или другой погиб.

- Могу ли я знать, кто передал вам сообщение об его смерти? Это очень важно, мисс Хаберманн.

- Друг моего жениха, который постоянно боролся бок о бок с ним, Хоненко, полковник бывшей казачьей лейб-гвардии русского царя.

- Но даже это вовсе не обязательно тогда было правдой! В бою легко может показаться, что твой товарищ смертельно ранен.

- Большевики часто уничтожают также и раненых!

- Это возможно. Однако говорили ли вы с полковником об этом детальнее?

- Нет.

- Тогда, мисс Хаберманн, вы должны выздороветь как можно скорее. И вы должны искать вашего жениха! Я убежден, что если он жив, его можно будет найти среди его друзей. Всюду составляются и выкладываются списки, в которых можно узнать местопребывание родных или друзей. В Константинополе также есть российское дипломатическое представительство – или что-то похожее – консульство.

Каждое из этих естественных слов очень глубоко взволновало Алексу.

Она не отводила взгляда от его губ, когда он объяснял ей все о возможностях наведения справок. Мысли, планы, предположения проносились в ее голове. Ее лицо покраснело, глаза вспыхнули, ее руки стали беспокойными.

- Постарайтесь побыстрее стать здоровой и сильной. Снимите маленькую, уютную комнату и ищите его. Вероятно, он тоже ждет теперь вас, ищет вас всюду и в отчаянии от того, что не находит вас. Или он боится за вас, думает, что вы остались в России, и попытается туда вернуться.

- Боже мой! Да, я потороплюсь, я должна идти, я должна идти. – Она говорила поспешно, взволнованно. – И вы поможете мне, вам будет легче найти его. Помогите мне, пожалуйста, старший лейтенант Ховард.

Его лицо сияло. – Я искренне был бы рад помочь вам, мисс Хаберманн. Еще сегодня я попробую это. Я слышал, что есть один лагерь беженцев в Кабадже, а другой в Чилингире.

- Да, пожалуйста, попробуйте, вдруг вам повезет. Нам повезет, не так ли?

- Я буду держать вас в курсе.

- Господин лейтенант, – сказала Алекса с наполненными страхом глазами, – пожалуйста, еще вопрос: что бы вы, как офицер, сделали на моем месте?

Она рассказала ему, едва связно, о той ночи в доме красных войск в Ростове, о том, как комиссар принес ей кожаное пальто, и как английский доктор сообщил ей о найденных в пальто драгоценностях.

- Я не оставил бы их себе, – сказал офицер.

- Нет...? – спросила Алекса беззвучно.

Он оставался спокойным.

- Я распределил бы это между теми, у которых нет крова. Я не мог бы поступить иначе. Это все-таки чужая собственность.

Она откинулась назад на подушки.

- Простите, мисс Хаберманн, это было только мое мнение. Оно может быть ошибочным. Я не могу поставить себя на ваше место, я попытался...

- Я благодарю вас, господин лейтенант, – прервала его девушка.

- Мадам, мне очень жаль.

Алекса слышала, как он большими, размеренными шагами выходит из комнаты.

Остаток дня прошел. Она ждала каждую секунду.

Никаких новостей не было.

Проходили дни.

Алекса непрерывно искала Раппа.

В русском дипломатическом представительстве ей сказали, что штаб и командир Донского корпуса находятся в маленьком городке Хадем-Кёй, который лежал примерно в восьмидесяти километрах от Константинополя.

Она поехала туда. О судьбе Раппа там никто ничего не знал.

Также в лагере для беженцев Чилингир она не нашла его. Ее мужество ослабевало.

Она возвращалась в маленькую, солнечную комнату, которую она теперь действительно сняла. Дом лежал выше Константинополя, в саду. Пыльная улица вела вниз в город, как раз мимо окон ее комнаты. Она подошла к окну и долго смотрела на Босфор. Затем она начала снова и снова всюду наводить порядок, совершенно бессмысленно, как будто бы Рапп мог войти в любую минуту.

Она села в кресло и задумалась.

Она пыталась вспомнить все имена, которые называли вокруг Раппа, она отчетливо записывала их и хотела уже с этим листком снова побежать в те самые организации, из которых она только что пришла.

Тут звуки русской речи раздались с улицы. Несколько мужчин потрепанного вида проходили мимо дома. Она побежала через сад, догнала их... Незнакомцы.

Мужчины остановились возле нее.

- Что с этой женщиной? – спросил один другого.

- Что с ней еще может быть? Она ищет кого-то, она русская. Вероятно, она тоже потеряла своего мужа или кого-то еще. Как часто это бывало.

- Но вы же казаки! – кричала Алекса. – Я замечаю это по вашему произношению. Знаете ли вы что-то о полковнике Иване Хоненко и об Иоганне Раппе? Живы ли они? Не в Константинополе ли они? Вы их где-то видели? Или знаете, где они размещены?

- Иван Хоненко? – медленно спросил один из казаков.

- Конечно, мы его знаем. Мы даже воевали под его командованием под Ростовом...

- Где он? Скажите же, где он!

- Где он? – отвечал казак неуверенно и посмотрел на своих земляков. – Где он? Этого мы не знаем. Должно быть, погиб на Перекопском фронте.

- Вот, я дам вам деньги! Братцы, помогите мне найти Иоганна Раппа и полковника Хоненко. Я живу здесь, в этом доме, запомните его точно, эту улицу, и если вы услышите что-то о них, то сразу бегите ко мне. Я дам вам все деньги, что у меня есть.

Она медленно вернулась в комнату.

Снова она ходила туда-сюда без ясной мысли, без ощущения времени и спокойствия, без усталости.

Каждый день она ходила по улицам и искала...

Она ждала каждый день, каждую минуту.

Когда они тогда с его отрядом отступали по донской степи, она больше не верила в Бога. Бога не могло быть, так как если бы он был, он не допустил бы победы зла над добром и всех этих бесконечных мучений людей.

Она вела ожесточенную борьбу. Эта борьба изматывала ее, она не оставляла ей покоя, постоянно ее преследовала только одна мысль: есть ли Бог? Каждый день снова и снова гнал ее на улицу и привел к воротам церкви.

Собор Святой Софии! Овеянное легендами византийское строение.

Здесь дни и ночи ждали беженцев. Здесь встречались друзья, мужья находили своих жен, матери своих сыновей. Потому что каждый хоть однажды приходил сюда, чтобы помолиться.

Что-то внутри нее заставило Алексу войти.

Она шагала в мягких войлочных туфлях по толстым, дорогим коврам. Всюду еще видны были рамки, в которых когда-то висели русские иконы. На правой стороне отчетливо просвечивали силуэты креста. Утверждали, что этот крест, который происходил из эпохи христианства, часто замазывали краской, но он все равно снова и снова просвечивал.

Теперь прежний алтарь был просто возвышением. Легенда рассказывает, что в тот день, когда турки захватили Константинополь, один старый священник проводил в этом месте службу. Он как раз раздавал святыне таинства народу, когда стало известно о захвате города. «Великий Боже», взмолился священник, «не дай язычникам осквернить твой дар». И тогда произошло чудо. Стена алтаря раздвинулась, и священник исчез в ней. И если настанет день, когда снова засверкает на соборе русский крест, то священник тоже выйдет из стены алтаря и раздаст святыне таинства народу...

Эта легенда и жестокое прошлое придавали большому помещению таинственную атмосферу.

Алекса встала на колени в одной из ниш, но она не могла молиться. Горе перехватило ей горло. Беззвучные слезы текли по ее щекам и горели на ее руках.

Внезапно она всхлипнула и осела, и пока она так лежала, она непрерывно продолжала всхлипывать. Никакой молитвы, никаких просьб о милости и благоклонности. Ни одно слово раскаяния не выходило из ее дрожащих губ.

Не о самой себе она плакала, а об Иоганне Раппе, о его светлой вере в справедливость, за которую он страдал. Ради него и этой веры она бросила все, отреклась от самой себя и своей родины.

В надежде помочь ему, она не протянула голодающим хлеб.

Наконец, она успокоилась и встала.

Она вытерла слезы и покинула Собор Святой Софии.

На ступеньках неизменно сидели на корточках люди в оборванной одежде, с усталыми лицами и ищущими глазами.

Алекса медленно прошла мимо них.

Солнце опускалось в море, когда Алекса шла по пыльной улице. Ребенок ее турецкой хозяйки, пятилетний мальчик, слонялся без дела у садовых ворот и смотрел вслед ей с любопытством. Она прошла по запущенной дорожке, вошла в сумрачную прихожую дома и открыла дверь своей комнаты.

Тут она в страхе отпрянула.

Повернувшись к ней спиной, перед кроватью, сидел мужчина в форме. Она не узнала его. Комната была полна табачного дыма, синеватые облачка дыма висели под потолком. Рядом с мужчиной, на ее маленьком ночном столике, стояла мисочка с окурками, там лежали огрызки яблок и кусок хлеба. Бутылка красного вина была опустошена наполовину. меховая шапка мужчины лежала на подоконнике, так, как будто бы там было ее постоянное место.

Мужчина наклонился вперед, оперся руками на колени и опустил голову на ладони.

Теперь, когда она закрыла дверь и тихо подошла по скрипящему полу к нему, он вздрогнул и обернулся.

Он со строгим жестом приложил палец к губам.

Василь!

Алекса остановилась посреди комнаты. Она, не веря своим глазам, уставилась на него. Она еще ничего не понимала.

Он жестом указал на кровать, которую он почти закрывал своими широкими плечами.

- Я принес его, – прошептал он.

Ее сердце остановилось, только на одну секунду, потом начало неистово биться. Ухмыляющееся, верное лицо Василя расплылось в улыбке. Она взяла себя в

руки, закрыла глаза, и когда она снова посмотрела вверх, ей показалось, что комната наполнена бесконечным сиянием.

На носках она подкралась ближе.

Рапп лежал, наполовину повернувшись на бок, на ее кровати и спал спокойным, крепким сном. Усталое лицо было расслабленным, дыхание равномерным и глубоким, единственный шум в тишине.

Василь поднялся со своего места, и она тихо села на стул, в то время как он присел рядом с нею на пол. Робко она провела рукой по его волосам.

Василь привел его.

Он смотрел на Раппа, как мать на своего ребенка, и гордость за свой поступок была видна на его лице. Однако Алекса в эти минуты не чувствовала ничего, кроме чудесной легкости. Она ни о чем не думала, она больше не чувствовала боли, почти не чувствовала удивления из-за странной судьбы, которая снова и снова сводила Раппа и ее вместе, причем именно в тот момент, когда казалось, что они потеряли друг друга навсегда.

Однажды он зашевелился, глубоко вздохнул и повернулся к стене. Ребенок в саду напевал какую-то незнакомую мелодию. Шаги и голоса проникали с улицы, в гавани ревела сирена.

Сколько времени прошло, она не знала, но за окном уже был темный вечер, Рапп проснулся. Она провела рукой по его лицу. Она больше не могла разглядеть его.

- Алекса? – спросил он спросонья. – Зажги свет. Я хочу видеть тебя.

Когда маленькая лампа загорелась, Василь исчез из комнаты.

Рапп опирался на локоть. Он долго смотрел на нее широко открытыми глазами. Нагнув вперед голову с короткими волосами, она нежно улыбалась ему, глядя на него сверху вниз.

Теплый весенний день лежал над Константинополем.

Деревья и кусты цвели, дождливая зима с ее многочисленными заботами и сомнениями, кажется, покинула умы людей.

Город был похож на муравейник. Трамваи, заполненные до последнего места, звонили громче обычного. Элегантные автомобили и экипажи, запряженные парой лошадей, ехали по Галатскому мосту, громкие звуки различных сигналов, между ними крики кучеров и бесчисленных уличных продавцов, все, кажется, демонстрировало заново проснувшуюся жизнь.

По узким тротуарам шли люди разных рас, как будто они как раз в этом городе собрались со всех концов света.

Английские солдаты и офицеры, в образцовой форме, достойные представители Великобритании, высокие, широкоплечие американцы, пышущие здоровьем, шагали не торопясь. Маленькие веселые французы, очень активно жестикулирующие и погруженные в беседу, спешили мимо множества лавок. Иногда оборванные, бледные офицеры и солдаты бывшей русской армии. Несвободные люди, которые зависели от благосклонности других.

Вдоль улицы, которая поднималась мимо маленьких домов и садов к холму, шли четыре молчащих человека, четыре старых друга, Рапп, Хоненко, Дорошенко и Василь.

В Константинополе снова распространились слухи о возможности возвращения в Россию. Сначала говорили, что война против красных должна начаться вновь с помощью англичан, американцев и французов. Но эти слухи оказались ошибочными. Но не сама возможность вернуться, и сердца мужчин, которые содержались в плохих условиях в лагерях для интернированных, радостно бились при мысли об этом окончательном освобождении. «Лучше умереть на родине, чем быть в плену у бывших союзников», все говорили себе.

Едва вырвавшись из когтей красных, они хотели снова вернуться обратно. Они надеялись, что их там оставят в живых.

Четыре друга, и, все же, каждый из них следовал за своими собственными мыслями. Они боролись с самими собой, поэтому они молчали.

В конце улицы, перед садом маленького дома, в котором теперь они жили все вместе, стояла Алекса и ждала. Они должны были бы прийти уже давно, но это опоздание не пугало ее – русские редко бывают пунктуальны.

Она села на раскаленный солнцем камень и смотрела прищуренными глазами в синеватую даль. Белокурые волосы были вымыты и без кокетства просто зачесаны назад. Пестрое платье, простое и без каких-то украшений, освещало весь

ее вид. Ее лицо было наполнено жизнью, глаза светились от счастья. Да, теперь счастье, наконец, стояло на пороге. Тяжелые тучи были только лишь прошлым.

Василь вернул ей Раппа, он вытащил его тогда из-под артиллерийского огня и погрузил на один из трех бронепоездов. Хоненко ничего об этом не знал, так как его поезд поехал в Севастополь, а другой в город Керчь. В Керчи Раппа также посадили на корабль, и в Константинополе они все снова встретились. Казаки, которых Алекса просила о помощи, показали Василию дорогу к ней.

Мужчины еще долго оставались молчаливыми, задумчивыми, почти опасавшимися жизни вне дома.

Пока Рапп однажды не поразил ее. У него в руке была лопата, и он уже собирался воткнуть ее в землю. – Ведь весна, дорогая, – сказал он ей тогда, – нужно вскопать хотя бы этот маленький кусочек земли. При этом он грустно улыбнулся, и она быстро убежала от него, как будто бы она не видела этого. Василь помогал по хозяйству. Хоненко каждый день ходил со своей невестой в город за покупками, и чтобы услышать новости. Только Дорошенко тихо лежал в тени и молчал.

Первое письмо Алексы поспешило к ее отцу. Теперь он должен был помочь всем. Второе письмо было направлено к полковнику Бодмеру. Бодмер ответил сразу, он с удовольствием готов был сделать что-то для своих старых товарищей. А вот коммерции советник Хаберманн молчал. Также второе и третье письмо, которое было отправлено как срочное, остались без ответа. Тогда Бодмер решил сам посетить его и сообщить об этом Алексе.

Скоро, очень скоро, вероятно, уже в течение следующих дней, они все хотели уехать. Сердитая из-за того, что именно теперь снова начали говорить о возвращении в Россию. Алекса твердо намеревалась ни при каких обстоятельствах не отпускать Раппа снова и никогда больше не уступать ему. Да, она взялась за это всерьез...

Тут они пришли, четверо мужчин. Последним шел Василь.

Взглянув на них, Алекса почувствовала, как будто бы чья-то рука грубо схватила ее за сердце. Внезапно в ней погасла вся ее радость.

Мужчины идут так же, как тогда – склонив головы, сцепив руки за спиной.

Бросив пристальный взгляд, она устало направилась к ним навстречу.

- Ваня...

Он поднимает голову и видит ее, залитую весенним солнцем, стоящую перед ним.

- Алекса? – Он сразу замечает изменившееся выражение ее лица. – Что с тобой? Что-то случилось?

- Ничего... Я долго ждала вас и немного испугалась.

- Мы встретили нескольких старых товарищей, – говорит Рапп уклончиво. Он опускает голову, его взгляд скользит по ней и останавливается на ее простых ботинках. Она ничего не позволяет себе, такая мысль появляется у него в голове, она отдает все, для меня, для других, которым она дарит одежду, еду и деньги.

Снова он поднимает голову. Он хотел бы сказать ей какое-то доброе слово, но девушка смотрит мимо него – куда-то вдаль.

- Может, войдем в дом? Еда ждет.

- Да, мы войдем. Эти слова были произнесены так безучастно.

Они заходят и молчат, всех молча становятся вокруг стола, который накрыт в саду между цветущими кустами.

- Господин полковник! – радостный голос Василя внезапно разрывает это молчание. Воодушевленно он смотрит на мужчин. – Несколько товарищей уже в ближайшие дни хотят снова поехать на Дон.

- Ну и пусть они все туда едут, – звучит сильный голос одинокого Дорошенко. – Я остаюсь! Или я пойду в лагерь, мне все равно. Но я не поеду.

Василя его слова не смущают.

- Много казаков получили письма. Пишут, что все ждут нас. Я хорошо знаю, что нас там снова бросят в чистилище, но на родине наши тоже сгорают... Я сросся с родиной с телом и душой. Разум говорит мне, что мне лучше было бы остаться здесь и ждать, но с моим сердцем я больше не справляюсь. И письма... они все пишут, что с красными скоро разделаются. Они спрашивают, почему мы бездельно сидим здесь и ничего не предпринимаем, и что чем раньше мы приедем, тем быстрее закончится власть красных. Они живут там как в аду. Возможно, оставаться здесь это даже грех.

Мужчины молча сидят и едят.

- Дорога на Дон ведет через порты, – говорит Хоненко. – А там сидят «чрезвычайки», и они только обрадуются, если переловят нас всех. Да и кто вообще смог бы отправить нас на Дон?

- Какое-нибудь судно, – отвечает оптимистичный Василь. – Вероятно, греческое. Ведь греки все могут сделать за деньги.

- Что ты об этом скажешь, Рапп? – спрашивает Хоненко и смотрит на своего друга.

Рапп молчит. Он чувствует взгляд Алексы. Она тоже ждет от него ответ. Он снова начинает есть, тщательно и медленно.

- Я остаюсь здесь, – повторяет Дорошенко, – если Алекса меня не выгонит. Я знаю, что я уже долго не проживу. Не победа красных погубила меня, а наши собственные люди, которые не знают, чего они хотят. Если бы многие были такими, как наш Василь, у которого было мужество вытащить Раппа из-под огня с риском для собственной жизни и доставить его на корабль, тогда юг России выглядел бы сегодня совсем иначе. И если мы даже очистим Дон от красных, то чего мы этим добьемся? Тогда возникнут новые разногласия, новая бессмысленная борьба, новые жертвы. Нет, я больше не верю в наш народ. Это жестоко, но я думаю, что он и не заслуживает ничего лучшего.

Он отодвигает свою тарелку, встает, идет к Алексе и целует ей руку.

- Я того же мнения, – говорит Хоненко мрачно. Черные глаза татарки вспыхивают.

Также Василь встал и делает нерасторопное расшаркивание перед Алексой. – Если человек что-то любит, как я мою родину, – говорит он с красным лицом, – тогда нельзя покидать ее в беде и в полном отчаянии! Это мое мнение!

Он говорит громко и определенно. – Теперь я поставлю воду для мытья посуды, – тихо добавляет он и идет в дом. Другие следуют за ним.

Медленно поднимается Рапп, пододвигает стул к столу и идет к Алексе. Ее глаза, серьезные и большие, смотрят вверх на него.

- Ты можешь ехать, Ваня! Ты никогда не должен делать ничего, что не согласуется с твоей честью и твоими убеждениями. Вероятно, также для тебя будет лучше, если ты поедешь...

В ее голосе внезапно звучит болезненный, горький тон. – Из-за меня ты никогда не должен идти на компромиссы, Ваня! Никогда! Ты должен решительно, не оглядываясь на других, располагать своим чувством, иначе жизнь для тебя станет мучением. Ни один человек не обязан из-за какой-нибудь оглядки на других принуждать самого себя к такой жизни, которая делает его несчастным. Ты должен делать то, что ты сам хочешь, Ваня. Я желаю этого, – категорически заканчивает она.

Она видит, как он идет к забору и там останавливается. Она знает каждое из его движений, его раны, следы от иголок прежних швов, она знает, когда и где он испытывает боли, и что нужно делать, чтобы сделать их более-менее сносными.

Рапп смотрит в далекую, солнечную даль, и ей вдруг кажется, как будто бы он, вечно свободный, вольный человек, даже в этом саду заперт как в клетке.

Внезапно она вспоминает, как он скакал тогда со своими друзьями по широкой степи, молодой, озорной, полный необузданной, смелой жизни. А сейчас...? Он молчалив, робок, уставший, вероятно, до конца своей жизни. Возможно, что в рутине будней, с которой он сегодня уже едва ли больше может справиться, он погибнет...?

Тут Рапп оборачивается.

- Даже если бы я хотел, – говорит он медленно и подчеркнуто, – я больше не смог бы поехать.... Я стал бесполезным. Я также больше не верю в это. У других еще есть... юная душа.

Уезжающие были мрачными и серыми.

Они сидели на своих мешках, в которых лежали их пожитки. Вокруг них стояли их товарищи и все те, с кем они сдружились на чужбине.

Никто не разговаривал – да и о чем нужно было говорить друг с другом?

На судно перебросили трап.

Без поспешности шли по нему люди, кто-то крестил их, многие глаза были хмурыми, беззвучные слезы падали, и серые, согнувшиеся люди поднимались на пароход. Тягостное, роковое настроение царило над большой толпой.

Время ползло...

Трап на судне был поднят.

Между уезжавшими и остальными не было никаких упреков, вражды, горечи. Но они также не находили больше слов утешения друг для друга. Одни теряли своих друзей и братьев, которые своим возвращением на родину ставили на карту все, а другие, глядя на них, чувствовали при этом боль, и стыд, и расставание со всем тем, что связывало их с давних пор.

Иногда, как яркий диссонанс, в сторону корабля доносились голоса: – Пиши мне... Не забудь передать привет... Обязательно попытайся передать мое письмо... Скажи моему брату...

Пароход медленно приходил в движение.

И внезапно со всех голов, как здесь, так и там, слетели шапки. Несколько мужчин встали на колени и крестили корабль, другие начали тихо всхлипывать.

Священник встал на самом краю набережной. Он поднял высоко над своей седой головой блестящий крест, на котором распят Христос, и благословлял уезжавших.

Еще долго можно было видеть пароход и серых, тихих мужчин с обнаженными головами. Еще долго, пока можно было видеть, они махали.

Так же молча люди на берегу снова расходились. Корабль исчез у них из виду.

- Встретимся ли мы с ними когда-нибудь еще раз? – спросил Дорошенко.

- Нет, Петро, мы никогда больше с ними не встретимся. Потому что если они и останутся там живы, то их больше не выпустят. И я не верю, что кто-то поможет нам выгнать красных из страны. А мы сами больше этого не сможем.

- И что же нам делать? Мы же должны искать работу!

- Бодмер нам точно поможет, – сказала Алекса. – Мы скоро поедем в Берлин.

- Здесь, во всяком случае, это не может так длиться долго. Мы тут живем нахлебниками уже несколько месяцев.

- Если бы у Алексы не было денег...

- Но это вовсе не мои деньги, Петро, – она быстро прервала его. – Это же только слепой случай. Мы должны радоваться, что все случилось так, и что мы благодаря этому смогли также помочь и многим другим.

- Бог знает, действительно нужно радоваться этому, – сказал горько Дорошенко. – Как будто вообще больше нет чувства стыда!

- Вот, Петро, взгляни! – Рапп показал на улицу. – Видишь английского морского офицера, его образцовую, чистую форму, гладко выбритое, ухоженное лицо, безупречные перчатки, блестящие ботинки? Его страна стоит непоколебимо, поэтому у него также нет забот. У него есть самое прекрасное для человека – будущее. Маленькая, красивая сестра, которая идет рядом с ним, ухаживала за Алексой в английской больнице. Может быть, он женится на ней. Это люди, у которых есть завтрашний день – а у нас?

- Хоненко, а ты не смог бы сделать турне с донским казачьим хором? Ты знаешь мир и говоришь на нескольких языках. Я тогда сопровождал бы тебя как твой чистильщик сапог или, вероятно, как твой денщик, к которому ты должен был бы, однако, всегда относиться с большим снисхождением.

- Не говори таких гадостей, Петро! – Алекса слегка толкнула его.

- Моя дорогая Алекса, но ты же знаешь, что я прав.

- Нет, ты не прав! – воскликнула она. – Ты совсем не прав! Для каждого есть работа!

- Если бы мне это сказал кто-то другой, а не ты, Алекса, то я высмеял бы его. Но ты сама прошла через очень многое, ты знаешь, что такое жизнь, и ты также знаешь, что это значит, если нужно сначала снова искать содержание, цель и смысл жизни. Оксана и наш ребенок – мертвы. Они должны были заменить мне все остальное и заменили бы мне также все.

- Ты можешь рисовать, Петро!

- Вероятно – но я уже так давно этого не делал, – ответил он рассеянно. – Да, я буду рисовать Оксану и ребенка...

Они тихо продолжили свой путь.

- О чем наши на корабле будут теперь беседовать?

- Они будут молчать.

- Да, они будут молчать. Да и о чем они теперь должны были бы говорить?

Х

Высокий, стройный мужчина поднимался по скрипящим лестницам заднего корпуса берлинского дома. На нем было элегантное, узко сшитое пальто, и по его осанке в нем можно было узнать бывшего офицера. В руках он держал цветы. На лестничной клетке пахло едой, углем, варящимся бельем и убежавшим молоком, где-то ревел ребенок.

«Рапп», прочитал мужчина на табличке. Он остановился и начал снимать перчатки. За старой, уже гнилой дверью, стекла которой были заклеены пестрой стеклянной бумагой, кто-то долго и со стоном кашлял, и женский голос пытался успокоить его.

Когда мужчина позвонил, кашель стал более приглушенным и совсем прекратился. Твердые шаги звучали по голому полу. Дверь открылась.

Мужчина снял шляпу. У него были седые волосы, узкое, серьезное лицо.

- Бодмер! – Алекса была в костюме сестры милосердия, как всегда.

- Несколько цветов для тебя.

Бодмер вошел и сначала должен был привыкнуть к темноте коридора. Он повесил свое пальто рядом с тонким черным пальто Алексы.

Когда он перед зеркалом быстро пригладил себе волосы, он увидел эту женщину, стоящую перед темным занавесом, который разделял коридор по центру. Она казалась страшно бледной, и ему снова стало вдвое тяжелее на душе при мысли о том, что будет потом со всей этой нищетой, теперь, когда она ожидала ребенка и должна была через несколько месяцев оставить свою работу в клинике.

Комната, в которую он последовал за нею, показалась этим серым вечером еще беднее с ее скудной скромной мебелью и высоким окном, выходящим на второй задний двор.

Алекса попыталась поставить цветы в вазу, но та была слишком мала для длинных роз.

Я должен был бы принести ей красивую узкую вазу, подумал он и отвернулся от окна.

В этот момент в боковой комнате снова послышался кашель.

- Как дела у Петро Дорошенко? – спросил он.

- Плохо. Сердце очень слабое, – прошептала она в ответ.

- И никакой надежды?

- Нет.

- Я могу зайти к нему?

- Позже, я как раз дала ему порошок. Теперь он должен спать.

- Получил ли он уже сообщение от Лондонской художественной выставки?

- Еще нет. Он его очень ждет, хотя и не сознается в этом перед нами. Его мучит мысль, что мой муж и я кормят его.

Бодмер сел на скрипящий диван и подпер голову руками.

- Я все еще вижу перед собой его степной пейзаж, – сказал он задумчиво. – Так ощутимо, как будто бы ты сам стоишь посреди степи, и как будто бы воздух, цветы и трава действительно полны жизни, так же как тогда. – И его иконы. Оксана, с ребенком на руках. Он большой художник.

Теперь сумерки начали сглаживать убожество комнаты.

- У нас не очень тепло, – заметила Алекса. – Я заварю тебе немного чая. Из прихожей все еще дует, хотя Ваня и подбил толстый войлок под дверь.

Она включила свет и вышла.

Он печально смотрел ей вслед. Когда ее шаги удалились, он встал, полез поспешно в карман, вытащил портмоне и вынул несколько купюр. Его взгляд быстро облетел всю комнату, стол, потолок, несколько лежащих сбоку книг. Наконец, его рука малодушно упала назад. Он снова засунул деньги обратно.

Алекса принесла белую посуду. Из ее глаз навстречу ему сияло все ее доверие.

Я только поставил бы ее в неловкое положение этими деньгами, подумал Бодмер. Она никогда не приняла бы их.

Несколько минут ничего не было слышно, кроме ее тихой возни. Она накрывала на стол. Ее движения были заботливыми и спокойными. Внезапно она остановилась и подняла голову.

- Ну, – спросил он, – что там у тебя? Печаль?

- Это из-за Вани, – сказала она поспешно. – Я беспокоюсь за него. Весной все еще шло нормально, когда у него была работа у одного крестьянина, летом тоже. Но теперь, с осени, ничего больше нет. – Ты знаешь, что на строительстве он не справился. Он не мог носить такие тяжести из-за ранения. Ты знаешь, как много он писал, и что за предложения к нему поступали. Торговым агентом, коммивояжером он не хочет работать, потому что ему не по душе убеждать людей что-то покупать. Он ведь фермер.

Она молчала и смотрела грустно. – Он исчезает на целый день, – наконец, тихо произнесла она, – и я не знаю, что он делает. Он не говорит мне, а у меня больше нет духа его спрашивать. Ты понимаешь?

Бодмер кивал. Он чувствовал себя как парализованный.

- Иногда он приносит мне немного денег, – продолжала она. – Или какое-то растение, о котором он заботится, как о многих других. Когда он просыпается, он в первую очередь смотрит на эти цветы, и он никогда не уходит без того, чтобы не позаботиться осторожно о каждом из них. Под его руками они чудесно растут.

Внезапно нежная улыбка осветила ее серьезное лицо. Она вынесла из комнаты, в которой спали она и Рапп, гиацинт и поставила его под лампой, в середине стола.

Как будто все безобразие настоящего ушло прочь перед ароматом и красотой бледно-голубого цветка.

Бодмер молча смотрел на руки Алексы.

- И по ночам Ваня тоже не бывает дома, – говорила она. – Теперь у меня часто бывают ночные смены в клинике. Но Дорошенко мне об этом рассказывал.

Она вынесла чайник из кухни, поставила на стол и закрыла его.

Снаружи хлопнула дверь.

Бодмер и Алекса обменялись взглядами.

Она как будто преобразилась. Все в ней было ожиданием и счастьем. Она выбежала в коридор.

- Холодно. Что делает Петро? – Бодмер услышал шепот Раппа в коридоре.

- Он спит. Входи, у нас Бодмер.

Когда Рапп вошел, Бодмер ужаснулся.

Он часто бывал у Алексы, не встречая при этом Раппа, и поэтому не видел его уже несколько недель. Этот человек страшно изменился. То, что раньше, на войне, делало его лицо усталым и серьезным, было стерто глубоким истощением, скрытым малодушием, которое почти обезобразило его лицо. Улыбка была неестественной, кожа серой, глаза были темными от печали. Рапп тяжело страдал от того, что Алекса была единственным добытчиком в семье, и должна была, кроме того, в ее состоянии еще дежурить по ночам в клинике.

Он остановился за столом перед Бодмером, так что на его голову не попадал луч света от лампы, и, дрожа от холода, тер свои огрубевшие от работы руки.

- Приятно будет увидеть тебя однажды. Алекса сообщила мне о твоей хорошей должности в какой-то экспортной фирме. Как тебе, собственно, это удалось?

Пока Алекса наливал чай, Бодмер рассказывал. Он как-то шел по улице, и тут кто-то крикнул ему: «Господин полковник, господин полковник!»

- Я оглядываюсь, вижу знакомое лицо, его рот барабанит мне скороговоркой восторженно, но бессвязно: «Украина, вступление немецких войск», и еще что-то о том, как он гордится тем, что он был самым молодым моим лейтенантом. Это был Эберсбах, адъютант в моей части. Мы пошли выпить по чашке кофе. Он сказал, что у его отца есть экспортная фирма, и для них было бы особой честью... и так далее. Короче, я занял эту должность много месяцев назад. Да, и это мне даже очень понравилось.

- Да, связи... – Рапп начал пить свой чай. Он пропустил мимо ушей странную заключительную фразу Бодмера. Готовый костюм был для него слишком тесен в плечах и груди, простая рубашка больше не выглядела безупречно чистой, галстук был повязан плохо. Его широкая ладонь поднялась над столом и коснулась земли в цветочном горшке.

- Слишком сухая, – пробормотал он, потом посмотрел вверх. – Да, связи, – повторил он. – У меня никого нет. Да мне еще и не везет, черт-те что!

- Но, Иоганн, в жизни каждого человека когда-то бывает длинная полоса неудач. Ты знаешь, как паршиво было мне, когда я вернулся с фронта. У меня больше не было матери, нет братьев и сестер. Я остался только один во всем мире, и теперь я очень рад тому, что у меня есть ты, твоя жена, друзья, Дорошенко и Хоненко. Иногда даже очень хорошо, если дела идут действительно плохо.

- Что ты имеешь в виду?

- Тогда ты радуешься даже любым мелочам. Становишься более благодарным.

Снаружи позвонили. Рапп поднялся и вышел.

- Здесь ли живет Рапп? – спросил звонкий детский голос.

- Да, дитя мое, – ответил Рапп, – это я и есть.

- Отец попросил вам передать, что вы больше не должны разносить еду. Теперь у нас есть другой человек. До свидания.

Дверь закрылась. Рапп вернулся и сел с усталым, медлительным движением. Он никому не рассказывал, что он зарабатывал пару пфеннигов, разнося еду в одном маленьком кабачке.

Снаружи опять зазвонил звонок, резко и громко.

- Бедный Петро, – сказала Алекса.

Рапп встал и вернулся с госпожой Хоненко. Тихо и отсутствующе она подала всем руку и очень прямо села на стул.

- Что с тобой случилось? – спросила Алекса испуганно. – Тебя уволили из салона мод?

- Нет... Иван снова исчез... Его нет уже целую неделю. – Маленькие руки татарки держали чашку с чаем, и из закрытых глаз бежала слеза по щеке.

- Пар, – шептала она приглушенно. – Он настолько горяч, что слезятся глаза. Но ничего страшного, у меня всегда так бывает.

Она судорожно старалась улыбаться. – Я даже забыла взять сахар, так я хотела пить.

- Не делай глупостей. – Рапп забрал у нее чашку и положил руку на ее тонкие плечи. – Рассказывай. Почему он снова уходит? У него нет работы, или что?

Она кивнула. – Я чувствовала это, – тихо отвечала она. – Я все время ждала, что он снова уйдет. Я знаю, что он любит меня, но что уже это значит, если жизнь лишена цели и будущего?

- Так было, пожалуй, с самого сотворения мира, – сказала Алекса из отдаленного угла комнаты. Она сидела так, что можно было видеть ее профиль, ясный лоб, нос с легкой горбинкой и мучительно улыбающийся уголок мягкого рта.

Татарка кивнула ей. Она стала спокойнее. – Я еще вечером, прежде чем он исчез, говорила: «Ты оставишь меня, я это знаю. Ты бросишь свою работу, которая никогда не удовлетворит тебя, всю свою жизнь здесь – все это ты однажды бросишь к моим ногам. Не мне, твоей жене, а судьбе. Я, наверное, этого боюсь, но как раз в этом и лежит твоя сила, твоя неиспользованная внутренняя сила. Спасибо Богу, что ты еще обладаешь ею. Я всегда буду ждать тебя». Он сел ко мне, молча целовал мои руки, как будто бы он хотел публично попросить прощения, у меня, маленькой, незначительной женщины. На следующее утро он ушел и больше не вернулся. С тех пор я больше ничего не слышала о нем.

- Ты хотя бы можешь предположить, где он мог бы быть? – спросил Рапп после длительной паузы.

- Мы в последний раз говорили о хоре донских казаков. Один из наших знакомых слушал его где-то за границей и рассказывал, что дела с гастролями у казаков идут плохо, потому что у них нет никого, кто мог бы энергично помогать им в их делах.

- Разве они не пели в то время во Франции? – спросил Бодмер.

- Да, я думаю, что Иван тоже сейчас отправился во Францию, пешком, потому что он не взял с собой деньги. По пути туда он будет лечить у крестьян лошадей. Как офицер казачьей лейб-гвардии он всегда хорошо в этом разбирался. Так он будет зарабатывать себе деньги, и идти дальше, пока не доберется до своих товарищей.

- Там он на самом лучшем пути! – Бодмер попытался улыбнуться госпоже Хоненко.

- Да, дорогой Бодмер, возможно, вы правы. – Лицо молодой женщины прояснилось. – А я пока буду дальше работать манекенщицей, буду жить экономно, и потом поеду вслед за ним. Он всегда был диким, беспокойным парнем, мой Иван.

Они молчали. Каждый погрузился в свои мысли.

- Собственно, я пришел, чтобы попрощаться, – Бодмер внезапно заговорил неуверенным голосом.

- Почему же? Что это значит, попрощаться?

- Вы знаете, я уже много месяцев назад направил в немецкие административные учреждения за границей просьбу о получении должности. Теперь я получил информацию... Я еду в Вашингтон... Послезавтра корабль отходит из Гамбурга.

Его пальцы скользили по скатерти. Алекса знала, как возбужден он был.

- Я теряю вас всех. Это тяжело. Мы всегда хорошо держались вместе, в битвах, в тылу, здесь, где мы теперь сидим... – Он провел рукой по лбу. – Вы знаете, что я хочу сказать.

Татарка видела, как Бодмер бросил взгляд в сторону Алексы, и снова ощутила, что этот мужчина, наверное, все еще испытывал к этой молодой женщине нечто большее, чем просто дружеские чувства.

- Мне пора идти. – Бодмер встал.

- А я должна идти на службу, – сказала Алекса.

- Передайте привет Дорошенко, моему старому отчаянному товарищу по оружию, – прошептал Бодмер в коридоре. – Я желаю ему большого успеха с выставкой его картин в Лондоне.

Рапп стоял одиноко в двери квартиры и смотрел им вслед.

Снаружи было холодно и мокро. Снег лежал грязными кучами, наполовину растаявший. Бодмер поднял воротник пальто.

Подъехала городская электричка, Алекса и госпожа Хоненко должны были садиться. – Я еду в противоположном направлении, – сказал он.

- Завтра я еще приду на вокзал. – Алекса подняла ладонь к его плечу и погладила его руку. Он быстро кивнул и твердо пожал ей руку. Потом его фигура исчезла в тумане.

Рапп снова положил Дорошенко назад на подушки. Он поддерживал его руками, когда давал ему поесть. Занавес, который окружал кровать друга, был отодвинут, и из коридора, в котором стояла кровать, доносился прохладный воздух. Петро говорил, что ему было жарко, и он попросил об этом. Теперь он лежал там с открытыми, отсутствующими глазами, рубашка расстегнута на груди.

- Когда Иван Хоненко вернется, – начал шептать он едва слышно, – и я знаю, что он вернется, тогда на его вопрос, где я остался, ответьте ему, что я погиб. Не на фронте моей родины, а в тылу великой войны, где еще очень многие из нас умрут. Я знаю, что мне скоро придется покинуть вас. И если мы с нашими идеалами, однако, когда-нибудь победим, то это стоило смерти ради нашей родины.

Он с трудом поднялся. Сильный приступ кашля тряс его худое тело. Наконец, он смог продолжить.

- Нас было мало, но мы сохранили всю чистоту наших знамен для лучшего будущего, для еще последующих поколений. Счастлив может быть только тот народ, который в последний момент осознанно ставит свою национальную гордость и свою честь выше собственной жизни.

Он откинулся назад. – Если, все же, мои картины продадутся... Алекса месяцами кормила меня и ухаживала за мной...

Внезапно его глаза засверкали неестественным блеском. – Остаток распределите среди голодных товарищей... Среди казаков, у которых еще есть молодая душа, самых лихих и самых смелых среди них. Они должны, как мы, стать когда-то «белыми дьяволами».

Голова его тяжело лежала на подушках, и свет маленькой масляной лампочки, которая висела над кроватью, распространялся над его расслабленным лицом. В его глазах теперь видна была просьба.

Рапп понял. Он поднялся и перекрестил друга. Глаза его закрылись.

- Ваня, – прошептал Дорошенко спустя долгое время. Рапп вздрогнул.

- Я хочу еще раз посмотреть на небо.

Рапп отнес его на его руках в жилую комнату и посадил в кресло у окна. Дорошенко пристально вглядывался наружу.

Рапп видел только безобразный маленький задний двор, и разочарованный этим видом, он еще тверже обнял за плечи своего друга.

- Ваня... смотри..., – шептал Дорошенко, – звезды... наша степь... далеко, широко распростерлась она...

Теперь он стал белым как снег, но его глаза были большими, молодыми и сверкающими.

- Ах...! – он глубоко вздохнул.

Его страстное желание осуществилось.

Рапп бесцельно брел по улицам.

Окна были освещены, всюду за ними жили люди, которые плакали, смеялись, умирали. Сколько людей были один на один со своими заботами о буднях, о скудном куске хлеба, со своим вечным страхом?

Дома, окна, люди и будни – это город.

Неужели не было никакой возможности избежать этих будней?

Шаг за шагом, шаг за шагом шел он дальше. Куда-нибудь. Вероятно, в самой темной ночи не было будней. Туда он и хотел попасть со своим отчаянием.

Алекса, думал он малодушно. Ты мучаешься ради меня. Ты становишься все неприятнее, хотя ты давно должна была бы заботиться о себе и беречь себя.

Через несколько месяцев должен родиться ребенок.

А я без работы!

Пришла ночь, наступило утро, а Рапп все еще шел. Он не чувствовал ни холода, ни сырости туманного зимнего утра. Он нашел скамейку и сел. Там лежал пакет с хлебом, который кто-то забыл или потерял. Он открыл его и начал быстро есть, при этом он озирался по сторонам, как будто вор, который что-то украл.

Красивый коричневый сеттер, неухоженный и грязный, стоял перед ним, дрожа от холода.

- Ну, иди сюда, ты тоже такой же голодный.

Он бросил ему кусок хлеба, который собака тут же проглотила.

- Еще дать? Бедный зверь.

Он гладил собаку, которая положила голову ему на колени. Он говорил с нею, как будто бы она была человеком.

- Теперь ты должен идти. Или у тебя нет дома, нет?

Рапп посмотрел на ошейник. На маленькой табличке был написан адрес.

- Пошли, я отведу тебя домой.

Он поднялся, и собака, все еще дрожа, побежала за ним.

Рапп расспрашивал людей в поиске улицы. Он позвонил в звонок перед одной виллой. Горничная открыла ему садовую калитку, собака сразу радостно прыгнула навстречу ей.

- Заходите, милостивая госпожа будет рада. Она еще спит, но я разбужу ее. Вы не хотите? Ну, вы очень глупы, если отказываетесь от вознаграждения. Заходите, деньги не пахнут.

Она быстро вошла и оставила Раппа в прихожей.

Вскоре после этого вошла заспанная женщина и начала петь честному человеку, нашедшему ее собаку, хвалебную песнь с громкими словами: – Ах, господин, я должна была бы дать вам namного, namного больше.

После этого, когда дверь за ним закрылась, ее голос умолк.

Ему на ум пришло, что Алекса скоро должна была быть дома. Он пошел быстрее. Она не должна была одна войти в квартиру к мертвецу.

Алексы еще не было дома. На полу коридора лежало срочное письмо. Рапп раскрыл его.

Обе картины мертвого друга были проданы в Лондоне. Дорошенко должен был немедленно прибыть и получить гонорар, а также следующие заказы.

Рапп снял с головы шапку, его пальцы почувствовали холодный, потный лоб. Неуверенно он подошел к мертвецу, как будто хотел еще показать ему письмо.

Много лет, думал Рапп, до сих пор, каждый час, каждую секунду этот человек тоже на что-то надеялся, работал для достижения своей цели, ждал. Если бы это проклятое письмо пришло пораньше, он, вероятно, еще раз смог бы найти в себе силы и выздороветь...

Слишком поздно, Петро больше не было среди живых.

Нерешительно Рапп стоял перед мертвым другом, над лицом которого все еще парил мягкий свет масляной лампочки.

«Но все-таки твоё желание исполнилось! Вот письмо!»

Внезапно Рапп снова схватил себя за голову. Не сошел ли он с ума?

Мысль о том, что Алекса могла сейчас прийти, пугала его. Он должен был собраться с силами.

«Я должен быстро разогреть печь», бормотал он, «сварить кофе».

Он начал возиться, раскрывал окна, убирал комнаты, накрыл стол и начал молоть кофе.

Будни продвигались, все дальше, проходя мимо всей жизни.

Последние друзья и товарищи из прошлого, которое им самим сегодня казалось легендой, пришли к Петро Дорошенко. Пестрой и беспокойной стала их жизнь. Один держал руль арендованной машины, другие подносы в ресторане и обслуживали людей с пустой, вежливой улыбкой.

Также они потеряли всякую надежду на более сносное будущее. Перед ними лежала, постоянно нетерпеливо поджидая их в засаде, старость; они знали, что она задушит их. Их подстерегали нужда и бедность.

Им оставались считанные годы, в которые еще можно было что-то делать, работать, зарабатывать деньги, и быть в состоянии помогать другим. Потом неизбежно наступило бы то, что внушало им ужас... Может быть все же избавление?

Здесь, на чужбине, они собрались для последней борьбы. Они помогали друг другу, не знали слабости, колебаний и не сдавались. Они были маленькими, незаметными, непонятыми многими, многими даже уже высмеянными титанами в больших жестоких буднях.

Руки старых друзей и товарищей уложили в гроб Петро Дорошенко. Те же самые руки надели на него перед этим его старую форму, медали, дали ему в его последний путь его святыни, маленькие подарки на память, и высыпали горсть родной земли к его ногам.

Затем они вынесли его из дому.

Они бросали также первые горсти земли этой чужой страны на гроб лишенного родины человека. Это было для них последним рукопожатием.

Затем они крестились, нерешительно отходили от его могилы и уходили.

Они покидали маленькое, уединенное кладбище и расставались тихо. Каждый ехал в другом направлении. Большой город снова проглотил их всех.

Алекса чувствовала себя слабой и печальной, когда она с Раппом вошла в дом. Здесь в заднем корпусе не было ковров. Ее шаги громко звучали на истертых, грязных ступеньках. Скучный свет падал через высокие, узкие окна.

Сегодня лестница показалась Алексе настоящей горой, на которую она с трудом взбиралась с Раппом. Он заметил неестественную бледность ее лица, поддерживал ее, и теперь тянул ее наверх, ступенька за ступенькой.

- Так, – приободрял он ее, – теперь остался последний пролет, мы почти справились.

Его голос тщетно пытался звучать бодро, страх за Алексу душил все.

Когда они огибали лестничную площадку, они вздрогнули от испуга.

Там сидел какой-то мужчина.

Он сидел на самой верхней ступеньке, подпирая голову руками. Серое лицо пристально смотрело навстречу им и расплывалось в неопределенном свете. Рапп включил свет на лестничной клетке. Одинокая лампочка вспыхнула. Тогда человек поднял голову.

- Хаберманн!

Алекса стояла за Раппом, затаив дыхание, прижав руку к сердцу.

- Отец! – прошептала она.

Хаберманн медленно поднялся. – Гм, – произнес он. – Я надеюсь, вы испугались от радости. Сегодня меня выпустили из тюрьмы.

Его голос звучал хрипло, так, как будто бы он долго молчал.

Рапп протянул руку. Хаберманн схватил ее и быстро пожал.

- Странная встреча, – заикался он. – Теперь, наконец, впустите меня, а то я уже почти оконченел. Ваша консьержка сказала, что вы скоро придете, и я просто здесь ждал.

Только теперь Алекса успокоилась. Она протянула руки и обняла его за шею. Одну секунду он не двигался, прижав ее голову к своей груди, потом он отодвинул ее от себя.

- Я, похоже, очень изменился? – спросил он недоверчиво. – Ну, вы тоже изменились. Годы ни у кого не проходят бесследно.

Да, он очень изменился. Волосы почти белые, щеки впалые, и плечи немного согнуты вперед, но его серые глаза смотрели холодно, испытующе и полные превосходства, как всегда.

В коридоре занавес был отодвинут, пустая кровать Дорошенко, с подушками без наволочек, стояла одиноко.

- Кто же здесь живет? – Хаберманн критически осматривался по сторонам.

- Больше никто, – ответил Рапп, резче, чем он хотел. – Тот, кто там спал, умер.

- Ах, вот как, – пробормотал Хаберманн и замолчал.

Он бродил по комнате туда-сюда, пока Алекса наскоро готовила чай.

- Да, на дворец это не похоже, – произнес он сухо. – У тебя есть работа, Иоганн?

Рапп покачал головой.

– Да, без денег это не жизнь. Хаберманн остановился перед окном. Снаружи смеркалось. Всюду за окнами зажигался свет.

Он и не ожидал увидеть здесь дворец, но, все же, и не такую ужасающую бедность! Когда Алекса вошла, он зашел назад в комнату и сел за стол к Раппу. Взгляд его скользнул по его дочери, остановился на ее усталом лице, огрубевших руках, пролетел по ее простому черному платью и стоптанным туфлям.

Он покачал головой. – Кажется, уже пора, чтобы старый Хаберманн снова занялся своей коммерцией.

Рапп невольно выпрямился. Поток воли, силы и уверенности исходил от этого человека, который только что вышел из тюрьмы, в которую его несколько лет назад привела его безрассудность.

Ничто не могло согнуть Хаберманна, он не поддавался. Мир был для него так же открыт, как и прежде.

Костюм его был легкий, рассчитанный на лето, его широкие руки, которые лежали на светлой скатерти, были неухоженными. Он постарел, но только внешне. Однако его разум работал с тем же самым превосходством, взгляд его глаз остался молодым.

- Что ты попробовал, – спрашивал он, – чтобы заработать деньги?

Рапп пожал плечами. – Все, – ответил он. – Но фермеры в это время не нужны, а чтобы научиться чему-то новому, я для людей всегда слишком стар. Молодые люди дешевле и их легче обучить. Летом я был у одного крестьянина, работал батраком. Еще пару дней назад я зарабатывал какие-то гроши, но теперь и это закончилось.

Он промолчал о том, как именно он зарабатывал эти гроши. Да Хаберманн и вряд ли понял бы это.

- А ты, Алекса?

- Она работает за меня, – ответил Рапп вместо нее. Его лицо на секунды погрузилось в безграничную горечь. – Она работает в клинике, дежурит по ночам, в этом состоянии.

- В этом состоянии? – повторил Хаберманн. Он еще раз долго и с любопытством посмотрел на Алексу. Неуверенность была в его глазах.

- Ах... еще и это, – громко сказал он.

Ее лицо в этот момент, в свете лампы, на темном фоне комнаты, выглядело трогательно юным. Она о чем-то думала с тихой улыбкой.

- И что же ты планируешь? – спросил Рапп заинтересованно.

- Я? – Хаберманн сделал большой жест. – Все открыто для меня. Я, с моими связями, что я должен был бы делать? Начать! Конечно, еще раз снова начать с самого начала, как маленький человек. Завтра я пойду ко всем людям, которые могут оказаться в этом мне полезными.

Он прищурил глаза. – И таких людей немало, – тихо добавил он, – о, нет, их много, всех тех, которым я когда-то помогал преодолеть трудности и которые должны меня отблагодарить.

Он улыбался насмешливо. – Они дадут мне деньги, я буду, как в прежние времена, снова совершать разные сделки, так как они еще верят в мой нюх. К тому же я получу необходимые подсказки и советы для этого. Кроме того, у меня за эти годы было достаточно времени, чтобы кое-что придумать. Что можно было бы начать, как, когда, с чем и так далее. Нет, за себя я не боюсь. Вы, пожалуй, думали, что я проиграл, что я конченный человек? Наоборот, я думаю, что я никогда еще не чувствовал себя таким сильным как сегодня, когда я в первый раз снова вышел на свободу! На самом деле я не могу простить себе только одного – глупости!

Он вздохнул.

- Спекуляции! А кто ими не занимается? Кто, занимаясь, как я, всеми этими коммерческими делами, может в это время сохранить свои руки совершенно незапятнанными? Я спрашиваю вас, кто? Они поймали меня, вот в этом-то и разница. О других это тоже, пожалуй, знают, но предъявить им доказательства их вины не могут. Вот потому они и обдeldывают свои делишки, и при этом сохраняют свою репутацию чистенькой. Йенсен тоже, чертов тип...

Внезапно он прервался. – Послушай, Иоганн. Я только что вспомнил, что у Йенсена есть имение, где-то в Мекленбурге. Это было бы для тебя интересно? Не раздумывай слишком долго, дружище! Просто езжай туда, передай ему «очень сердечный привет» от старого Хаберманна, и он должен устроить тебя, как управляющего, естественно, с ним ты хорошо сработаешься. – Ну?

Рапп поспешно наклонился вперед. Он положил обе ладони на стол, молчал, и дышал взволнованно. Алекса внимательно посмотрела на него.

- Ну? – повторил Хаберманн нетерпеливо. – Как вам это? Я думаю, с вами должно что-то произойти. Ведь жить так, как вы сейчас живете, долго просто нельзя? Или...?

Он движением головы показал на Алексу.

- Да! – произнес Рапп отчетливо и с уверенным тоном в голосе. – Да, если ты так думаешь, тогда я туда и поеду.

- Больше, чем «нет» не может сказать и Йенсен. Но будь внимателен, он не скажет «нет». Я помог этому типу подняться, я сделал его тем, кем он стал сегодня. Я думал, тогда в Петербурге, что он принесет мне пользу, маленький капитан. Но на самом деле это я оказался полезен ему, именно так, я ему! Он превзошел меня. Неприятный человек, но это для тебя не играет сейчас никакой роли.

Он засунул руку в карман и тщательно копался в своих бумагах. Наконец, он быстрым движением положил на стол небольшую купюру.

Он засмеялся. – Вот, – сказал он хрипло, – я думаю, я когда-то говорил с тобой о приданом, Иоганн Рапп. Это почти все, что у меня есть в настоящий момент. Я навелstil одного знакомого. Маловато, конечно, для приданого, но зато оно появилось как раз вовремя. Таков уж я – старый Хаберманн – еще сегодня смог устроить вам новое существование.

Он разгладил купюру. – Смысл сказанного: бери деньги и езжай к этому типу. Завтра же первым поездом. Адрес – подожди.

Он снова принялся копаться в бумагах, нашел грязный листочек и бросил его Раппу. – Нойбуков в Мекленбурге. Я записал адрес несколько месяцев назад, думал, что он тоже мог бы меня «отблагодарить». Ну, если он сделает что-то для тебя, то я уже ничего от него не хочу.

- Это все твои деньги? – спросил Рапп.

- Что, вот это? На сегодняшний день у меня есть еще немного мелочи. А завтра? – он задорно подмигнул. – А завтра у меня будет гораздо больше, чем вы оба вместе видели. Можешь быть в этом уверен!

Там лежали деньги, как раз под лампой. Купюра была измятая и старая, но прекрасная надежда исходила от нее. Рапп взял ее, тщательно сложил и спрятал в свой потертый кошелек.

- Спасибо, – сказал он.

- Не за что, – ответил Хаберманн. – Молчи.

Он смотрел на Алексу. Его глаза расширились, потом он, смутившись, отвел взгляд в сторону.

Она плакала. Слезы бежали тихо и быстро по худому лицу. При этом она закрыла глаза и улыбалась, и это воздействовало особенно плохо. Это была счастливая улыбка, родившаяся благодаря ему, старому Хаберманну, наколдованная этой грязной небольшой купюрой, заработанной на склеивании пакетов. Да, такова была жизнь.

Он немного наполнился гордостью. Вот пришел он, бедняк, погорелец, и помог, как раньше – как будто бы вообще ничего не случилось.

Только масштаб вещей значительно уменьшился; но он все еще был прежним: «большой Хаберманн»!

Все же, при этом он чувствовал себя действительно странно, как он сидел здесь, как отец, как благотворитель, в этой бедной комнате, наполненной до краев планами, и перед ним женщина, которая была его дочерью, и мужчина, которого она любила – собственно, два чужих человека.

Он потянулся. Теперь ему следовало бы покинуть эту комнату, вероятно, когда-нибудь однажды вернуться, не сюда, но в Буков, если с их бедностью будет покончено. Здесь же все угнетало его.

- Мне пора идти, – сказал он и сразу встал.

Они проводили его в коридор. Рапп помог ему надеть тонкое пальто. – Завтра будет новый день, дети, – сказал он. – Тот, кто увидит меня завтра, не узнает меня, даже охранник не узнает, в этом можете быть уверены. Одежда делает людей. И тогда, когда-то позже, когда у меня однажды будет время, я загляну к вам. Вот так, а пока держитесь, и всего хорошего.

Он торопился. Снаружи его ждала жизнь, полная работы и борьбы. Он быстро поцеловал Алексу, пожал Раппу руку и вышел из двери. На пороге он еще раз быстро обернулся.

Его голос звучал ясно и четко, когда он спросил:

- Где теперь живут Волковы? Тоже в Берлине – или в Париже?

- Волковы? – Алекса держалась рукой за дверь, ее лицо было очень удивленным. – Они все мертвы.

Хаберманн повернул голову назад, как будто он не понял.

- Мертвы? – спросил он. – Все? И... Татьяна тоже?

- Все, – отвечала она, все еще с большим удивлением. – Уже давно, отец.

- Так. Спасибо.

Он взялся за дверь и захлопнул ее за собой.

Алекса слышала, как он быстро и твердо спускается по лестнице. Она прислонилась к стене и раскрыла руки.

- Ваня!

Рапп стоял перед нею. Лицо его было гладким и молодым. Этот час вернул ему надежду.

Он склонился к ней, поднял ее осторожно и отнес ее назад в комнату.

- Так, моя смелая женушка, теперь отдыхай. Это был уже немного перебор, не так ли?

Она, счастливая, позволила ему заботливо уложить ее на старый диван и закутать в шерстяное одеяло.

- Теперь мы дадим тебе что-то поесть, а потом я подсяду к тебе и расскажу одну историю.

- Ах да, пожалуйста.

Она вдруг почувствовала себя страшно слабой и жалкой и обрадовалась, когда она лежала.

Со своего места она могла видеть всю комнату. Она следила за каждым движением мужчины. Он ходил туда-сюда, в кухню, назад в спальню, чтобы иногда

быстро погладить ее. Он накрыл на стол, выложил всю еду, что у них была, как будто их нужде теперь пришел конец. Во время работы он что-то напевал себе под нос, своим полным, теплым голосом.

Она закрыла глаза, не слышала ничего, кроме звука этого любимого голоса и его тихих шагов. Тарелки гроыхали, чайник в кухне закипел и умолк. Она была в полузабытьи между бодрствованием и сном, между болью, которая уходила в прошлое, и счастьем, которое тянулось в будущее.

- Так, теперь вставай и поешь, любимая.

Когда она открыла глаза, Рапп стоял на коленях перед диваном. Она увидела близко перед собой его изменившееся лицо и поцеловала его нежно.

- Я так рада, Ваня.

Он кивал ей. Ему показалось, как будто бы все тяжелые годы внезапно ушли в прошлое, просто исчезли, и он теперь снова тот самый молодой парень, как в Петербурге, как на Украине, как в то время, когда они полюбили друг друга.

Он кормил ее как ребенка, гордый тем, что мог однажды позаботиться о ней и побаловать ее. Она все время держала его руку, чтобы еще сильнее чувствовать его близость.

Потом, когда он убрал посуду, он зажег свою трубку и присел к ней на край дивана.

- Что же мне тебе рассказать? – спросил он.

- Что-то хорошее.

- Конечно, что-то хорошее! Я расскажу тебе историю, как Иоганн Рапп станет миллионером.

Она рассмеялась, но он строго посмотрел на нее. – Не забывай, что я – уже миллионер.

Он вытащил кошелек и протянул его ей. – Это миллион, начало удачи. Разве я не прав?

- Конечно! Только начни, и со временем все получится, – поддразнивала она его.

Рапп оставался серьезным. – Вот представь себе, Йенсен говорит мне: «Да, дорогой Рапп, вот как раз вас-то я и ждал». Тогда я уже большой человек. Земля, Алекса! Снова возделывать поля и заботиться о животных! Снова свобода и работа! И ты больше не должна будешь работать, не будешь больше видеть больных, не будешь больше терпеть нужду. Тебе ничего не нужно будет делать, только усердно ждать, пока не родится наш сын.

Он склонился над нею и поцеловал прямо в губы.

- Ты же будешь делать это? – тихо спросил он. – Любить меня и быть здоровой, больше ничего?

- Да, – ответила она.

Он встал и подошел к окну. Она видела лишь только его широкую спину и белокурую голову. Выражение его лица, полное страха и надежды, оставалось для нее скрытым.

- Это было бы даже невыносимо, – прошептал он хрипло.

- Ваня! – крикнула она. – Ваня! Подойди, подойди ко мне! Мы должны в это верить!

Он подошел, и она узнала серьезный взгляд его светлых глаз.

- Да, ты права, – сказал он, – да и почему бы нам однажды и не стать счастливыми, почему бы и нет?

Она кивнула. Его слова были боязливым вопросом.

- Это было бы чертовски маловероятно! – крикнул он и начал смеяться, мужественно и с большой силой воли, так же, как когда-то.

Когда Хаберманн захлопнул дверь за собой, после жестокого слова «мертвы», его лицо, его фигура, его мысли угасли. Он как во сне спешил вниз по лестнице, пробежал по двору, мимо швейцарской, и вышел на улицу.

Внезапно, когда он шел дальше, он вдруг почувствовал себя просто старым, очень уставшим человеком, сгорбленным и седым.

Он держал шляпу в руке, он забыл застегнуть пальто. Шел дождь, капли быстро хлопали по его серому лицу, люди спешили мимо него, машины издавали громкие, резкие сигналы... А он шел по городу, не видя и не слыша ничего вокруг.

В первый раз в его жизни он не чувствовал ничего, кроме биения своего сердца.

Татьяна была мертва.

Никогда, ни одной секунды он даже не думал о том, что такое могло быть возможно. То, что он, Хаберманн, любил, должно было жить, просто ради него должно было оставаться живым! Эта женщина была смыслом его существования, с самого начала. Никто, никто не знал об этом.

Куда теперь исчезли его планы? Не было ли у него больше мужества? Ах, мужества, силы и ума у него было достаточно, чтобы снова начать все сначала. Но у него уже не было желания для этого. Нет, у него больше совершенно не было желания, и это даже не было плохо.

Он всю свою жизнь мыслил и действовал трезво, и знал, о чем шла речь. Он теперь очень хорошо знал, что его ожидало. Он был человеком, который сидел в тюрьме. И это значило, что по каждой дороге, по которой он когда-то раньше должен был идти только один раз, ему теперь нужно было пройти в сто раз больше, прежде чем он достигнет цели.

И только ради Татьяны он был бы в состоянии снова пробить себе дорогу. Только ради нее это имело бы смысл.

Он шагал быстрее, проходил мимо магазинов и остановился внезапно перед витриной ювелирного магазина. В ярком свете пестрыми молниями сверкали тысячами оттенков бриллианты. Хаберманн внимательно смотрел на драгоценности и горько улыбался. Нет, эти вещи потеряли свое обаяние. Он так хотел снова добиться власти и богатства, не для себя самого, для женщины, которую он любил, много лет, одиноко и упорно.

Он как-бы очнулся ото сна в испуге, когда за ним кто-то засмеялся.

Правильно, жизнь продолжалась, люди смеялись, или они плакали. Он так хорошо знал людей. Благодаря ему они плакали достаточно часто, смеялись реже...

Какая-то пара, держась за руки, прошла перед ним и зашла в кафе. Он продолжал стоять, смотрел им вслед и качал головой.

- Вот это, – сказал он вслух, – прошло мимо тебя.

С насмешливой, полной превосходства улыбкой на худом, впалом рте, он твердо и спокойно шагал вперед в потоке людей.

Его жизнь была без любви, но полная надежды, но ведь у него все же была цель: добиться этой женщины. Это было таким сильным мотивом, такой невыразимой заманчивостью!

Он пришел на более темные, уединенные улицы, на какую-то площадь со скамейками, и сел на одну из них.

На большом удалении через город текла жизнь, издалека доносились сюда сигналы машин, луч света, туманный и красный, стоял над домами.

До него жизнь больше не дотягивалась.

Он сидел, шляпа на коленях, спина согнутая.

Все. Конец. Он был прожектёром, игроком.

Ни один человек теперь больше не мог быть для него кем-то. Его целью не было каждые несколько дней, одиноким и старым, приходить к Раппу и Алексе. Там он был чужой, пожалуй, по его собственной вине, но он не сожалел об этом.

Да и чем они были обязаны ему?

Ему, Хаберманну, человеку с замкнутым, холодным сердцем и ясным разумом? Человеку, который жаждал только одного человека в этом мире...

Хаберманн никогда не был сентиментален. И теперь тоже он подвел ясный итог. И при мысли о том, что завтра ему как просителю придется идти к его «друзьям», его передернуло. Он покачал головой.

Нет!

Но тогда что?

Покой, не так ли? Ничего, кроме покоя, окончательного спокойствия, окончательного забвения.

Еще долго он сидел.

Наконец, он встал. Он не знал, как далеко уже прошла ночь.

Фонари над площадью качались на легком ветру.

Хаберманн поднял кверху воротник пальто и шагал по проезжей части, медленно и спокойно.

Он свернул на маленькую, черную улицу. Большая фигура, очень прямая, с поднятыми плечами, сделав несколько шагов, исчезла из света... чтобы нырнуть в темноту.

Шляпа, которую он забыл, на рассвете начавшегося утра еще лежала на скамье, пока какой-то бедняк не нашел ее и не забрал с собой.

Поезд останавливался на маленькой станции в Нойбукове только на несколько минут. Несколько человек вышли и двинулись своей дорогой. Рапп прямо у заграждения в проходе на перрон спросил однорукого кондуктора, как можно найти имение Йенсенов.

- Ну, тогда удачи! – отвечал мужчина. – Этот тип настолько же богат, насколько он зол и капризен. Тому, кто был на фронте, такие спекулянты не могут внушать уважение. Ему стоило бы как-то полежать в траншеях на Сомме или под Верденом, тогда всякие прихоти у него быстро бы прошли.

Был холодный, туманный день, еще раннее утро. Земля замерзла, и над голыми полями лежала великая меланхолия.

Рапп шагал быстро по проселочной дороге, и чем дальше он шел, тем шире простиралась вокруг него земля, вплоть до далекой линии туманного горизонта.

Его шаги становились увереннее и свободнее. Он проходил мимо маленьких гостиниц, которые лежали на дороге, он шел вдоль опушки сосновых лесов и радовался высоким, стройным стволам, сквозь которые слабый свет падал на мшистую землю. За ним из облаков иногда появлялось солнце. Поднялся ветер и гнал перед собой серые стены облаков.

Пройдя примерно час, он свернул с проселочной дороги на широкую разбитую песчаную дорогу. Вдали уже хорошо можно было разглядеть дома. Конюшни полукругом смыкались вокруг большого двора, который частично был окружен кирпичной стеной. Сквозь голые деревья просвечивали красные крыши.

Телега медленно выехала из ворот, закутанные батраки и батрачки сидели на ней и ехали на работу. Как он им завидовал!

- Это имение Йенсенов? – крикнул он им.

Они кивнули в ответ.

Наши мекленбуржцы все еще так же неразговорчивы, как и прежде, подумал он весело. Он посмотрел вслед телеге, увидел, как она свернула и поехала по полям, и разглядел вдали, как она остановилась, как люди спрыгнули и рассыпались по полю. Он с приятным чувством медленно вошел во двор. После короткого промедления он направился к стоящему в стороне чистому домику.

- Что вам угодно? – раздался грубоватый голос за ним, когда он нажал вниз дверную ручку.

- Я хочу поговорить с господином Йенсеном.

- Ах, новый управляющий? Я – старый, которого вышвырнули, уже десятый, двадцатый или сотый по счету. Ну, желаю хорошо повеселиться! Из наших мест уже никто больше и не пытается пойти на эту работу. Ваше имя?

- Иоганн Рапп.

- Ждите здесь.

Он оставил Раппа на дворе и вошел в дом.

- Вы не очень-то вежливы! – крикнул Рапп ему вслед.

- Вам придется долго ждать, дружище.

- А может быть и нет! Я точно войду и без вашего разрешения!

Он повернулся, спросил одного из батраков, где его хозяин, и попросил показать дорогу к дому хозяина, который лежал вне хозяйственных построек.

На возвышенности, к которой с обеих сторон вели ухоженные дороги, окруженные кустами и деревьями, поднималось продолговатое строение с красной крышей и узкими, высокими окнами.

Счастливые люди, думал он. Летом, когда все зеленеет, оттуда, наверное, открывается великолепный вид.

Он медленно поднялся на возвышенность и стоял перед тяжелыми, дубовыми воротами. Очевидно, о его приходе уже сообщили, так как не успел он коснуться латунного дверного кольца, как старый слуга уже открывал ему дверь с озабоченным выражением лица.

- Господин очень рассержен, – прошептал он. – Вы не предупредили заранее о своем приходе, это плохое начало для вас.

- Ничего страшного, – сказал Рапп с уверенной улыбкой. Он отдал слуге пальто и вошел в комнату, которую тот показал ему.

Большое, светлое помещение со старой мебелью было уютным и теплым.

Правильно – когда Рапп посмотрел из высокого окна с несколько запотевшими стеклами, он увидел именно тот вид на равнину и темно-зеленые сосновые леса, который он и ожидал увидеть. Он погрузился в созерцание и забыл о настоящем.

- Ваша просьба о получении должности бессмысленна, сударь, – прорычал кто-то за его спиной. Рапп быстро обернулся.

Там стоял Йенсен, маленький капитан, и выглядел он так же, как всегда. Так, как будто бы он только что прислонился к поручням своего корабля. Руки в карманах брюк, невысокий, трубка во рту, со светлыми, злыми глазами и его старой маленькой серой эспаньолкой.

- Вы, похоже, думаете, что можете вести со мной так, как вам это нравится? – сказал Рапп, улыбаясь, видя, как мужчина побледнел перед ним и вытащил сжатые кулаки из карманов брюк.

– Драться не стоит, капитан Йенсен.

Он молниеносно схватил мужчину за оба плеча и подтянул его к себе на свет. – И что же делает нынче «Адлер II», а, старый блокадопрорыватель?

Тут Йенсен медлительным движением вытащил трубку изо рта и недоверчиво уставился на Раппа.

- Барон Рапп?... Вы... Вы, нет, вы же не можете быть таким старым!

- Я стал таким...

Широкая ладонь Йенсена легла на ладонь Раппа. Он больше не находил слов, его неуверенный взгляд потемнел, как будто он возвратился далеко в прошлое.

- Я приехал, – сказал Рапп после длительного молчания, – чтобы найти у вас работу!

- У меня? На моем небольшом куске земли? Оставьте меня. Нет, это же невозможно. Вы смеетесь надо мной, Рапп!

Рапп покачал головой. – Почему вы так удивились? Я бедный человек, и моя жена вынуждена кормить меня. Видите ли, Йенсен – я должен получить работу! Вы меня понимаете? В городе я уже просто не выдержу.

Теперь он говорил взволнованно, с бледным лицом и тонкими губами. – Старый Хаберманн вчера пришел к нам, он только что вышел из тюрьмы. Он прислал меня.

- Работа. – Йенсен с трудом произнес это слово. – Да, барон Рапп! Само собой разумеется. Естественно, вы можете получить работу. Вы останетесь здесь, как управляющий, как мой друг...

Рапп стоял совсем тихо. Поток слов маленького мужчины тек мимо него. Только одно единственное слово оставалось отчетливым, громким и близким: «Да!»

Он стоял здесь, и никто не замечал по нему, что в эти минуты вся боль, которая долгие годы накапливалась в нем внутри, растворилась и прошла.

Он начал улыбаться.

О чем там еще говорил Йенсен? Что-то о еде, питье и сне. Пожалуйста, делайте со мной все, что хотите. Я согласен на все. Я так счастлив!

- Я все устрою! – крикнул Йенсен и покинул комнату поспешными, маленькими шажками.

Рапп все стоял у окна, поднял голову, все еще улыбаясь, и смотрел на землю, вдаль, на поля и леса.

Во время обеда он непрерывно рассказывал. Йенсен с угасшей трубкой сидел как застывший в своем кресле и слушал.

Когда Рапп, наконец, умолк, голова Йенсена повернулась к нему.

- Да, – серьезно сказал он. – И моя жизнь тоже изменилась, Рапп.

Он показал на обстановку, старую красивую мебель, ценные ковры и дорогие картины.

- Я сильно поражен, дорогой Йенсен, я поздравляю...

- Нет, не поздравляйте. – Мужчина, погружившись в мысли, зажег свою трубку.
– Вероятно, это счастливая случайность, которая ведет вас ко мне... также для меня. Вероятно, хорошо, что я нашел именно вас. Мне это больше не нравится, Рапп!

Его взгляд стал тяжелым. – Я уйду. Вы останетесь. Я стал чужим самому себе. В Кампене на острове Зюльт меня уже много лет ждет маленький рыбацкий домик моего отца. Там у моей жены и у меня будет мирная старость. Я ведь не земле-владелец. Я моряк, и я хочу еще в мои последние дни видеть вокруг себя море.

Он молчал, пока Рапп пытался понять этого человека.

- Мои последние плавания были чистым безумием, – рассказывал Йенсен хриплым голосом. – Это даже больше не было похоже на смелость. Я мог бы сесть черту на рога, и даже это удалось бы мне. Я собирал все, бессовестно, не оглядываясь ни на что, Рапп! Деньги, женщины, все, чего я хотел! Но при этом я забыл свою жену, как она постарела и преждевременно сморщилась из-за заботы и страха за меня, так что она больше не была достаточно хороша для старого Йенсена.

Он показал на потолок.

- Над нами, в ее комнатах, она сидит теперь изо дня в день. Она парализована, так как ей однажды на собственном опыте пришлось узнать, какой подлой сволочью я был. Я просил ее тогда о прощении, но она смотрела в сторону... Я не рассказывал об этом никому, но теперь пора, чтобы я стал тем, кем я был. Вы будете здесь работать. Но так, как будто эта земля принадлежит вам! И я подведу черту под всем, под последними годами... Собака, проклятый черт, старый Хаберманн, довел меня до этого. Что же, интересно, будет с ним самим?

- Он, – сказал Рапп и при этом с тихим чувством благодарности увидел перед собой хладнокровное, спокойное лицо старого Хаберманна, – он снова поднимется, Йенсен. Он точно сможет!

Был теплый, светлый весенний день, когда Иоганн Рапп на маленькой станции ждал поезд, на котором должна была приехать Алекса.

Он снял фуражку, прислонился к заграждению в проходе на перрон и заговорил с одноруким кондуктором.

Люди с корзинками, полными овощей, кивают ему. Он быстро стал одним из них, он стал частью их жизни.

На нем его рабочая одежда, крепкая куртка из грубошерстного сукна, брюки для верховой езды и высокие сапоги. Лицо его румяное и здоровое.

Как только поезд с шумом подъезжает к станции, он сразу видит, как она стоит у окна купе. И в этот момент, когда он открывает дверь и поднимает ее оттуда, его охватывает такое счастье, что он просто держит ее на руках и несет по перрону, мимо маленького дома станции, до экипажа.

Люди за его спиной смеются и радуются вместе с ним.

Рапп тщательно укутывает Алексу в кожаные одеяла на толстой подкладке и запрыгивает рядом с нею на козлы. Он легко цокает языком, ласково щелкает кнутом над головами лошадей.

Тогда они едут, не говоря ни слова.

Алекса видит его крепкие руки, которые удерживают нетерпеливых лошадей, чтобы те бежали очень медленно, и чтобы с нею ничего не случилось. Однажды он нежно кладет руку на ее колени. В этом единственном жесте кроется все: любовь, доверие и благодарность.

Она смотрит на него, ее взгляд охватывает все его лицо, седые виски, прямоугольный подбородок и шрамы. Его светлые глаза смотрят вдаль, и на его губах лежит улыбка.

Широкие, блестящие спины лошадей и головы с длинными гривами поднимаются и опускаются в равномерном беге.

Рапп поднимает одну руку, обнимает Алексу за плечи и притягивает ее ближе к себе.

Внезапно, со всей силой и неудержимостью, вся его жизнь стоит перед ним:

Его земля, его жена и он сам.

Перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2016 год.

Читайте другие произведения Теодора Крёгера на русском языке:

Теодор Крёгер. Забытая деревня

Теодор Крёгер. Наташа

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).